

РОССИЙСКИЙ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ:

проблемы формирования,
материалы к историко-археологическому
изучению региона

**Доклады и сообщения 19 семинара
Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова**

Международная академия информатизации
Общественная академия наук, культуры и образования Кавказа
Армавирский государственный педагогический университет
Кавказоведческая научно-педагогическая Школа В.Б. Виноградова

**РОССИЙСКИЙ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ,
МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ
ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНА**

**Содержание докладов и сообщений
19 семинара
Кавказоведческой Школы
В.Б. Виноградова**

Армавир 2016

УДК 94
ББК 63.3(2Р37)
Р 76

Печатается по решению Кафедры всеобщей и отечественной истории
АГПУ и семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова

Ответственный редактор
д.и.н., профессор С.Л. Дударев

Российский Северный Кавказ: проблемы формирования,
материалы к историко-археологическому изучению региона. — Арма-
вир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. — 124 с.

ISBN 978-5-906137-68-5

В сборнике публикуются материалы очередного, 19 семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. В докладах и сообщениях, прозвучавших на семинаре, рассматривались темы разнопланового характера. Было уделено внимание перспективным задачам коллектива Школы, особенно, написанию коллективного монографического труда «Тысячелетие Российского Северного Кавказа: историко-этнографические очерки (IX–XIX века)». Обсуждались его структура, содержание разделов, подходы к написанию материалов, и т.п. Было уделено особое внимание рассмотрению отдельных разделов коллективной монографии, имеющих принципиальное значение для понимания общего направления российской политики на Северном Кавказе в XVIII в. и в последующие столетия. Члены семинара представили результаты своих исследований в области охраны и изучения памятников истории и культуры северокавказского региона. На семинаре прозвучали сообщения, касающиеся оценок его членами новой вышедшей в свет литературы по проблемам регионоведения Северного Кавказа. В сборнике помещены работы членов Кавказоведческой Школы, представляющих российские вузы, музеи, образовательные учреждения г. Армавира, Ростова-на-Дону, Махачкалы, Пятигорска, Владикавказа, Губкина (Белгородская область).

Для преподавателей вузов, научных работников, учителей школ, аспирантов, магистрантов и студентов

На 1-й странице обложки — сражение при Валерике (М.Ю. Лермонтов, Г.Г. Гагарин). На 2-й странице обложки — товарообмен между горцами и русскими. 30-е годы XIX века (по Е.Н. Даниловой).

ISBN 978-5-906137-68-5

© Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова

ВВЕДЕНИЕ

31 января 2016 г. в АГПУ состоялся очередной, 19 семинар Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. На нем было принято решение опубликовать материалы выступлений присутствующих, а также тех членов коллектива, которые не смогли принять участие в его работе непосредственно.

В настоящем сборнике представлены доклады и сообщения, сгруппированные в три основных блока.

Первый блок представлен открывающей сборник статьей руководителя семинара д.и.н., профессора С.Л. Дударева (АГПУ), посвященной некоторым итогам работы Кавказоведческой Школы в 2013–2015 гг., и перспективам на 2016–2018 гг. Здесь же размещена информация директора Центра археологических исследований АГПУ к.и.н., доцента И.И. Басова, специалиста ЦАИ АГПУ В.И. Басова, д.и.н., профессора, декана исторического факультета АГПУ Ю.В. Приймака о деятельности ЦАИ АГПУ в 2015 г.

Во второй, самый объемный, блок включены материалы по историческому регионоведению Северного Кавказа. Они, в свою очередь, подразделяются, на три секции. В первой освещается обсуждение первых, промежуточных итогов написания коллективной монографии, идея которой принадлежит покойному основателю Школы В.Б. Виноградову — «Тысячелетие Российского Северного Кавказа: историко-этнографические очерки (IX–XIX века)». В данный раздел входит выступление координатора проекта, д.и.н., профессора Ю.Ю. Клычникова (ПГЛУ), в котором освещена структура работы, указаны исполнители глав и т.д. Здесь же помещена статья д.и.н., профессора С.Л. Дударева, которому принадлежит общее научное руководство проектом, о некоторых подходах к написанию обобщающей работы по региональной истории, где затронуты особенности освещения ряда дискуссионных вопросов и проблем исторического прошлого Северного Кавказа. Первая секция также содержит результаты обсуждения одного из уже выполненных разделов, 2.3, написанного д.и.н., профессором Н.Н. Великой (АГПУ), касающегося особенностей политического взаимодействия российского государства с горцами Северного Кавказа в XVIII веке. Причины особого внимания к обсуждению именно этого готового раздела работы заключаются в высокой актуальности полученных ав-

тором результатов для понимания подходов Российского государства к политике на кавказском направлении в XIX — начале XXI в. В обсуждении раздела, как и тематики, идущей в его развитии, приняли участие д.и.н., профессор С.Л. Дударев (АГПУ), д.и.н., профессор Н.Н. Гарунова (ДГУ, г. Махачкала), д.и.н., профессора В.А. Матвеев (ЮФУ, г. Ростов-на-Дону) и к.и.н., доцент Л.Н. Хлудова (АГПУ).

Во второй секции первого блока, освещающей различные вопросы историко-регионоведческой проблематики, публикуются статьи д.и.н., профессора Н.Н. Гаруновой, представителей органов народного образования Н.Н. Еремина и О.Н. Шевченко (г. Губкин).

В третьей секции помещены отклики д.и.н., профессора Н.Н. Гаруновой, д.и.н., профессора Ю.Ю. Клычникова, представителей АГПУ: д.и.н., профессора Б.В. Виноградова, к.и.н., старшего преподавателя О.С. Пылкова, к.и.н., доцента А.А. Цыбульниковой, д.и.н., профессора С.А. Головановой на новые монографии и диссертационные работы по историко-регионоведческой проблематике (труды В.А. Матвеева, Е.С. Тютюниной, А.Т. Джумагуловой, Е.В. и Н.Н. Великой).

В третьем блоке сборника даны статьи и заметки исследовательского и критико-библиографического характера по археологии Северного Кавказа, касающиеся исследований памятников эпохи бронзы — позднего средневековья (к.и.н., доцент Г.Н. Вольная (ИИА РСО — Алания, г. Владикавказ), к.и.н. С.Н. Савенко (Пятигорский музей краеведения), д.и.н., профессор С.Л. Дударев).

Издание адресовано не только научным работникам и преподавателям высшей школы, но и учителям школ, а также студентам вузов, т.е. представителям самого массового сектора образовательного процесса нашей страны, который всегда был в эпицентре внимания и неутомимой деятельности талантливого ученого, педагога и наставника Виталия Борисовича Виноградова.

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

С.Л. ДУДАРЕВ

(г. Армавир)

О ПЕРСПЕКТИВАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Уважаемые коллеги! Приступая к нашей встрече, позвольте остановиться на тех задачах, которые перед нами стоят в перспективе. Предыдущая наша встреча в рамках семинара состоялась в январе 2013 г., затем, в декабре того же года коллектив торжественно отметил 50-летие своего создания. В апреле 2015 г. состоялись мемориальные Виноградовские чтения. Сегодня проводится 19 семинар Кавказоведческой Школы. Таким образом, стал вырабатываться определенный цикл работы коллектива, после ухода из жизни его основателя в сентябре 2012 г., стали намечаться контуры нашей дальнейшей работы. Полагаю, что структура нашего общения, может иметь в ближайшем будущем следующий вид.

1 раз в год считаю необходимым проводить Кавказоведческий семинар, хотя, не исключая, что, начиная со следующего учебного года, следует изыскать возможности для проведения семинара чаще: много появляется литературы, новых вопросов и проблем, которые следует обсуждать более оперативно. На следующий год после проведения семинара целесообразно проводить «Виноградовские чтения». Было бы оптимально организовывать ВЧ 1 раз в два года. Ближайшие ВЧ нужно проводить в следующем, 2017 г. Но следуя такой логике, получится, что в 2018 г. Чтений быть не должно. Однако обращаю ваше особое внимание на то, что в 2018 г. — **80-летие В.Б. Виноградова, 55-летие Школы, и 70-летие АГПУ**, т.е. Чтения нужно проводить обязательно. У меня была мысль, что в 2017 г. ВЧ можно было бы провести заочно, чтобы не нарушать очередность, а в 2018 — очно. Теперь же я предлагаю сделать следующее. В начале 2017 г. не проводить ВЧ заочно, но провести юбилейный, 20 семинар Кавказоведческой Школы. Он пройдет в год 100-летия Великой Октябрьской социалистической революции. С.Н. Ктиторов уже предлагал мне отметить эту дату. Дело в том, что если мы посвятим ей семинар, то его нужно будет проводить

почти через два года. Это очень долго. В материалах 20 семинара можно будет учредить рубрику, например, как это было некогда: «Навстречу 100-летию Октября» и т. п. А в ноябре 2017 г. провести на истфаке силами факультета и кафедры конференцию студентов и преподавателей, посвященную этой дате, с участием присутствующих коллег. Я полагаю, что такое мероприятие будет полезным и актуальным в воспитательном плане, учитывая общественную обстановку.

Теперь необходимо затронуть тему о нашей издательской деятельности. По сравнению с той огромной и кипучей работой, которая имела место у Школы в 1990–2000-е гг., нынешняя выглядит скромно, хотя один юбилейный том 2013 г. представляет собой значительный результат работы коллектива. Но это было исключение. Полагаю, что нынешняя ситуация в высшем образовании вряд ли позволит нам осуществлять такой объем печатной продукции. Но есть издания, которые являются наиболее приоритетными и которые нужно выпускать всеми мерами.

Прежде всего, я имею в виду сборники Кавказоведческого семинара, Виноградовских чтений (отв. ред. С.Л. Дударев), «Вопросы южно-российской истории» (отв. ред. С.Н. Ктиторov) и «Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа» (отв. ред. А.А. Цыбулькиова). Ставлю вопрос о том, что можно было бы учредить и сборник Центра археологических исследований (на усмотрение И.И. Басова). На эту издательскую деятельность нужны финансы. От юбилея 2013 г. осталась определенная сумма, которая минимально обеспечивает ближайшие пару выпусков семинара и ВЧ. Остальные суммы нужно изыскивать и я жду ваших предложений на этот счет. Со своей стороны, еще раз прошу о содействии И.И. Басова (по линии Центра археологических исследований АГПУ) в плане публикации изданий, не проходящих по грантам и госзаданиям. Издания будут тиражно минимальными, большая часть аудитории все чаще будет охватываться электронными копиями (PDF).

Далее, стоит вопрос о *сохранении нашего старого печатного фонда* и размещении его на блоге Школы. **Создание блога (<http://school-vinogradov.blogspot.ru/>)**, за что приношу большую благодарность А.А. Цыбулькиовой, исполнителю этого проекта, наряду с проведением 1-х Виноградовских чтений — один из самых позитивных итогов 2015 г., и не побоюсь сказать — даже прошедшего десятилетия. В медийное пространство нужно было выходить уже давно. Многие издания 1990-х–2000-х гг. не сохранились в цифровом виде (вуз, как известно, пережил пожар 2012 г.). Нужно осуществить оцифровку наиболее приоритетных изданий прошлых лет, хотя бы выборочно (в т. ч. ряд книг В.Б. Виноградова: «Топонимия Средней Кубани», «Средняя Кубань — земляки и соседи», «Судьбы древних монет», «Российский Северный Кавказ: фак-

ты, события, люди» и др.), грозненский сериал «Археология и вопросы...». Нужно воссоздавать электронные сериалы «Вопросов южнороссийской истории» и «Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа», верстку юбилейного сборника избранных работ В.Б. Виноградова, который не только нужно выставлять на блог, но и переиздавать к 80-летию Учителя, и т.д. Эта работа рассчитана не на один год. Она объемна, и в нее нужно вовлекать студентов.

Все, что было озвучено — это организационные моменты. Но во второй части своего выступления я не могу не сказать о том, что пафос всей указанной деятельности будет иметь смысл и эффективность, если мы с вами будем и впредь сохранять свое *качество*, которое было у нас в прошлые годы, при В.Б. Виноградове, статус, именуемый некоторыми историками в Интернете как *«чрезвычайная комиссия»*. Школа должна быть не просто неким клубом или обществом памяти профессора Виноградова, но со своей стороны скромно, но весомо, подкреплять идею Российского Северного Кавказа и другие приоритеты коллектива, т.д., через различные формы своей деятельности. И вот они-то и являются предметом нашего и моего особого беспокойства. Наши разработки должны иметь практическое воплощение, востребованность. Проявляется ли к ним внимание из руководящих структур? Важно, что в коллективе ведутся разработки по грантам РГНФ. К.и.н., доценты С.Н. Ктиторов и О.В. Ктиторова занимались реализацией научного проекта «Формирование российской культурно-образовательной сферы в сообществе народов Северо-Западного Кавказа как фактор и результат интеграционного процесса XIX – начала XX в.» (объем финансирования — 200 тыс. руб.), д.и.н., профессора Б.В. Виноградов, Ю.В. Приймак работали в русле научного проекта «Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.)». Объем финансирования — 200 тысяч рублей.

Единственным нашим реальным госзаказчиком является ректор АГПУ профессор А.Р. Галустов, за что мы приносим ему свою искреннюю признательность. Он имел, разумеется, изначально свое видение госзадания в рамках тематики межэтнического сотрудничества (термин «толерантность» мы уже не произносим вследствие того, что он, в свете последних событий за рубежом, изжил себя). Но никакие другие руководящие структуры к тематике, такой важной для многонационального Краснодарского края, интереса не проявляют. Госзадание, финансируемое Минобрнауки РФ (проект № 944 «Этнолокальные сообщества в поликультурном пространстве России: проблемы универсализма и идентичности») (объем финансирования — 275 тыс. р.) — по

прежнему наш приоритетный и реальный «выхлоп». В 2015 г. по нему состоялся выпуск монографии «Этноконфессиональная ситуация на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России (конец XVIII – начало XXI в.)» (Армавир, 2015. — 262 с.). Данную тематику нужно стремиться продолжать, как бы она ни создавала не совсем удобные стыки с личными разработками по грантам. Еще одним важным проектом, который «сшивает» наш коллектив и дает ему целеполагание, является выполнение монографического труда «Тысячелетие российского Северного Кавказа: историко-этнографические очерки (IX–XIX века)», ход написания которого мы сегодня будем обсуждать. Как и у госзадания, и печатной продукции по нему, у этого труда есть только одна перспектива на выходе — *стать пособием для наших вузовских курсов по выбору*. Но есть еще один аспект, о котором было временно забыто в обстановке, сложившейся в последние годы в высшем образовании. Еще несколько лет назад в нашем вузе был поставлен вопрос о т.н. ноу-хау. Так вот, таким ноу-хау для Школы является ее БАЗА ДАННЫХ. Для нее создана, в принципе, прочная основа. Но теперь дать всему правильную организацию. Я прошу Л.Н. Хлудову начать зондировать через В.Е. Лобу, В.Е. Бельченко, и др. возможности для практического воплощения этой идеи.

Если брать ситуацию еще шире, то на сегодня Школа является единственной низовой структурой, ячейкой, реально сохранившейся после всех передряг с оптимизацией и т. п., как на истфаке, и в АГПУ, так и за его пределами, на уровне города, края и региона. В наших вузовских и армавирско-среднекубанских исторических делах, по крайней мере, Школа является по факту лидером. Ее деятельность может и должна касаться и профориентационной работы, и работы с учителями и т. п. Невозможно допустить, что имея сейчас такую позицию и репутацию, при всех трудностях, настоящих и будущих, Школа распалась под давлением обстоятельств, терзающих высшую школу России (за исключением полного форсмажора). Большинство членов Школы, работающих в АГПУ, как основе коллектива, находятся в среднем, самом работоспособном, цветущем возрасте. Факультетом руководит представитель Школы профессор Ю.В. Приймак. Руководство кафедрой также принадлежит представителю Школы. Нельзя упустить ни единой возможности для консолидации и усиления коллектива. Школа может реально помочь и элементарной идее самовьживания каждого ее члена, и это тоже будет практическим результатом ее работы.

В.И. БАСОВ, И.И. БАСОВ, Ю.В. ПРИЙМАК
(г. Армавир)

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АГПУ В 2015 ГОДУ

Одним из направлений научной и финансово-экономической деятельности Школы, созданной В.Б. Виноградовым, является работа Центра археологических исследований. В своем выступлении на первых Виноградовских чтениях мы осветили историю становления ЦАИ и его работу в 2012–2014 годах [1], этот доклад можно рассматривать как отчет о проделанной работе в 2015 году.

Общий объем финансирования в отчетном году составил 2,5 миллиона рублей. Несмотря на серьезные экономические трудности в стране эта цифра повторяет результат 2014 года. Но произошли некоторые изменения по сравнению с предыдущим периодом. ЦАИ АГПУ в 2014 году выполнил три государственных контракта, по инициативе и непосредственном контроле — Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края (руководитель Г.Н. Полтавец). В 2015 году таких госконтрактов было всего два и на меньшую сумму. Но значительно увеличилась работа с коммерческими структурами и физическими лицами — всего было заключено восемь договоров на сумму 1 миллион рублей.

В 2015 году работы по госконтрактам проводились на территории Лабинского и Успенского районов (было исследовано и поставлено на учет 90 памятников археологии, обнаружено множество ранее не учтенных). Так же проводились хоздоговорные работы в г. Армавире, Новокубанском и Мостовском районах Краснодарского края.

Одним из направлений деятельности ЦАИ стала работа по охране памятников археологии от незаконной хозяйственной деятельности, т. е. их возможного полного разрушения. Благодаря нашему оперативному вмешательству было предотвращено несколько случаев начала работ в зоне охраны памятника без согласования с краевым Управлением, в двух случаях, в рамках, проведенных расследований были заведены уголовные дела (Успенский район), в которых сотрудники ЦАИ выступают в качестве экспертов.

Благодаря деятельности ЦАИ во внутривузовском рейтинге эффективности исторический факультет занял первое место, кафедра всеобщей и отечественной истории заняла первое место, И.И. Басов занял

первое место среди доцентов, а Ю.В. Приймак второе место среди профессоров.

Научным направлением деятельности ЦАИ является работа по грантам. Руководителем гранта выступил Б.В. Виноградов, исполнителем Ю.В. Приймак, тема «Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.)». Объем финансирования — 200 тысяч рублей (см. выше).

В качестве перспектив планируется дальнейшее выполнение хозяйственных работ, а также усиления научного потенциала работы ЦАИ. В настоящее время идет работа по преобразованию ЦАИ в малое инновационное предприятие, в качестве ноу-хау патентуется база данных по памятникам археологии г. Армавира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Басов И. И., Приймак Ю.В. О деятельности Центра археологических исследований АГПА в 2012–2014 годах // Виноградовские чтения / Материалы Международной научно-практической конференции. Армавир: Дизайн студия Б, 2015. С. 57–59.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

I.

Обсуждение хода выполнения коллективной монографии «ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РОССИЙСКОГО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ (ІХ–ХІХ ВЕКА)»

1.

Общие вопросы написания монографии

Ю.Ю. КЛЫЧНИКОВ

(г. Пятигорск)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ НАПИСАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ О РОССИЙСКОМ СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Уважаемые коллеги, сегодня мы подводим первые итоги наших совместных усилий по написанию коллективной монографии «Тысячелетие российского Северного Кавказа (ІХ–ХІХ вв.)». Историко-этнографические очерки», автором идеи которой был основатель нашей Школы, доктор исторических наук, профессор, академик В.Б. Виноградов. К сожалению, он не успел сам воплотить в жизнь этот замысел, и наша задача завершить задуманное Учителем.

В результате коллективного «мозгового штурма» было принято решение условно разбить работу на три блока, хронология которых представляется следующим образом:

1. ІХ–ХVII века (курирует направление проф. С.А. Голованова).
2. ХVIII век (курирует направление проф. Н.Н. Великая).
3. ХІХ век (курирует направление проф. Ю.Ю. Клычников).

Общая редакция монографии будет осуществляться проф. С.Л. Дударевым, за которым, с согласия авторов, закрепляется право на корректировку и дополнения в окончательный вариант текста. К настоящему времени уже написаны несколько разделов по ХVIII и ХІХ векам,

которые были представлены для обсуждения всем участникам нашего творческого союза. Первоначально в состав авторского коллектива были включены следующие специалисты: д.и.н. Н.Н. Великая, д.и.н. Б.В. Виноградов, д.и.н. С.А. Голованова, д.и.н. С.Л. Дударев, д.и.н. Ю.Ю. Клычников, к.и.н. С.Н. Ктиторов, к.и.н. О.В. Ктиторова, д.и.н. С.С. Лазарян, д.и.н. Ю.В. Приймак, к.и.н. Л.Н. Хлудова.

По предложению Ю.Ю. Клычникова его раздел был структурирован следующим образом:

Глава III. Российский Северный Кавказ в первой половине XIX столетия

- 3.1. Военно-политическое отражение северокавказского кризиса: российская армия в модернизационных процессах в регионе
- 3.2. Административно-судебные эксперименты на Северном Кавказе и реакция на них автохтонного населения
- 3.3. Хозяйственно-экономическая трансформация Северного Кавказа: надежды, реалии, перспективы
- 3.4. Этнические коллизии региона: интересы Большой России и народы Северного Кавказа
- 3.5. Межкультурная коммуникация в условиях пограничья: «Мы» и «Они» на пути к «совместничеству»
- 3.6. Северный Кавказ как «Terra incognita»: новая окраина глазами русской общественности

Глава IV. Политический, социально-экономический и культурный облик Северного Кавказа во второй половине XIX столетия

- 4.1. Северный Кавказ в условиях преодоления последствий политического и социокультурного кризиса и его рецидивов
- 4.2. Северокавказская специфика модернизационного рывка: новые социально-экономические реалии региона
- 4.3. Изменения в этническом облике Северного Кавказа: колониционно-переселенческие процессы и их последствия
- 4.4. Специфика управления регионом в новых исторических реалиях
- 4.5. Становление соотечественников: этнические архетипы и державная идентичность (изменения в материальной и духовной культуре народов Северного Кавказа)
- 4.6. Культурный облик Северного Кавказа в пореформенный период

Формулировка раздела 3.1 по предложению проф. С.Л. Дударева была изменена, и в состав авторского коллектива приглашён к.и.н. О.С. Пылков. К настоящему времени раздел 3.1 (авторы Ю.Ю. Клычников, О.С. Пылков) и раздел 4.1 (автор Ю.Ю. Клычников) написаны и прошли предварительное обсуждение. Коллеги, пользуясь случаем, хочу выразить признательность С.Л. Дудареву и Н.Н. Великой за ценные замечания и предложения, которые были учтены и использованы при «шлифовке» текста. Призываю и остальных исследователей активно включаться в предварительную работу над черновым вариантом параграфов.

Для обсуждения был представлен текст разделов II блока, написанный Н.Н. Великой и Б.В. Виноградовым. При его подготовке возникли сложности со структурированием материала, что объясняется некоторыми расхождениями в трактовке описываемых событий авторами данной главы. Предлагаемая разбивка выглядит следующим образом:

Глава II. Предпосылки усиления российско-горских отношений в XVIII веке

- 2.1. Формирование нового социального и этно-культурного облика Предкавказья (Н.Н. Великая)
- 2.2. Роль российских городов региона в интеграционных процессах в XVIII веке (Н.Н. Великая)
- 2.3. Об особенностях политического взаимодействия российского государства с горцами Северного Кавказа в XVIII веке (Н.Н. Великая)
- 2.4. Специфика российско-северокавказских взаимоотношений в начале — середине XVIII века (Б.В. Виноградов)
- 2.5. Особенности российско-северокавказского взаимодействия во второй половине XVIII в. (Б.В. Виноградов)

Видится, что характер представленного текста делает целесообразным следующую формулировку параграфов раздела и его названия:

Глава II. Северокавказское направление в восточной политике России в XVIII столетии

- 2.1. Военно-политические факторы в процессе формирования северокавказской окраины российского государства в первой половине XVIII в.
- 2.2. Кавказский вектор России в военно-политических событиях второй половины XVIII в.
- 2.3. Влияние России на этно-конфессиональную картину Северного Кавказа в XVIII столетии.

- 2.4. Социокультурный и хозяйственный облик Северного Кавказа в XVIII в.
- 2.5. Административно-правовая практика империи на Северном Кавказе: в поисках оптимальной модели управления.

При некоторых дополнениях и коррективах эта глава будет завершена. На сегодняшний момент направление, курируемое Н.Н. Велюковой, является наиболее готовой частью нашей работы.

Коллеги, для успешного написания первой части коллективной монографии считаю целесообразным пригласить в состав авторского коллектива к.и.н. С.Н. Савенко, который, будучи исследователем-энциклопедистом, может взять на себя разделы, требующие компетентности в археологической и этнографической проблематике.

Как показывает опыт работы, по мере подготовки текста возникает потребность в уточнении и изменении формулировки как отдельных параграфов, так и главы в целом. Это нормальный, творческий процесс, в котором мы не должны ограничивать себя жёсткими рамками. Естественно, не может быть и непререкаемого единомыслия в трактовке тех или иных событий. С этой целью мы и проводим регулярные встречи, которые, как показывает опыт нашей Школы, позволяют достичь желаемого результата.

С.Л. ДУДАРЕВ

(г. Армавир)

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К НАПИСАНИЮ ОБОБЩАЮЩЕЙ РАБОТЫ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

При выстраивании концептуальной основы коллективной монографии необходимо помнить о традиционных приоритетах Кавказоведческой Школы. К их числу относится, прежде всего, концепция российскости. Считаю необходимым напомнить, что она обладает своей известной диалектикой, означающей, что в ее рамках имеет место быть совместничество/соперничество. Оно подразумевает разнообразные и богатые опыты тесного историко-культурного и социополитического взаимодействия на путях интеграции народов в состав российского со-

циума, отличавшиеся не только непротиворечивым слиянием тех или иных элементов, но их известным противоборством (см. ниже). Одновременно полагаю, что ориентируясь на приоритеты, не стоит замыкаться лишь в их привычном круге. Полагаю, что нужны определенные новации, свежие мысли и новые повороты, углубление или уточнение прежних смыслов. Необходим более открытый взгляд на проблемы, которые ранее считались в коллективе спорными, конфронтационными и вообще «не нашими». Имею в виду дискуссию по теории фронта-ра. Элементы ее могут быть нами использованы ныне, но, разумеется, творчески. Школа В.Б. Виноградова всегда была кем-то нелюбима. Но она всегда была самодостаточна.

Поддерживаю призыв Н.Н. Великой, к уходу от сугубой конфронтационности в описании событий и ведении полемики, зацикливании на ней. В то же время, смягчение конфронтационности не должно означать *отказ* от освещения проблемных, острых сторон российско-северокавказской интеграции.

В частности, важен вопрос об определении феномена военных действий на Кавказе в XIX в. Весьма рекомендую всем членам семинара ознакомиться с недавней статьей В.В. Дегоева [1]. Сказанное в ней является еще одним ярким подтверждением, как минимум, правомочности иной, нежели традиционная, оценки термина «Кавказская война», и содержательной стороны определения «северокавказский кризис», в котором очень важное, ключевое значение приобретает вот это заключение В.Б. Виноградова: «Самое, по-моему, главное... это длительное пребывание в порою очень жестких границах многомерного, многоголосого, напряженного и противоречивого **диалога**, никогда не сводимого только к единственной позиции враждебного взаимного отторжения» [2].

В той же статье В.В. Дегоева оцениваются возможности установления между Россией и горцами, конкретно, самым традиционно проблемным районом – Чечней, особых отношений, путем предоставления известным историческим деятелям (Ущурме, т.е. шейху Мансуру и Бейбулату Таймиеву) и возглавляемым ими сообществам *серьезных предпочтений*, отчасти сопоставимых с сегодняшними, известными нам по ситуации в этой современной республике. Рассуждения автора приводят нас к мысли, что ни Россия, ни сама Чечня к таким предпочтениям и статусу конкретных руководителей *готовы тогда не были*. Путь последующей тяжелой эволюции на протяжении более полутора столетий через ряд драматических и трагических событий был, практически, неизбежен для выработки понимания сторонами того, что нужны взаимные уступки и обоюдное приспособление.

Обсуждая причины обострения отношений между Россией и горцами в конце XVIII в., но особенно — в начале первой половине XIX в., необходимо четко понимать, что к важнейшим относилось прямое присутствие российской военной инфраструктуры на территории этносферы горцев. В принципе, можно понять тех авторов, которые стремятся перевести протест горцев в «антиколониальную» плоскость. Но вопрос в том, что горцы нередко сами в XVI–XVIII вв. (и об этом неоднократно писал также Ш.А. Гапуров) были инициаторами дипломатических обращений к русским и российским властям о принятии подданства и просили об оказании Россией помощи против враждебных сил. Но где, в таком случае, должны были находиться силы российского «быстрого реагирования», если самим же горцам угрожали крымцы, Османы, Сефевиды, или, например, ногайцы. Ведь нельзя же было эти силы, выражаясь языком современных цифровых технологий, спрятать в «облако», и доставать оттуда в случае крайней необходимости. Система Линии (посты, пикеты, редуты, крепости, станицы, города), т.е. кордонная система, имевшая, как известно немало недостатков, должна была находиться там, где она и возникла — в Предкавказье, для ответа на угрозы как со стороны восточных держав, так и их северокавказских союзников. Линия, по мнению В.В. Лапина, являлась сильнейшим раздражителем для местных племен, источником военной добычи, местом приложения сил воинственной молодежи [3]. Были и другие вызовы, на которые стремилось ответить Российское государство, укрепляя свои южные рубежи. Как отмечают в новейшей монографии (само название которой очень репрезентативно!) Е.В. и Н.Н. Великие, опираясь на труды В.А. Потто, для того чтобы пресечь работорговлю, строились укрепления на пути движения торговцев «живым товаром» (крепости Грозная, Внезапная, Неотступный стан, Герзель-аул, Амир-Аджи-юрт, Умахан-юрт). Ряд укреплений протянулся от Грозной на запад до Владикавказа [4]. Наличие системы сооружений Кавказской линии было жизненно необходимо как для укрепления российского присутствия в регионе, так и судеб горских союзников России. Но любопытно вот что. Ряд авторов еще в первой половине XIX в. отмечал, что многие крепости Линии не соответствовали своему громкому наименованию, а казачьи станицы Гребенского войска имели ряд существенных изъянов в системе обороны [5]. Тем не менее, это не привело к фатальным для них последствиям, в то время как укрепления Черноморской береговой линии и горного Дагестана были взяты горцами. Конечно, можно говорить о том, что эти укрепления заметно отличались своим геостратегическим положением от линейных и т.д. Но нельзя не принимать во внимание и

того, что система отношений, сложившихся с горцами, несмотря на военные действия, не предполагала стремления последних к полному уничтожению крепостей и т.п., находящихся на Линии, где располагались меновые двory, к которым тяготели соседние «мирные» аулы. Не будем забывать и о практике т.н. сатовок и т.д. Население мирных аулов находилось в полезных связях как с российской стороной, так и родственными этнически и конфессионально «немирными» горцами. «Мирные» горцы, при всей сложности этого феномена, были своеобразной равнодействующей, которая, на наш взгляд, не позволяла нарушить единоверцам определенного баланса двухсторонних контактов.

Не могу еще не сказать о том, что некоторые авторы любят писать, что горцы были вовсе не против русского народа вообще, крестьянства или передовой русской интеллигенции и т.п., а боролись против феодально-крепостнического режима, царизма, колониального угнетения и т.д. Этот вопрос также нельзя деликатно обойти, оставив его потомкам, т.к. они смогут это все разъяснить, а нам сейчас не хватит ни аргументов, ни смелости.

Трудовые горцы действительно не могли иметь ничего против таких же трудовых россиян или тех из них, кто хотел учить их грамоте, просвещать и т.п. С одной серьезной оговоркой: если руководствоваться классовым подходом (в рамках марксистско-ленинского учения) и считать, что русские и горские массы много лет бок о бок уже проявляли классовую солидарность и вели совместную борьбу против «проклятого царизма», как говорили после 1917 г. Но вопрос в том, что царизм уже не «проклятый», а Николай II, некогда прозванный народом «Кровавым», уже объявлен святым. С другой стороны, появление крестьян, рабочих, интеллигенции из России на Северном Кавказе, где те помогли автохтонам в будущем, как пишет В.В. Дегоев, вырваться из родовых теснин, было возможно *только в том случае*, если российская власть, т.е. царь, генералы, офицеры, чиновники (при всех недостатках самодержавно-крепостнического режима: коррупции, кумовстве, произволе и т.п.; а сейчас этого всего нет??!) обеспечивали трудовым россиянам *безопасность с помощью своих штыков, пушек, крепостей, различных запретов* и т.п. Ибо свободное расселение русских крестьян и др. без силового государственного прикрытия на предкавказских просторах было *невозможно*, как трудно представить себе полноценное функционирование российских крепостей и т.д. без окружавшего их русскоязычного населения, которое отнюдь не проявляло стремления бурно заселять Предкавказье вплоть до пореформенного периода. Казаки, жившие первоначально на «гребнях», т.е. в предгорьях, как свиде-

тельствует совершенно никем не ангажированный великий гуманист и гений русской и мировой литературы Л.Н. Толстой, вынуждены были спуститься с них. Причина? Ответ на это дают предания самих же горцев, так и архивные документы [6] – началась их исламизация. На плоскость, к русским, уходили и те чеченцы, которые не хотели принимать мусульманство (У. Лаудаев). На равнину горцы (и не только феодалы) совершали набеги и уводили крестьян и казаков в плен («чеченцы и кумыки стали нападать на городки, отгонять скот, лошадей и полонить людей») [7].

Кстати, пример казаков показывает (см. недавние блестящие работы Н.Н. Великой, Е.М. Белецкой и С.А. Головановой) [8], что казаки имели разветвленные и тесные связи с горцами, куначились с ними, но в рамках не традиционной крестьянской культуры, а особой, военизированной и догосударственной, включавшей в себя соответствующие горские традиции и менталитет; иную горцы бы не стали воспринимать, как равноценную, в своей этноэкологической нише. Крестьяне, казаки и солдаты могли бежать в горы, что и делали некоторые из них, отчасти протестуя, тем самым, против самодержавных российских порядков и тяжелой муштры, но отчасти покрывая и свои противоправные действия, в т.ч. уголовного характера. Впрочем, положение бежавших в горах, при наличии там для них конфессиональной свободы (имам Шамиль активно поддерживал тогдашних «диссидентов» и имел свой «Багадеран») [9], как говорят исследования, было непростым, а бежать туда далеко не всем представлялось возможным и необходимым. Полноценная же адаптация в горское общество была возможна только при смене идентичности, т.е. принятии ислама. Возникает вопрос – а нуждались ли крестьяне и казаки Предкавказья в таковой массово? Или беглецами были носители преимущественно маргинальных черт, например старообрядцы?

Не нужно стесняться писать не просто об «окавказии» российской армии, но об ее, тем самым, определенной демодернизации, варваризации, как обратной стороне мироустроительной функции России, сталкивающейся с сильным влиянием традиционных (т.е. фактически средневековых!) структур и институтов горцев, обладавших своим «скромным обаянием». И, кстати говоря, мы видим с вами, как ныне, в условиях нарождающегося на наших глазах «нового средневековья», «нового варварства», некоторые его структурные и ментальные черты становятся чрезвычайно привлекательными для современников. Расценивать действия российской армии в XIX в. следует вдумчиво, вникая в исторический контекст явлений и событий, вместо эмоциональной критики, обвинений в действиях, недо-

стойных великой цивилизованной державы (а таковые имели место!). В то же время, были ли армии в то время, которые воевали в «белых перчатках», и существовала ли возможность избежать насилия, в принципе, в условиях, обладавших серьезной спецификой, очень далекой от европейской? [10].

Как хорошо известно, существовало немало путей и проектов по торговому, культурному и т.п. вовлечению горцев в российские структуры, и их, необходимо отразить в тексте нашей коллективной монографии. Но все-таки победил в основном *силовой, военный путь*, хотя хозяйственно-экономические и культурные стимулы также работали, о чем наши авторы уже немало и хорошо написали (сужу по представленным на сегодня текстам). Причина? Прежде, чем горцы *массово* восприняли бы российскую культуру и т.п., а через нее – и мировую, в их привычках и менталитете должны были произойти революционные изменения. Свободолюбивые сыны гор веками жили в обстановке опасностей, стычек, войн и набегов, экстремального ландшафта, формировавшего *другое* восприятие пространства, нежели у жителей равнин, и своеобразное отношение к «*негорцам*», независимо от их этнической принадлежности. Это сформировало их пылкий, гордый и независимый нрав, в чем-то наделенный чертами исключительности в самоощущениях [11]. И этих-то воинственных и полных самоуважения людей нужно было *разоружить*, а уже потом, образно говоря, «усадить за парту». Добровольно оружие они не сдали бы никогда, т.к. оно являлось (что не преодолено и сегодня) частью их самосознания [12]. Ни кто иной, как глава Чечни, Р.А. Кадыров, говоря о пристрастии чеченцев к военному ремеслу, признается СМИ: «Я сам люблю это дело». Данный фактор и инновации, неприемлемые и непривычные для горцев на культурно-цивилизационном уровне (подчинение бюрократии, выполнение тех или иных повинностей, и т.п., без которых немисливо классовое государство в любой части света), делал длительные военные столкновения практически неизбежными. Е.В. и Н.Н. Великие справедливо и очень точно отмечают: «Таким образом, кризис первой половины XIX века на Северном Кавказе был вызван тем, что население региона переходило от жизни рядом с Российским государством к жизни внутри него. Многовековая... жизнь рядом с государством способствовала выработке, усвоению таких средств, как переговоры, посольства, подарки, посредничество, поручительство, заложники и др. Жизнь внутри государства потребовала определенной перестройки традиционной социокультурной системы горцев. К ней горское общество оказалось не готово. Возобладала реакция отторжения. «Огосударствление» «родовых», «архаичных», локаль-

ных социокультурных организмов, ориентированных на сохранение традиций («как жили деды и прадеды, так и мы») принимало форму «навязанного развития». Переход социокультурной системы горцев в новую систему координат (власть, города, светская культура, новые соседи и пр.) был долгим и мучительным. На этом пути, как свидетельствует не только российский, но и мировой опыт, идеальных моделей «конвертации» найти так и не удалось» [13].

Потребовались многие десятилетия противоборства, чтобы горцы оценили силу россиян, признали за равных соперников и подчинились предложенным условиям, осознав те или иные преимущества новых реалий жизни, бесперспективность борьбы, поступившись традиционными вековыми предпочтениями, но, не забыв о них. Стойкая иммунность трудноискоренима. Примат силовых ценностей и их публичной репрезентации не утрачен горцами и сегодня, наряду с традициями гостеприимства, уважения к старшим, вере в Бога, и т.д. Вспомним известную лезгинку со стрельбой: *не нам решать*, должны ли следовать горцы этому обычаю далее, но если нужно пользоваться им и впредь, то имеет смысл делать это только среди этнически однородного населения и не в общественных местах; непривычные к таким кавказским реалиям люди бывают, мягко говоря, шокированы, боевыми танцами горцев, которым сотни лет.

Обо все этом не нужно стесняться писать, но делать это надо, отдавая должное разным факторам, сторонам, характеристикам, оценкам, нюансам, и т.п., отдавать должное всем участникам и партнерам исторического диалога, видя их достоинства и недостатки, т.е. использовать *метод противоречий*, умело применять разные краски, чтобы картина взаимодействия народов на Северном Кавказе, интеграции Большой России и этого исторически и геополитически важного региона была как можно более объективной, конструктивной, выдержанной, но не безмятежной. Иначе нам никто не поверит.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дегоев В.В. Предпосылки Кавказской войны: была ли альтернатива?//Кавказский сборник. №9(41) / под ред. В.В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2015. С. 12-27). Здесь автор, в частности пишет: «Это была совершенно нетипичная война, без официального объявительного акта, без «линии фронта», без генеральных сражений, без неизменного в своем враждебном настроении противника, без итогового мирного договора. Война была необычной настолько, что порой трудно было определить, чего в ней больше – собственно войны или «сопутствующих» обстоятельств, постепенно выходящих на передний план общей исторической панорамы. Политика, дип-

- ломатия, экономика, межкультурная и межэтническая коммуникация становилась столь же, если не более, важной частью событийного процесса. Рано или поздно война на Кавказе непременно закончилась бы именно так, как закончилась. Это тот случай, когда альтернатива победе России отсутствовала. В исторической перспективе и ретроспективе постановка вопроса о выигравших и проигравших бесплодна. Обе стороны понесли большие, но с точки зрения макроисторических результатов не напрасные жертвы. Империя платила неизбежную (и всегда дорогую) цену за достраивание своего южного яруса, за обеспечение его геополитической безопасности, за внутренний мир и относительную межэтническую стабильность, за возможность иметь условия для государственно-административного, торгово-хозяйственного, культурного, гражданственного развития Северного Кавказа. Горцы же, и прежде всего их политическая элита, потерпели военное поражение от империи, выиграли (не сразу осознанную) привилегию быть ее продолжением, получив беспрецедентные шансы на цивилизационный прорыв из теснин патриархально-родового быта и сознания в совсем иную эпоху, исполненную ранее немислимыми перспективами раскрытия творческого потенциала личности, общества, этноса» (с. 14).
2. Виноградов В.Б. Северокавказский кризис XIX века (раздумья о генеральных перспективах познания и преодоления последствий)//Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (17–18 сентября 2007 г.)/под ред. Ю.А. Стецурь. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2007. С. 51.
 3. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С. 10.
 4. Потто В.А. Кавказская война: В 5 томах. М., 2006. Т. 2: Ермоловское время. С. 69-71, 80, 90; Великая Е.В., Великая. Н.Н. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.). Монография/под ред. проф. С.А. Головановой. Армавир: РИО АГПУ, 2015. С. 75-83.
 5. Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.): Монография / под ред. Н.Н. Великой. Армавир: ИМ Шурыгин В.Е., 2011. С. 29–30; Колосовская Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М.: Каллиграф, 2015. С. 123; Кавказ и Российская империя. С. 11, 71.
 6. См.: РГВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 117. Л. 38.
 7. Там же.
 8. Великая Н.Н., Белецкая Е.М. Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). Армавир: АГПА, 2014. 232 с.; Голованова С.А. Государственная политика России по регулированию. Численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект. Монография. Армавир: РИО АГПА, 2014. 124 с.
 9. Этим термином (Багадеран (Бехадыран), т.е. Богатырский) называлось подразделение (полк) персидской армии, сформированное принцем Каджарской династии Аббас-мирзой, из русских дезертиров, существовавшее в 1808–1829 гг. Причины бегства были похожими на мотивы солдат, воевавших против горцев. Вот одно из красноречивых свидетельств этого: «Да и как было тогдашнему солдату не соблазниться на подстрекательства Персиян? Тут тяжелая лямка на долгие годы, а там дорогая свобода и жен вволю!» [Электронный ресурс] URL: <http://www.fieldofbattle.ru/modules.php?file=viewtopic&name=Forums&t=2695>) (Дата обращения – 22.01.16).
 10. Как указывает В.В. Лапин, если руководствоваться «Полевым уголовным уложением для Большой Действующей армии», действовавшим в Российской империи, за происходившее во время боевых действий на Северном Кавказе в первой половине XIX в. самому суровому наказанию должны были подвергнуться как все военнослужащие ОКК, так и едва ли не все население региона (Кавказ и Российская империя. С. 14–15).

11. Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. С. 35–55.
12. О трудностях этой исторической задачи пишут и Е.В. и Н.Н. Великие: «Горцы привыкли жить в «вольности» и ничего в своей жизни менять не желали. Задача приучить северокавказцев к законопослушанию, заставить их «проститься» с оружием оказалась самой сложной» (Великая Е.В., Великая. Н.Н. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа. С. 41–42). Недаром ген.-м. А.А. Вельяминов, командующий войсками на Кавказской линии, писал: «Покорить и обезоружить горцев есть единственное средство выйти из сего невыгодного положения» (Кавказ и Российская империя. С.63).
13. Великая Е.В., Великая. Н.Н. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа. С. 22.

2.

***Российская политика на Северном Кавказе —
к определению концептуальных подходов
(в связи с обсуждением раздела 2.3.
Н.Н. Великой)***

Н.Н. ВЕЛИКАЯ
(г. Армавир)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА С ГОРЦАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVIII ВЕКЕ¹

Уже не один год в отечественной историографии обсуждается вопрос о целях, мотивах российской политики на Северном Кавказе. Разброс мнений здесь чрезвычайно велик (от тезиса, что Россия никогда не имела какой-либо чёткой доктрины колониальной политики, до утверждений, что цели у России были сугубо колониальные — захват земли, сырьевых источников, путей сообщения, уничтожение местного мусульманского населения) [1].

В этой связи отметим, что поскольку Россия являлась не колониальной, а континентальной империей [2], то у неё никогда не было и не могло быть цивилизаторских, «хищнических» и прочих колониальных намерений и их поиск ни к чему не приведёт.

Несомненно, важную роль играли геополитические мотивы. Существовала военно-стратегическая необходимость обретения надёжных южных рубежей для эффективной обороны собственной территории от вторжений извне. У российских властей существовало обоснованное опасение, «что в противном случае этот регион, и без того нестабильный, может стать базой для военных действий враждебной державы, азиатской или даже европейской, и новые территории на юге окажутся под угрозой» [3].

Одной из особенностей геополитического положения России являлось наличие среди её соседей т.н. «негосударственных» народов. Это приводило, по словам Дж. Хоскинга, к тому, что «много раз на протяжении своей истории Россия как бы зондировала свои границы, чтобы выяснить, где, собственно, они пролегают и насколько они крепки» [4]. Поиск безопасных, надёжных границ неизбежно приводил к появлению внешнеполитических форм, которые бы фиксировали мирное сосуществование, вступивших в соприкосновение реалий: Российского государства и разрозненных потестарных образований Северного Кавказа. Россия искала опору среди населения пограничных зон. Ныне этот приём именуется в геополитике «политикой вовлечения» [5]. Её конечная цель прекрасно осознавалась как правящими кругами, так и представителями российского общества: это стремление к тому, чтобы силы малых негосударственных народов умножали мощь России, а не соседних государств. Тем более что на протяжении длительного периода такие соседи, как Османская империя и Иран, пытались взять эти негосударственные народы под своё крыло и восстановить против России.

По указам и Манифестам российских императоров XVIII века можно определить и иные политические цели, которые преследовало российское правительство.

В имперский период сложилась традиция возвещать Манифестами о кончинах предыдущих монархов и вступлении на престол новых, которым россияне должны были «учинить» присягу. В этих документах определялись как обязанности подданных, так и главные цели российских монархов. С Пётра I правители неизменно заявляли о пользе и благополучии государства, которому все должны верно служить, быть послушными рабами, подданными. А в Манифесте 1801 г. в связи с включением Грузии в состав России, появились и «граждане», что отражало не только знание новых правовых норм, но и надежды, связанные с перспективами развития общества [6].

Текст присяги императорам на протяжении всего XVIII века почти не менялся. Это же относится и к основным целям правительства.

С середины XVIII века в титулах российских императоров, помимо восточнославянских и других, указываются «Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных» [7]. При этом власть опиралась на прошения о подданстве и соответствующие присяги. Таким образом, часть Кавказа (пока ещё без чёткого очертания включённых в состав империи территорий) по сути именуется российским, и через все основные документы XVIII века красной нитью проходят две главные идеи: подданные должны верно служить и повиноваться императорам и государству, а власть должна обеспечивать на всей территории страны порядок и безопасность («тишину и покой»). Это декларировалось и в дальнейшем без каких-либо региональных ограничений [8].

Следует отметить, что за исключением восстания Е. Пугачёва, Россия в рассматриваемый период не испытывала серьёзных внутренних потрясений. Ситуация на Северном Кавказе в этой связи представляла разительный контраст. И российские власти постоянно искали пути утановления мира на южной границе империи.

Пристальное внимание кавказским делам правительство стало уделять со времён Петра I, который в 1711 г. дал Грамоту кабардинским владельцам и народу о принятии их в российское подданство. В ней говорилось о том, что кабардинцы должны верно служить и выступать против врагов России («салтана турецкого и хана крымского»). Российские власти обязывались «не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалованье давать определим». Калмыцкому хану и донским казакам предписывалось оказывать кабардинцам необходимую помощь [9]. Такой же подход доминировал и в дальнейшем в отношении других новых подданных [10].

В правление Екатерины II Россия начинает граничить со значительной частью народов не только Северо-Восточного, но и Северо-Западного Кавказа. В Указе императрицы, изданном после Ясского мира с Турцией (1792 г.), подчеркивалось: «Не оружием, а паче правосудием и справедливостью, нужно приобретать их (горцев — авт.) к себе доверенность... Всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличиями...» [11]. Павел I также требовал от командующего войсками И.В. Гудовича прилежащие к границе народы и владетелей «удерживать в кротости и повиновении ласкою, отвращая от них всё, что служит к их притеснению или отягощению». Считая, что народы Северного Кавказа «находятся более в васальстве нашем, нежели в под-

данстве», он требовал не вмешиваться в их внутреннее управление и не собирать дань [12].

Таким образом, российское правительство на Северном Кавказе, как об этом свидетельствуют важнейшие источники, не ставило целью ограбление и экономическое подчинение самой южной окраины страны, не шла речь и о цивилизаторской миссии российского государства и народа. Власть в рассматриваемый период проводила «политику ласканий» [13], в то же время жёстко «наказывая» тех, кто осуществлял набеги, нарушал ранее принятые обязательства, нападал на российских подданных, в том числе, и на горцев.

В текстах присяг XVIII века, которые народы Северного Кавказа через своих представителей приносили на верность империи, российские интересы в регионе также представлены достаточно наглядно [14]. В то же время они отражают и устремления самих горцев, их желание с помощью России решить важнейшие проблемы.

Присяги отдельных групп и целых народов Северного Кавказа на верность России привлекли пристальное внимание исследователей со второй половины XX века, когда в советской историографии стал совершаться переход от идеи включения горцев в состав России, как «наименьшего зла», к признанию прогрессивности этого процесса и разработки концепции их добровольного вхождения в состав империи [15].

Ранние присяги (которые правомерно рассматриваются как начальные вехи обращения в российское подданство [16]) относятся к XVI веку. В XVIII веке они становятся массовыми. Но при этом следует отметить, что типичный текст присяг, которые приносили подданные каждому новому императору, на Северном Кавказе видоизменялся и содержал позиции, важные с точки зрения обеих сторон (русской и северокавказской) для взаимного мирного сосуществования и единства.

Накануне, в ходе и после Персидского похода Петра I активизировались связи России с народами Северо-Восточного Кавказа. В начале 20-х гг. XVIII века о желании вступить в подданство России и служить царю заявили андreeвские (кумыкские) владетели, Кайтагский правитель, жители Кубачи, Губдена и Карабудахкента [17]. Они просили возратить ясырей, были готовы дать аманатов.

С петровских времён северокавказские владетели стали получать ежегодное жалованье за верную службу. То есть, как в центре страны, так и на окраинах власть делала ставку на верхние страты общества. Дагестанские правители (например, аксаевский, табасаранский) получили от российских императоров и специальные охранные листы, чтобы никто не дерзал в их владениях «чинить обид, налогов и наездов», а в случаях нападений им на помощь должны быть посланы донские и

терские казаки. Жителей из таких владений свободно пропускали в российские пределы по торговым делам [18]. Тем самым Россия получала весомую поддержку и со стороны низов местного общества. К тому же в рассматриваемый период российские власти принимали и обустроивали беглецов — зависимых крестьян, ясырей северокавказских владельцев, которые в российских пределах принимали крещение. «Холопий вопрос» стал камнем преткновения, в частности, между российскими властями и кабардинскими верхами. В одной из присяг 1779 г. даже оговаривалось право зависимых крестьян не подчиняться своим владельцам, если они выступят против России. Аналогичное право было зафиксировано и в присяге сунженских чеченцев [19].

В 60–80-е гг. XVIII века, когда политические связи России с народами Северного Кавказа упрочились, просьбы о присоединении «к прочим российским верноподданным» высказали Аварский хан, Тарковский шамхал, андийцы, чеченцы, карабулаки, ингуши и др. [20]. Новые подданные обязывались россиян у себя не удерживать, беглых возвращать, привезённое другими и захваченное «от других народов» доставлять российским начальникам, злодеев не скрывать, выдать аманатов, не делать «набеги на земли и людей принадлежащие всероссийской державе» и «не чинить» воровство. В то же время они высказывали пожелание беспрепятственной торговли в Кизляре и др. местах, на что следовали соответствующие разрешения российских властей, готовы были переселиться «на чистые места» (туда, куда будет разрешено), просили о «защитении» от более сильных соседей. Пункты о переселении в присягах XVIII века являются свидетельством возросшего аграрного перенаселения в местах традиционного проживания горцев и их попытках с помощью России решить этот вопрос.

В 1781 г. на верность России присягнули «большие чеченские и аджиаульские старшины и народ». При всём сходстве присяг (здесь также находим утверждение, что «хотим и должны служить... вечно, верно и послушно», «всевысочайшие интересы ЕИВ сохранять и защищать до последней капли крови... Врагов ЕИВ и Отечества по повелениям истреблять и ни под каким видом дружбы и согласия с ними не иметь»), они не писались под копирку, а содержали конкретные обязательства сторон. В частности, в указанной присяге подтверждалось: «Быть нам, старшинам и всему народу с верноподданными кумыкским, кабардинским, осетинским народами в добром согласии, так как одной державы и Отечества и ни под каким видом неприятельских дел не начинать» [21]. Этот пункт свидетельствует о том, что российские власти были заинтересованы в установлении прочного мира в регионе. Сделать это было непросто, в том числе и из-за постоянных междоусобиц. Присяга отра-

зила и появление такого важного, неоднократно упоминаемого понятия, как общее Отечество. Принадлежность «одной державы и Отечества», по крайней мере, для части горцев не была пустым звуком. С XVIII века формируются достаточно многочисленные и устойчивые династии (адыгов, чеченцев и др.), с оружием в руках отстаивавшие интересы России [22].

Российская сторона должна была отдавать обратно холопов «магометанского закона», которые будут «являться в российских границах», обеспечивать чеченцам «невозбранно проезжать для торгу в Кизляр, Моздок и протчие российские места», где их должны были принимать «как вечно и верноподданных». Принёсшие же присягу несли ответственность за хищения, отгон скота, пленение людей даже в том случае, если «злодеи» пройдут беспрепятственно через их «дачи» [23]. И здесь мы находим конкретные обязательства сторон, определявшиеся особенностями ситуации на Северном Кавказе.

В 1774 г. осетины Куртатинского и Алагирского обществ пожелали быть «под протекциею всемилостивейшей нашей государыни» и высказали просьбы: возобновить Осетинское подворье, направить отряд для защиты от владельцев Большой и Малой Кабарды, обеспечить свободный проезд в Кизляр и Моздок, разрешить покупать соль и железо и др. [24]. Надо сказать, что осетины давно и последовательно добивались российского подданства. Ещё в конце 40-х гг. они сформировали и отправили посольство в столицу, которое настояло на праве осетин на беспешинную торговлю и подготовило почву для дальнейших шагов по вхождению Осетии в состав России. С российским государством осетины связывали надежды на освоение плоскостных земель.

В 1781 г. присягу на верность России «по своим старым обычаям» принесли дигорцы и ряд других осетинских обществ, а также проживающие недалеко от них черкесы и «малькары» (балкарцы). Они «просили о милости — быть под русской защитой», благодарили за «восстановленное всеобщее спокойствие (мир)». Надо сказать, что до этого здесь происходили распри и столкновения между бадилятами и узденями, которые российской стороне удалось прекратить. Это не единственная присяга, свидетельствующая о привлечении российской стороны для решения внутренних проблем и конфликтов, осложнявших ситуацию в регионе. В 1782 г. осетинские старшины, подтвердив российское подданство, заявили о своём желании жить в мире с абазинцами, ингушами и черкесами, переселиться в Татартуп и просили о присылке священнослужителей «греко-российской веры» [25]. Таким образом, присяги осетин (отчасти ингушей) имели свою специфику, что отразилось в пожеланиях возобновить Осетинское подворье и прислать

священнослужителей, а также защитить от кабардинских владельцев, стремившихся сохранить своё влияние над горами центральной части Северного Кавказа.

Тексты приведённых и иных присяг убедительно свидетельствуют об отсутствии колониально-эксплуататорских интересов у российского правительства в отношении горцев Северного Кавказа. В присягах отражались пожелания обеих сторон. У горцев — это переселение на плоскость, защита от соседей и феодальных владетелей, беспрепятственная торговля в российских городах и др. Российская сторона, как и ранее, настаивала на верной службе против общих врагов, прекращении набегов и пленений людей в российских пределах, установлении мирных отношений на Северном Кавказе. В ходе согласования интересов и складывалось историческое партнёрство, именуемое российскостью.

Случалось, что присяги неоднократно давались и нарушались горцами в зависимости от меняющейся политической конъюнктуры и по другим причинам. В частности, горцы-мусульмане давали клятвенные обязательства христианским правителям, и в этой связи существовало мнение, что такую присягу можно нарушать и никакого греха в этом не будет [26]. То есть при оценке данной формы взаимоотношений необходимо учитывать ментальные особенности разно-конфессиональных сторон.

При всех неодинаковых подходах в понимании подданства российской и горской сторонами [27], отметим, что российские власти оценивали ситуацию в регионе достаточно реалистично. Они не требовали от северокавказских подданных того, что требовалось от центрально-российских. Ни о каких повинностях, подушной подати, рекрутских наборах и пр. в присягах не было и речи. Вмешательства во внутреннее самоуправление северокавказских обществ также не происходило. Нельзя не согласиться с В.В. Трепавловым в том, что «национальная политика» рассматриваемого периода «была полностью подчинена интересам государства, осуществлялась в целях обеспечения государственной безопасности — как внутренней (сохранение стабильности и порядка), так и внешней» [28]. При этом учитывались инициативы и пожелания горской стороны, которая выступала активным участником двустороннего сотрудничества, что не позволяет сбрасывать со счетов компоненту добровольности. Об этом ярко свидетельствуют тексты присяг XVIII века.

По мнению Ш.А. Гапурова и В.Х. Магомаева, в XVIII веке происходил переход от вассально-союзнических отношений к подданническим и в заключённых соглашениях по этому поводу «уже более или менее чётко указывались права и обязанности сторон», а «к началу XIX в. Ка-

барда, равнинные части Чечни и Дагестана уже находились в российском подданстве» [29].

Всё это происходило во многом и благодаря победам России над Османской империей и Ираном. Однако влияние последних государств в рассматриваемый период ещё сохранялось, что приводило к появлению «в горской среде не только пророссийской, но и протурецкой, а для Северо-Восточного Кавказа — и проиранской «партий» [30].

В целом в XVIII веке был сделан важный шаг вперёд к государственному этапу жизни северокавказских народов. Контуры совместно политического существования возникали из диалога сторон, каждая из которых, отстаивая свои интересы, в то же время шла на определённые компромиссы. Именно в этом режиме формировались представления о правах и обязанностях сторон. Государственное устройство российского Северного Кавказа приобретало всё более зримые очертания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гордин Я. Что увлекло Россию на Кавказе? Заметки об идеологии Кавказской войны // Звезда. 1997. № 10. С. 95; Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М., 2005. С. 98; Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. С. 502 и др. Критику отдельных утверждений см.: Виноградов Б.В. Российско-северокавказские отношения в конце XVIII — начале XIX в.: интерпретации против фактов // Историческое регионоведение Северного Кавказа — вузу и школе (8-я Всероссийская конференция). Армавир, 2003. С. 56–58; Матвеев В.А. Кривда вместо правды. Ростов-на-Дону, 2008.
2. См.: Щербина А.В. К вопросу о специфике Российской империи и имперского типа государственности (по материалам современных исследований) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. №3. С. 45; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. СПб., 2003. С. 19–65; Основные этапы всемирной истории / под ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. Армавир, 2009. С. 190–196 и др.
3. Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000. С. 33.
4. См.: Родина. 1995. № 1. С. 39.
5. Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). Изд. 2-е. СПб., 2005. С. 104.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России... С. 30–36; Тимофеев Д.В. «Гражданин» и «государство» в России первой четверти XIX в.: к истории понятий // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 98.
7. ПСЗРИ. Собрание (1649–1825). Т. 11. № 8475.
8. ПСЗРИ. Собрание (1649–1825). Т. 11. № 8457; ПСЗРИ. Собрание (1649–1825). Т. 15. № 11390–11391; ПСЗРИ. Собрание (1649–1825). Т. 16. № 11597; ПСЗРИ. Собрание (1649–1825). Т. 26. № 20007 и др.
9. Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках. М., 1998. С. 156–157.
10. См.: Клычников Ю.Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI–XVIII веках. Пятигорск, 2008. С. 79, 84.

11. История народов Северного Кавказа (с древнейших времён до конца XVIII в.). М., 1988. С.459.
12. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 16.
13. От сл. «ласкатъ», т.е. обращаться приветливо, изъявлять участие, расположение, миловать, действовать добром. См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 2002. С. 812.
14. См.: Великая Н.Н., Клычников Ю.Ю. Интересы России на Северном Кавказе в отражении горских присяг (XVI – начало XIX вв.) // Кавказский сборник. М., 2011. Т. 7. С. 26–38.
15. См., например, Вехи единства. Грозный, 1982. С. 146–156; Дударев С.Л. В.Б. Виноградов и судьба концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (рассуждения ученика и современника) // Вопросы южнороссийской истории. М.; Армавир, 2007. Вып. 13. С. 32–42.
16. Трепавлов В.В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 159.
17. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. документов / отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988. С. 30, 37.
18. Чекулаев Н.Д. Политика Российской империи по привлечению Дагестана в своё подданство (1722–1735 гг.) // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» / отв. ред. Черноус В.В. Ростов-на-Дону, 2015. С. 246–249.
19. Клычников Ю.Ю. Из истории формирования. С. 90–91, 120; Документальная история образования. С.246.
20. Русско-дагестанские отношения. С. 181–185, 194–195, 242; См.: Вехи единства. С. 147–149, 153; Документальная история образования. С. 253.
21. Вехи единства. С. 150–151.
22. См.: Казаков А.В. Адыги(черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик, 2006; Великая Н.Н. О формировании военных династий в Чечне в дореволюционный период // Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. Армавир, 2015. С. 91–97.
23. Вехи единства. С. 151–152.
24. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сб. документов в 2-х т. / сост. М.М. Блиев. Т. II. 1764–1784 гг. Орджоникидзе, 1984. С. 320–321.
25. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. С. 397–398, 402.
26. Зайцев И.В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // Отечественная история. 2008. №4. С. 7.
27. Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. Славянск-на-Кубани, 2009. С.17–18.
28. Трепавлов В.В. «Добровольное вхождение в состав России». С. 161.
29. Гапуров Ш.А., Магомаев В.Х. Россия и Чечня: поиск путей к государственному единству (конец XVI – первая треть XIX вв.) // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» / Отв. ред. Черноус В.В. Ростов-на-Дону, 2015. С. 16, 18.
30. См.: Виноградов Б.В. К проблеме значения раздела Крымского ханства (1783) для развития российско-горского взаимодействия // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» / Отв. ред. Черноус В.В. Ростов-на-Дону, 2015. С. 118–119; Клычников Ю.Ю. Из истории формирования. С. 111–112.

3.

Дискуссия по разделу 2.3. Н.Н. Великой

С.Л. ДУДАРЕВ

(г. Армавир)

**РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ —
МИРОУСТРОИТЕЛЬСТВО ИЛИ МЕССИАНСТВО?
(в общегосударственном контексте)**

1. Н.Н. Великая верно отмечает, что уже не один год в отечественной историографии обсуждается вопрос о целях, мотивах российской политики на Северном Кавказе, подчеркивая, что разброс мнений здесь чрезвычайно велик (от тезиса, что Россия никогда не имела какой-либо чёткой доктрины колониальной политики, до утверждений, что цели у России были сугубо колониальные — захват земли, сырьевых источников, путей сообщения, уничтожение местного мусульманского населения). Представленный Н.Н. Великой на обсуждение текст по теме, имеющей принципиальное значение для нашего коллективного труда, побудил нас развернуто высказать свое мнение по данной теме и тексту.

Концепция власти по российскому монархическому образцу, о которой можно судить по представленным и проанализированным в тексте Н.Н. Великой государственным актам, и вытекающие из нее цели в отношении политики на вновь присоединяемых (интегрируемых) территориях, в XVIII в. была такова: государь — блюститель порядка и закона, «отец народа». Власть — посредник для подопечного населения, миротворец, боговдохновенный гарант благополучия и безопасности. Преимущество с основными традиционными ментальными структурами Запада и Востока, в том числе, Византии [1], очевидна (патернализм, космизм, как понимание того, что суверен — это предстоятель перед высшими силами, центр мира, субъект, который упорядочивает пространство, противостоит хаосу).

От подданного, гражданина (шире — от народа) требовались лояльность, повиновение, служение, верность. Это принципы, идущие из феодальной системы. Правитель к *послушным* подданным должен быть «ласков», в частности, к горцам применялась известная политика «ласканий» [2]. В ответ от горцев требовалась верная служба, отказ от поддержки противников имперской власти, воспрепятствование им

в попытках нанести ущерб России (прежде всего, недопущение набеговых партий через мирные территории). И не более. Подданные, как указывает Н.Н. Великая, должны верно служить императорам и государству, а императоры обеспечивают порядок, безопасность в государстве, торжество законов. Установление внутривосточных «тишины и покоя» являлось мечтой всех российских правителей. При этом в главном не делалось никаких различий между областями России, сильно отличавшимися друг от друга. К таким российским областям была отнесена и часть Северного Кавказа, население которого оформило присяги на верность России. По В.В. Дегоеву, воеводы, а затем коменданты Терского города сразу поняли очевидные преимущества принципа «мири, объединяй, управляй» [3]. Подчеркнем, что никто жестко не вменял всем северокавказцам исповедовать христианство, служить в армии, платить налоги и т.п. Иными словами, фактически работала формула «права без обязанностей» [4].

Рассматриваемая разработка Н.Н. Великой, как и только что появившаяся совместная монография с ее участием [5], убедительно показывают, что за невыполнение указанных требований к непокорным применялись «наказания», но цели полностью ликвидировать физически (=геноцид) таковых (например, тех же немирных горцев) не ставились и при указанных *концептуальных подходах* к отношениям между властью и многоэтническим народом России (и Северного Кавказа) **ставиться не могли**. Н.Н. Великая отмечает: «Нельзя не согласиться с В.В. Трепавловым в том, что «национальная политика» рассматриваемого периода «была полностью подчинена интересам государства, осуществлялась в целях обеспечения государственной безопасности — как внутренней (сохранение стабильности и порядка), так и внешней». Кроме того, поиск безопасных, надёжных границ, по мнению Н.Н. Великой, неизбежно приводил к появлению внешнеполитических форм, которые бы фиксировали мирное сосуществование, вступивших в соприкосновение реалий: Российского государства и разрозненных потестарных образований Северного Кавказа. Россия искала опору среди населения пограничных зон. Ныне этот приём именуется в геополитике «политикой вовлечения», имеющей богатую историю (И.В. Зеленева).

2. При этом в XVIII в. у государства была следующая миссия, истекающая из функций государя — мироустройство, организация пространства путем его заселения (колонизации), освоения, обустройства. Одновременно мы считаем возможным говорить о том, что российское государство было далеким от *мессианства*, несмотря на наличие еще не так давно такой знаковой концепции в его политической куль-

туре, как «Москва — Третий Рим». В XIX в. мироустроительная миссия сохраняется. В названной монографии Е.В. и Н.Н. Великих прослеживается российская политика на кавказском направлении в указанном столетии. Исследователи основываются на документах, принадлежащих Александру I и Николаю I, Александру II, военному министру А.И. Чернышеву, командующему ОКК графу И.Ф. Паскевичу. Общий вывод исследователей таков: «Таким образом, главной идеей «совместничества» (ради которой правительство готово было в прошлом, да и сейчас, многим поступиться) являлся, прежде всего, мир («тишина и покой»), порядок и стабильность на южной окраине страны. Лояльность новых подданных для власти стояла на первом месте. Различия в социальной, политической, религиозной и т. п. сферах такой роли не играли» [6]. Со своей стороны, прокомментируем сказанное с помощью документов, исходивших от императорской власти, частично не приведенных в работе указанных ученых, либо сыгравших роль директивных для процитированных ими администраторов того времени. Так император Николай I в 1832 г. «находить соизволит» общую цель управления Кавказским краем, которая «в смысле пространном существует издавна и сама собою определяется *занятием и овладением этого края* (отсюда и далее в цитате курсив наш. — Авт.); она заключается в приобретении *границ безопасных со стороны азиатских соседей наших*, с тем и средств к большему развитию *народной торговли и промышленности...* за сим все частные распоряжения относительного того края предпринимаемые, должны клониться к упрочению приобретенных выгод, посредством *усмирения* полудиких племен Кавказа, *постепенного введения между ними*, как и вообще во всем крае *гражданского устройства*, раскрытия всех источников, промышленности и торговли *для обоюдной пользы вновь приобретаемых земель и собственно империи* так, чтобы *со временем* первая связывалась с последнею *взаимными выгодами и нуждами*, представляли *единое целое безо всяких следов насильственного присоединения*» [7]. Этот самодержец неоднократно подтверждал подобные намерения в отношении Кавказа, указывая: «Не судите о Кавказском крае как об отдельном царстве. Я желаю сливать его всеми возможными мерами с Россиею, чтобы все составляло одно целое» [8]. Как видим, российский монарх не ставит цели завоевания Кавказа исключительно для овладения его богатствами в интересах «Центра», но для обеспечения безопасности границ России, установления порядка и благополучия для всех подданных, в том числе и вновь приобретенных. Оттенок мессианства носит заявление монарха относительно усмирения «полудиких племен», однако цели будущей взаимной пользы и преодоления последствий насильственного присо-

единения, а не одностороннее принесение благ цивилизации и просвещения в подарок «дикарям», как будто позволяют констатировать намерения властей к будущему сотрудничеству и «партнерству». Поэтому та парадоксальная ситуация, которая уже неоднократно отмечалась историками, что Северный Кавказ был «завоеван», а последствия этого были положительными, фактически была детерминирована установками российского монарха. Популярная ныне расхожая фраза, иногда приписываемая Р. Гамзатову, что «Дагестан в состав России добровольно не входил, и добровольно из нее не выйдет», точно указывает на взаимную выгодность интеграции кавказцев в Россию, к которой стремился государь, считавшийся одним из самых одиозных в истории страны. Между тем, в 1842 г. Николай I писал командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту А.И. Нейдарту о том, что необходимо «ласковым, справедливым и строгим соблюдением порядка... вселять во всех доверенность, уважение и любовь к себе, ...действовать на умы разнообразного населения, для того в особенности ласкать различное духовенство, влияние которого столь сильно» [9].

Однако во времена этого императора, и еще ранее, ситуация «прав без обязанностей» начинает корректироваться в рамках освоения и взятия Россией кавказского пространства под плотный и всеобъемлющий контроль. По отношению к горцам, при общей установке на дружелюбие и миротворчество, с одной стороны, проявляется патерналистская забота о них, а также неусыпный надзор и слежка над неблагонадежными, с другой. Горцам предлагаются жесткие правила поведения, присущие российской государственной системе, и совершенно не свойственные их социопотестарным, ментальным и т. п. установкам, что органически вытекает из имперского мироустройства. Сношения мирных аулов с немирными строго пресекались, а абреки (и только они!) должны были быть выловлены *или* истреблены [10]. Горцев, совершавших те или иные серьезные правонарушения (убийство, воровство, разбой и т. п.) подвергали лишению свободы, телесным наказаниям, принудительным работам, что выходило за рамки их обычного права [11]. Противоречивое отношение у жителей гор вызывала практика переселений, которые производились как с учетом вековых чаяний местного населения, издревле стремившегося на равнину, так и для лучшего надзора за ним. Перемещения горцев нередко осуществлялись принудительно, с таким расчетом, что их прежние места проживания заселялись русскими поселенцами, в том числе, казаками. М.И. Венюков называл такую систему «процеживанием», давая ей высокую оценку [12].

Подобные нововведения и т. д., естественные для феодально-крепостнической системы Российской империи, были болезненными и

непривычными для свободолюбивых и воинственных горцев, сохранивших в своем общественном укладе проявления ментальности «дофеодальной» эпохи. Протест их оказался оформлен в виде идеологии мюридизма, как флага отстаивания социо-политической osobости и культурной идентичности в условиях сложного переплетения модернизационных импульсов, в духе «ответа-на-вызов», и средневековых конфессиональных установок борьбы с «гяурами» [13]. И хотя порой в воспоминаниях кавказских офицеров или лиц, фактически ими являвшихся (разжалованных декабристов), в т. ч. побывавших в плену у горцев, можно видеть довольно жесткие мотивы мессианства («борьба христианского просвещения против грубого варварства и дикого невежества», понимаемая даже как «крестовый поход XIX в.»! — К.Ф. Сталь) [14], оно, в условиях синтеза этноконфессиональных и социокультурных традиций российских социумов в рамках *российскости*, как таковое, не приобретает самодовлеющего значения. Формула «Самодержавие, православие, народность» работает на укрепление ведущей роли православия в системе самодержавного властвования на российском потестарном поле без позиционирования России, как *цивилизационного флага* других народов — как дальних, так и ближних [15]. мироустроительная миссия самодержавия в XVIII — начале XX в. обходилась без откровенного мессианства. В.В. Дегоев совершенно верно описывает особенности мироустройства России в ходе «Кавказской войны», как обеспечение геополитической безопасности своего южного яруса, внутреннего мира и относительной межэтнической стабильности, возможности иметь условия для развития разнообразных сфер жизни Северного Кавказа. Горцы же, хотя и потерпели поражение, но выиграли привилегию быть ее продолжением, получив беспрецедентные шансы на цивилизационный прорыв из теснин патриархально-родового быта, немислимыми ранее перспективами раскрытия творческого потенциала личности, общества, этноса [16]. Более того, все больше утверждается гражданский принцип «Единого Отечества», последовательно выдерживавшийся Петербургом по отношению к иноэтничным сообществам. Впрочем, проявление признаков наличия «единого русского народа» до 1917 г. было всего лишь отражением тенденции, но не итога развития (В.А. Матвеев) [17].

3. После 1917 г. до середины 1930-х гг. реализуется большевистское мессианство, провозглашается лозунг «*мировой революции*» (В.И. Ленин, особенно, Л.Д. Троцкий, и др.) [18]. Затем этот лозунг снимается, его сторонники устраняются физически через Большой Террор, и начинается строительство И.В. Сталиным и его сторонниками *советской империи*, что находит сторонников даже в белоэмигрантских кру-

гах и некоторые из уехавших возвращаются в страну. Впрочем, это не означает ликвидации большевистского мессианства как такового. Оно только переходит в новый формат. СССР утверждает свои идеалы не через прямой экспорт революции, а через состязание идей и достижений — в промышленности, науке, космосе, как их синтезе, спорте, искусстве и т. п. Что же касается функции мироустроительства, то она, сохраняя такие черты, как всеобъемлющий патерналистский контроль властных структур за народом (через партийные, советские и специальные каналы), неусыпное отслеживание лояльности, следования советским законам и т. п., с одной стороны, была лишена религиозной санкции, с другой — закреплена через существование коммунистической атеистической идеологии. Последнюю порой считают заменителем или аналогом религиозной. Но ее несомненная историческая роль (при больших и очевидных «издержках») заключалась во временном снятии болезненных конфессиональных антагонизмов, которые продолжали сохраняться в латентном виде. Советское мироустроительство допускало, порой, значительные территориальные потери (например, по условиям Брестского мира), но затем так или иначе компенсировало их. Ареал Союза ССР в течение советского периода подвергался «вторичной колонизации» (освоения целины, районов Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока, в том числе, через «великие стройки» престижного характера, являющиеся чисто имперским способом саморепрезентации, утилизации творческих интенций и энтузиазма населения, а также занятия молодежи общественно-полезным трудом за скромную зарплату или вовсе «на общественных началах»). Чертой «мироустроительства» в СССР в сталинский период были массовые депортации целых народов, коснувшиеся и части автохтонного населения Северного Кавказа, что было одной из самых трагических страниц его истории [19].

4. После разрушения СССР мессианство, разумеется, было снято с повестки дня: экспорт идей социализма и коммунизма прекратился. Но что же произошло с мироустроительством в современной России? Прежде всего, произошли большие территориальные потери, которые ныне больно аукнулись в виде конфликтов с Грузией и Украиной. Идея ельцинской суверенизации едва не разрушила страну, как таковую. При этом власть, для того, чтобы сохранить свой ущербный контроль над страной, готова была пойти на разоружение перед прежними (а затем «оказалось» — что вечными) геополитическими противниками. Яркий пример этого — «урановая сделка» и расстрел парламента в 1993 г. Возврат центральной власти к мироустроительству в близком к традиционному пониманию привел к восстановлению «властной вертикали». При этом в стране есть немало примет реальной демократии (свобода слова

и печати, с соответствующими оговорками [20], и т. п.). Однако является ли нынешняя власть «народной», какой была, при всей условности, советская? Бесконтрольная колоссальная утечка капитала из страны (за последние 8 лет — более \$ 500 млрд, т. е. 16–17 трлн руб.) [21], т. е. практически прямое разграбление страны, разгул спекуляции на валютном рынке, санкционированный властями через введение плавающего курса валюты и т. п., показывает, что власть лишь внешне стремится ограничить устремления олигархов к контролю над экономикой, и, в конечном счете, над страной. Привязанность экономики к доллару и евро все больше подрывает основы суверенитета. Россия по-прежнему покупает казначейские обязательства США [22]. Российская политическая нация, формирующаяся последние 20 с лишним лет, как и все иные национальные государства в мире, имеет непримиримого врага в лице ТНК. «Хозяевам денег» вовсе не нужны обременительные национальные границы и патриотизм. Яркой приметой современного мироустройства в России является то, что, с одной стороны сохраняя патернализм, страна не имеет официальной идеологии, что закреплено в Конституции (ст. 13). Единственная официальная «государственная вера», которая существует сейчас — это почитание личности В.В. Путина, не знающего о деяниях тех или иных его ставленников (аналитики называют это «информационной ватой»), что является повторением традиционной дореволюционной веры в «добротого царя», наделенного народным сознанием таким же «святым неведением».

А что же религиозная основа для сплочения России? В дореволюционный период, как и ныне, православие также не было предметом тотального навязывания россиянам, что создает некую историческую параллель. Но, православие было авторитетной идеологией, скреплявшей значительную часть российского народа. Ныне православная церковь еще далека от восстановления своих прежних позиций, переживая очередной кризис обмирщения. Между тем, мы видим, как в мире параллельно реализуются три мессианских проекта — католический, протестантский и исламский. Католический имеет в центре Папу Римского, главу всех католиков. Кому-то этот проект может показаться давно ушедшим в прошлое. Но более 1 000 000 000. католиков в мире, экспансия этой конфессии (например, на Украине) и наличие финансовых структур, не и имеющих аналогов в мире (Банк Ватикана) и т. д. заставляют посмотреть на католицизм с совсем с другой стороны. О протестантском можно и не говорить долго. Это идея американской исключительности, которая была недавно подтверждена Обамой, базирующаяся на ценностях кальвинизма (пуританизма). Наконец, исламский проект (а вернее — псевдоисламский) — это идея Всемирного халифата, про-

пагандируемая ИГ (организация, запрещенная в России), которая еще раньше была провозглашена «Хизб-ут-Тахрир аль-ислами». Этот проект заставляет задуматься над тем, что же мировое сообщество может противопоставить чудовищным идеям ИГ, в условиях, когда ни Запад, ни Россия, нанося военные удары по объектам этой организации, не выработали эффективного политического и морального ответа на свои внутренние процессы распада социума, гендерную деградацию, падение морали и нравственности. Сплочение России на пути мироустройства видится нам в чисто светском поле, ибо другой путь в многоконфессиональной России невозможен.

5. Уязвимой чертой современного российского мироустройства является, прежде всего, политика властных структур по контролю над продажей природных ресурсов при одновременном отсутствии диверсифицированной экономики. Другая черта современного мироустройства — обеспечение лояльности населения, достигаемое с помощью высокой цены на нефть и газ (этот фактор в современной экономической ситуации находится под явной угрозой в виду нынешнего резкого падения стоимости барреля) [23]. Видимость благосостояния народа на бюрократическом уровне создается лишь с помощью манипуляций с цифрами по т.н. средней зарплате. На самом деле, задолженность населения перед банками с 2003 г. выросла в 265 раз [24]. В стране 500 млрд. руб. долгов по кредитам. Половина населения малых городов России находится в банковской кабале [25]. Вице-премьер О.Ю. Голодец недавно официально признала наличие в стране 22 млн. бедных. По другим данным, слой бедных россиян может достигать 45–50 % населения. Происходит неуклонное разрушение т.н. среднего класса, чреватое социальными потрясениями [26]. Территориальный и демографический аспекты же мироустройства характеризуются тем, что российское пространство оказывается все слабее заселенным россиянами и все более — мигрантами из других стран (особенно показательна ситуация на Дальнем Востоке) [27]. На Северном Кавказе угрожающей является дерусификация, уже практически совершившаяся в субъектах [28]. Установка на «мироустройство» выразилась, как будто, ныне в возвращении Крыма в состав России и широко эксплуатировавшейся идее «русского мира», которая имела перспективы вырасти в национальную [29]. Однако путинское «собираение» земель, населенных русскими, начавшееся так блестяще, оказалось, в итоге, фантомным. Надежды русских в Новороссии были жестоко обмануты. «Минск–2» является, по мнению ряда аналитиков, проектом по постепенному, плавному возвращению Донецка и Луганска Украине. Для прямой интеграции ДНР и ЛРН в российские структуры нет политической воли, хотя скрытое

финансирование этих республик еще продолжается [30]. «Мироустройство» активно демонстрируется Центром на Северном Кавказе в борьбе с сепаратизмом и терроризмом, «замирении» Чечни и превращении ее в субъект, который сам устанавливает порядок и законность на подконтрольной территории. Именно к этому стремились российские власти в начале XIX в., но безуспешно. При известных (и немалых) издержках [31], на которые указывали те, кто недавно возглашал: «Хватит кормить Кавказ», можно говорить об определенной эффективности такой системы. Она хороша уже потому, что трудная борьба с экстремизмом ведется в Чечне с помощью человеческого ресурса только местных силовиков, о чем не так давно можно было только мечтать [32]. Вопрос, однако, в том, насколько данная политика долговечна, учитывая цикличность политики «ласканий» и отсутствие исторической традиции единовластия в клановой Чечне. У современного российского мироустройства много изъянов, но нет пока конкурентоспособных альтернатив. Оно является оптимальным в сравнении с нарастающей турбулентностью и тенденциями к возникновению феномена «нового средневековья» [33] или неофеодализма, хотя, отчасти, само же и готовит его. Мы имеем виду рост власти отдельных кланов или группировок в Центре и на местах, нередко криминального характера (Кущевка), особенно в субъектах Северного Кавказа, где налицо архаизация и демодернизация общественной жизни [34]. В перспективе это ведет к зарождению будущих агломераций, на которые может распасться Россия. В нашем регионе контуры таких агломераций могут быть связаны с ареалами деятельности московских корпораций, а также чеченских и дагестанских этноклановых и земляческих группировок. Налицо необходимость сохранения *любой ценой* единого российского политического пространства. Но одновременно нужны прорывные идеи в области современного мироустройства, и их динамичное приведение в действие, иначе существование России, как целостного субъекта, окажется в самом недалеком будущем под большим сомнением. Вызов со стороны мировых религиозных проектов может быть преодолен только эффективной секулярной политической теорией и государством, которое гонится не за призраком эффективности, ежедневно сходящим с миллионов страниц отчетов чиновников и руководителей различных рангов, а реально противостоит серьезным угрозам современного мира.

6. Подводя итоги, заметим, что разработки Н.Н. Великой, показывая наличие у правящих верхов России достаточно продуманной и трезвой кавказской политики в XVIII в., помогают нам увидеть основные черты таковой и в XIX в. Выводы ученого подводят к необходимости придти к изучению специфики российского мироустройства не

только в прошлом, но и настоящем. Сегодня мироустройство в России — это обеспечение лояльности населения через пропаганду в официальных СМИ и запрет на участие в несанкционированных митингах и т. п. под угрозой большого штрафа, соблюдение внешней законности (при невозможности реально наказать людей типа Сердюкова и Васильевой), поддержание стабильности и порядка, внешне все больше напоминающее не столь давнюю «эпоху застоя», с помощью создания видимости благополучия народа и эффективности действий власти, через осуществление точечных и дорогостоящих успешных проектов (Олимпиада–2014, Крым), при общей тенденции к постепенной «ползучей» децентрализации страны через рост влияния клановых структур различных уровней, в том числе, криминальных (феномен «криминального феодализма»). На северокавказском направлении мы видим возрождение политики «ласканий». Исторически обоснованная на определенном момент, она, тем не менее, не может быть вечной. Властные структуры России обязаны озаботиться «страховочными» сценариями на случай обострения ситуации. Несмотря на сложность и противоречивость положения не можем не констатировать, что при всех зигзагах исторических судеб России и Северного Кавказа, как ее неотъемлемой части, четко вырисовывается наиболее сущностная характеристическая черта национального российского мироустройства — *миссия без мессианства* (как одна из важнейших граней российскости). Конечная цель миссии видится нам в оформлении российской политической нации, как совокупности граждан Единого Отечества, для которых важнейшими станут общегосударственные приоритеты. Служение общему делу должно снова стать доблестью, а не унылой необходимостью. Однако успех ее сложения зависит от преодоления латентных процессов распада на «уделы» и неуклонного роста социальных антагонизмов, исподволь разрывающих формирующееся тело нации, и подлинной борьбы с все пожирающей коррупцией [35].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дашков С.Б. Императоры Византии. М.: Красная площадь, 1997. С. 20–22.
2. Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в.: монография. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2009. С. 125, 132.
3. Дегоев В.В. Предпосылки Кавказской войны: была ли альтернатива? // Кавказский сборник. №9(41) / Под ред. В.В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2015. С. 15.
4. Виноградов Б.В. Указ. соч. С. 128.
5. Великая Е.В., Великая. Н.Н. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.): Монография / под ред. проф. С.А. Головановой. Армавир: РИО АГПУ, 2015. С. 43–46.

6. Там же. С. 42–43.
7. Проект титулярного советника Покровского «О легких и скорых к покорению Кавказско-горских народов и к приведению всего Грузинского края в цветущее состояние способами» // Кавказский сборник. Т. №9(41). М.: Русская панорама, 2015. С. 181.
8. Цит. по: Урушадзе А. Общее прошлое: как Российская империя управляла Кавказом // <https://news.mail.ru/society/24609507/>.
9. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб., 2005. С. 382.
10. Записка князя Г.Р. Эристова «по управлению мирными горцами» (1848 г.) (Публикация и комментарии Л.И. Цвижба) // Кавказский сборник. Т. 9 (41). М.: Русская панорама, 2015. С. 207–215.
11. Абазов А.Х. Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в правовую систему России во второй четверти XIX в. // Кавказский сборник. Т. №9(41). М.: Русская панорама, 2015. С. 163.
12. Венюков М.И. Кавказские воспоминания (1861–1863). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»). 2011. С. 48. Этот автор указывал «Мы... долго боролись с черкесами, как с равными противниками, и когда одолели их, то честно уступили им земли, которые могут служить предметом зависти для самых цивилизованных племен. Немецкие колонисты, водворившиеся позднее в той же Прикубанской низменности, могут это засвидетельствовать в качестве «третьих лиц» (Там же).
13. Дударев С.Л. К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и большой России в XVIII – начале XXI века / под ред. Н.Н. Гаруновой. Армавир: Дизайн-студия Б, 2013. С. 28.
14. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ: племена, язык, нравы. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2011. Вып. VIII. С. 144.
15. Иначе вела себя протестантская Америка, в которой уже в колониальный период провозглашалась идея «Града на холме», «Нового Ханаана» и т.п., которая в будущем легла в основу американской исключительности (Галкина Е.В. Становление протестантизма в английских колониях Северной Америки (1630–1760-е гг.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002).
16. Дегоев В.В. Предпосылки Кавказской войны: была ли альтернатива? // Кавказский сборник. №9(41) / под ред. В.В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2015. С. 14.
17. Матвеев О.В. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2011. С. 135, 151, 176.
18. В.В. Путин недавно заявил, что мысль В.И. Ленина привела к развалу Советского Союза. «Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом. И мировая революция нам не нужна была» (<https://news.mail.ru/politics/24598562/?frommail=1>). Напомним, что идея автономизации принадлежала И.В. Сталину, за нее В.И. Ленин критиковал «чудесного грузина». О том, что тот сделал со сторонниками мировой революции, см. ниже.
19. В.В. Дегоев и Р.И. Ибрагимов в этой связи отмечают, что «наказанные народы» жестоко и несправедливо поплатились «за предательство определенной части северокавказского населения, которая оказывала активное пособничество гитлеровцам. Многие представители этих народов героически сражались с общим врагом, приближая День Победы. «Они стали гордостью и искуплением для своих народов, которые были, в конце концов, возвращены на родину» (Дегоев В., Ибрагимов Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию или повестка дня на вчера. М.: Изд. Дом «Империиум – XXI век», 2006. С. 45).
20. Тем не менее, у современной российской демократии есть и свои рамки. Показательный пример — недавняя история с известным церковным деятелем, протоиереем Всеволодом Чаплиным, покритиковавшим в печати современный «застой», а

- патриарха и Кремль — за цензуру — и тут же лишившимся всех своих постов [Электронный ресурс] URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/01/12/chaplin-obvinil-patriarkha-i-kreml-v-cenzure.html>. (Дата обращения — 12.01.16); [Электронный ресурс] URL: <https://news.mail.ru/society/24540589/?frommail=10> (Дата обращения — 15.01.16). По сообщению правозащитницы Е. Рохлиной, в России уже появились и новые «узники совести» [Электронный ресурс] URL: Youtube// Политзаключенные 21 века//Neiromir TV (Дата обращения — 2.02.2016). Ныне находится под следствием российский государственный, политический деятель, писатель, публицист Б.С.Мионов, причиной чего, по версии канала канала «Нейромир», была критика В. Путина и А.Чубайса [Электронный ресурс] URL: Youtube//Neiromir TV (Дата обращения — 3.02.2016).
21. [Электронный ресурс] URL: Youtube//Neiromir TV (Дата обращения — 2.09.2015).
 22. [Электронный ресурс] URL: Youtube//Neiromir TV (Дата обращения — 26.09.2015).
 23. Подобная политика начала, как известно, проводиться еще в советский период, однако далеко не все знают о том, что в экономике СССР доходы от продажи сырья за рубеж составляли 10 % от бюджета, в то время как в настоящее время их доля насчитывает 60%! Обрушение СССР вызвало то, что он лишился пяти процентов из десяти, в результате действий саудитов, инспирированных США. Уязвимость России сегодня в случае серьезных перебоев поставок энергоресурсов за рубеж или роста конкуренции стран-производителей нефти (Иран в ближайшие годы выбросит на рынок 3 млн. баррелей нефти) ниже всякой критики [Электронный ресурс] URL: Youtube// Сулакшин С.С. Коллапс Ресурсной Федерации// Neiromir TV (Дата обращения — 18.01.2016).
 24. [Электронный ресурс] URL: Youtube//Neiromir TV (Дата обращения — 2.09.2015).
 25. [Электронный ресурс] URL: Youtube//Круглый стол в Думе//Neiromir TV (Дата обращения — 23.10.14).
 26. Если в лучшие годы «тучных лет», т.е. до кризиса, слой «среднего класса» достигал 20–22 %, то к 2018 г. он может понизиться до 6–7 %. [Электронный ресурс] URL: Youtube// Жуковский В. Все на борьбу с феодализмом// Neiromir TV (Дата обращения 22.01.16).
 27. Министр по развитию Дальнего Востока А. Галушка успокаивает: «У нас на Дальнем Востоке живет 6,2 мл. чел.», а этнических китайцев здесь всего около 8,5 тыс. (Аргументы и факты, №2, 2016. — С.11). Между тем, компетентные эксперты не так оптимистичны и отмечают, что Китай реализует здесь политику «цань ши» — медленного поедания (А.И. Фурсов). Не знаем, как быстро китайцы доберутся до московских галушек, а до употребления их дальневосточных аналогов, к большому сожалению, осталось не очень долго: «империю, как и большой пирог, удобнее всего объедать с краев» (Б. Франклин).
 28. Россия там, где русские//Сборник научных работ С.Л. Дударева. М.: Илекса, 2011. С. 513–518. [Электронный ресурс] URL: Российский Кавказ остается без русских// <http://rusnsn.info/analitika/rossijs...z-russkih.html> (Дата обращения 19.04.15).
 29. Дударев С.Л. К вопросу о формулировании национальной идеи//Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VII // Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 12–13 декабря 2014 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С. 78–82.
 30. Некоторые эксперты полагают, что Россия будет и впредь оказывать ДНР и ЛНР скрытую помощь, которая, ходя в «черную дыру», угрожает ей «имперским надрывом» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/15/06/2015/552798559a79477a349f08ee> (Дата обращения 8.01.16). Впрочем, концентрация вооруженных сил Украины на линии разграничения говорит о готовности украинских властей прибегнуть к силовому решению конфликта на Донбассе. В этом Киев обвинил постпред России при ОБСЕ Александр Лукашевич во время его выступления перед Постоянным советом Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), пишет «Лента.ру». [Электронный ресурс] URL: <http://www.metprice.ru/another-news/postpred-rossi-pri-obse-kiev-gotovitsya-k-nastupleniyu-na-donbasse> (Дата обращения 5.02.16).

31. Дударев С.Л. К изучению специфики интегративного процесса. С. 41.
32. Дударев С.Л. Это было недавно, это было давно... Армавир; Ставрополь, 2008. С. 259.
33. [Электронный ресурс] URL: Андрей Фурсов последнее: Новое средневековье//<http://www.youtube.com/chanel> (Дата обращения 15.01.16).
34. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том V. Специальный выпуск. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 58; Дибиров А.-Н.З. Дагестан между Каспием и Кавказом: уроки истории и вызовы современности // Полиэтническое общество, власть и демократия в России: сборник статей. Москва; Махачкала, 2012. С. 47–48.
35. В сети Интернет только что появились обнадеживающие данные. По сведениям Международного движения по противодействию коррупции, Россия в 2015 г. заняла 119-е место в мировом рейтинге по показателям коррумпированности. В 2014 г. она находилась на 136-м месте, рядом с Нигерией и Ливаном [Электронный ресурс] URL: <https://news.mail.ru/society/24650614/?frommail=1> (Дата обращения 27.01.16). Глядишь, шагая каждый год на пятнадцать позиций вверх, через десяток лет страна может выйти в мировые лидеры по борьбе с коррупцией. Вопрос в том, есть ли у нее эти десять лет. Как отмечают некоторые аналитики, «с точки зрения исследований Центра политической модели развития Степана Сулакшина, в 2018–2019 году Россия вступит в период обрушения нынешней модели развития (хотя точнее ее можно назвать моделью деградации), что обусловлено исчерпанием всех внутренних ресурсов на поддержание своей стабильности» (Эль Мюрид¹. Православный джихад. Катехизис монохромной революции. Электронная книга).

Н.Н. ГАРУНОВА

(г. Махачкала)

«ПОМЕТКИ МЕЖДУ СТРОК...»

Представленная работа Н.Н. Великой — одна из интереснейших публикаций последнего времени. Автор поставил совершенно под другим ракурсом указы и Манифесты российских императоров XVIII век в сочетании с анализом характеристики отношений к подданным (прослежен переход от понятия «подданных» к «гражданам»). Автор делает серьезный вывод о том, что изменение формулировки, по-видимому, свидетельствовало о намерениях правительства предоставить жителям Закавказья больше прав, чем рядовым подданным центральной России. Характеризуя мотивы российской политики на Северном Кавказе, Наталья Николаевна подчеркивает, что это было характерно не только для одного региона, но и осуществлялось и на других российских окраинах.

1 Псевдоним известного блоггера и политолога А. Несмияна.

Мы согласны с положением автора, что Россия была *континентальной, а не колониальной страной и у неё никогда не было и не могло быть цивилизаторских, «хищнических» и прочих колониальных намерений.*

Хотя в свое время Василий Осипович Ключевский в колонизации видел основной фактор русской истории. Он подчеркивал, что «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширяется вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней».

В Российской империи колонии непосредственно примыкали к ней, объединившись в единое пространство. Это приводило к тому, что территории метрополии и колоний подчинялись общим государственным и политическим структурам. Возможно, что этот фактор затруднял и усложнял, в сравнении с колониями Запада, процесс освоения новых территорий. В то же время Ю.А. Стецура со ссылкой на Б.Н. Миронова указывает, что Россия не может быть колониальной державой в полном смысле этого слова. Российская империя держалась в решающей степени на династическом и сословном принципе, а не на этническом и религиозном самосознании русских. В силу указанных особенностей, а также вследствие большого разнообразия религиозного, культурного, социального, экономического и политического положения народов, входивших в состав России, поэтому «ярлык «колониальной державы» не соответствовал ее сущности.

В России не было типичного для многонациональных западных империй разделения на метрополию (национальное государство) и колониальную периферию в качестве донора. Наоборот, колониальный характер расширения Российской империи способствовал формированию системы центр — провинция — пограничье. Как правило, пассионарные люди концентрировались не в заморских колониях, а в столицах и на динамической границе государства (фронтир, «засечные» и другие укрепленные линии).

Интересный вывод Н.Н. Великой о том, что *«военизированный уклад жизни горцев, возникший в более ранний период под влиянием целого ряда политических, экономических и иных причин, сохранялся. И то, что в одной культуре считалось преступлением, в другой — не только не осуждалось, но наоборот, восхвалялось и героизировалось. Притирание и взаимопонимание встречало немало трудностей, в том числе, ментального характера».* Российские власти искали мирные пути. После чего этот процесс активизировался? После того как ряд военных экспедиций закончились здесь неудачно, российские

власти перешли к переговорам, подаркам, поручительству, а также начали строить крепости, развивать торговлю.

Согласны с выводом автора, что «..власть в рассматриваемый период проводила «политику ласканий». В XVIII веке российские цари и правители в отношении Кавказа придерживались осторожной «ласкательно-увещательной» политики, проводниками которой были по всему обширному кавказскому региону до Дербента, Баку, Кубани и Причерноморья военные коменданты. С обеих сторон в этой политике не исключались спекуляции, заигрывания, простые и сложные комбинации, в зависимости от ситуации, интриги, натравливание. Тем более что и Турция, и Персия тоже и посулами, и угрозами старались привлечь на свою сторону как можно больше местных владетелей.

Присяги показывают, чем руководствовалось правительство на Северном Кавказе, и какие основные идеи «совместничества» оно пыталось донести до горцев. В то же время они отражают и устремления самих горцев в рассматриваемый период, их желание с помощью России решить важнейшие проблемы.

Автор привел достаточно большой фактический материал, доказывающий, что за верноподданническую службу дагестанские владетели получали жалование, награды, чины. *«В ходе согласования интересов и складывалось историческое партнёрство, именуемое российскостью. Россия искала опору среди населения пограничных зон».*

В.А. МАТВЕЕВ

(г. Ростов-на-Дону)

РОССИЙСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ И ЭПОХИ ПОСЛЕ ЕЕ ЗАВЕРШЕНИЯ (концептуальные аспекты)

С середины XIX в., по мере усиления результативности политики России на кавказском и ряде иных направлений, стала проявляться повышенная заинтересованность в насаждении ее отрицательного образа в целях ее разрушения как государственного образования. В ряде европейских стран через прессу и публицистику проводилась и соответствующая пропаганда. Такое изображение России было необходимо на Западе для достижения неблагоприятных целей передела мира. Формирование колониальных империй в тот промежуток времени уже завер-

шилось. Россия являлась государственным образованием иного рода и под такую типологию не подпадала.

В размышлениях об особенностях ее развития В.О. Ключевский выделил следующее: «Наш народ поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал... других через двери христианской церкви мирно вводил в европейское общество» [1]. Именно за счет этого западная цивилизация, по его мнению, избавилась «от магометанского напора». Обращение при сложившихся обстоятельствах «за океан, в Новый Свет» ряду европейских стран предоставило возможность эксплуатировать «его нетронутые богатства» [2].

Создание же колониальных придатков и на других континентах позволило обеспечить масштабную перекачку средств и ресурсов из зависимой периферии. Только от «Британской Индии» Англия как одна из европейских метрополий получала доходов на 2/5 больше, чем составляли все поступления в казну в Российской империи [3]. Для обеспечения поступлений коренное население было обложено тяжелыми фискальными сборами, размер которых ежегодно составлял 55–60% от общей прибыли хозяйства: 45% с земли и 10–15% на издержки администрации [4]. Но у Англии были и другие колонии, из которых также происходила масштабная перекачка средств.

Не в последнюю очередь именно это обуславливало быстрое экономическое развитие метрополии и поддержание относительно более высокого жизненного уровня для населения метрополии. В таком же положении находились все европейские страны, обладавшие колониями. Иноэтнические окраины в Российской империи, напротив, получали экономическую поддержку из центра и являлись убыточными. Это была своеобразная плата русского населения за стабилизацию сопредельного враждебного пространства. Европа вследствие усилий России чувствовала, как заметил В.О. Ключевский, что на востоке «ей ничего не угрожает» [5].

Между тем, по его разъяснению, там происходила «упорная борьба», обеспечивавшая выживаемость не только православного, но и всего христианского мира. Объединявшееся после разъединения в российских государственных границах восточнославянское сообщество в XVI в. «наконец перешло от обороны в наступление на азиатские гнезда, спасая европейскую культуру» от разрушительных ударов [6]. Организовывавший противостояние центр под давлением враждебной стихии вынужден был перемещаться с Днепра и Клязьмы «на берега Москвы» [7], вокруг которой продолжилось и вступило в стадию за-

вершения собиране разрозненных сил некогда единого народа. Из-за сложившихся обстоятельств Россия оказалась, по образному выражению В.О. Ключевского в «арьергарде Европы» и оберегала «тыл европейской цивилизации» [8].

Обобщая сравнения, он отметил, что «сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя» [9]. По уточнению В.О. Ключевского, все осложнялось вынужденной борьбой «на два фронта», которую вело «Московское государство... вооруженная Великобритания» [10]. На западе противостояние, по его словам, происходило «за национальное единство», на юго-востоке — «за христианскую цивилизацию». По заключению историка, общим являлось то, что «там и здесь» борьба воссоздавшим общее государство русским народом велась «за свое существование» [11]. Наряду с этим выполнялась великая миссия объединения восточных славян с другими народами Евразии. Им также обеспечивался спасительный приют и державная защита.

После вхождения в состав России все становились соотечественниками, и этот критерий являлся определяющим в проводившейся политике на иноэтнической периферии. Применение его сочеталось с другими составляющими. Краины получали равноправный статус и сырьевыми придатками не являлись. Интеграционные процессы, происходившие в Российской континентальной империи, способствовали становлению в ее границах согражданства на полиэтнической основе. Однако в Европе руководствовались в восприятии ее собственным опытом и неоднократно предпринимали попытки по дезинтеграции. Применявшиеся подходы со временем становились все более изощренными. Но создание отрицательного образа России оставалось неизменным во всех идеологических приемах, значение которых в XIX в. уже осознавалось.

Между тем в проводившейся на ее иноэтнических окраинах политике задействовался фактор нравственного воздействия. При их же включении в состав государственного пространства основополагающим являлся добровольный выбор, фиксировавшийся в присягах на верное подданство. Являясь своеобразной формой самоопределения, он является вместе с тем показателем наличия справедливости в объединении. Возрастание нравственного влияния России лишило и Шамиля поддержки для продолжения борьбы. Этнодемографическая составляющая противостояния не была устойчивой и вполне закономерно сужалась. По воспоминаниям тех, кто знал Шамиля, на склоне лет он признал ошибочность войны против России.

Пришел бывший имам и к осознанию ее в качестве отечества. Неоднократно, возвращаясь в мыслях к прошлому, он выражал искреннее сожаление, «что раньше не знал России, а то бы давно покорился» и симпатизировал ее усилиям по умиротворению горских племен на Северо-Западном Кавказе [12]. Это отнюдь не поставило, вопреки сложившемуся представлению, бывшего имама «вне истории» [13].

Технологии прекращения Кавказской войны включали и такие важнейшие концептуальные аспекты: покорение многонационального края не только силой оружия, но и силой нравственного авторитета России, политический компромисс, направленный на постепенное гражданское приобщение. Интеграция «туземного населения» в систему ее государственных отношений, происходившая в эпоху после устранения наиболее организованных очагов сопротивления, предопределялась в значительной мере также этими особенностями проводившейся политики. Линия на компромисс, обеспечивавшая постепенное эволюционное приобщение иноэтнического населения края к единому отечеству выдерживалась и в начале XX в. В интеграционных процессах проявлялись и противоречия [14].

Одна, чаще всего самая значительная часть тех или иных этнических сообществ, так же как и в эпоху Кавказской войны, в конечном итоге приходила к признанию России своим отечеством, а другая продолжала сохранять нейтральную до поры до времени неопределенность или даже открытую враждебность. Несмотря на сохранение обособленности, перемены затрагивали в начале XX в. и весьма консервативную сферу религиозных приверженностей. Особенно ярко эта двойственность проявлялась в экстремальных ситуациях. В периоды военных лихолетий, например, часть мусульман Северного Кавказа, молилась во главе со своими муллами за Россию, прося всевышнего о ниспослании ей победы, а часть поддавала под сепаратистские влияния, предаваясь религиозному фанатизму.

Наличие же у России концепции, способствовавшей объединению, проявилось и при подготовке в 1909 г. к 50-летию юбилею завершения «вековой борьбы в горах Чечни и Дагестана». Согласно программе, выработанной штабом Кавказского военного округа, в Гуниб, где проходили торжества, были приглашены многочисленные представители от всех «туземных обществ», прибыли ходоки и по собственной инициативе [15]. При организации предусматривалось приглашение всех ветеранов края, воевавших на стороне России. Извещения об этом были разосланы даже в удаленные аулы. Направлялись пригласительные билеты и тем, кто принимал участие в Кавказской войне на стороне Шамиля [16].

Организация позволила представителям от «туземного населения» принять в праздновании юбилея массовое участие [17]. Наместнику его императорского величества графу И.И. Воронцову-Дашкову по этому случаю поступила «масса... приветственных телеграмм со всех концов края» и других восточных областей империи [18]. Согласно одобренного им сценарию, торжества по случаю 50-летия покорения Восточного Кавказа проходили в Гунибе 24–25 августа 1909 г. Воспроизводилось с максимальной достоверностью и соответствие реальности завершения противостояния. И.И. Воронцов-Дашков непосредственно участвовал в «историческом штурме» аула, где оно и завершилось.

В сценарии празднования отражение получила и такая особенность проводившейся политики на гражданское приобщение. Штабом Кавказского военного округа предусмотрено было при составлении программы, в частности, следующее. Прибывшие в Гуниб многочисленные представители мусульман приняли участие в общей молитве с православными участниками. Вместе они совершили во время торжеств панихиду «по своим героям, павшим в Кавказскую войну». Каждая из сторон при этом соблюдала свои вероисповедные традиции. Примечательно и то, что участники праздничных мероприятий от горских и тюркских обществ поддержали «могучее “ура” русских войск» [19].

Не менее дружно был исполнен всеми присутствующими «народный гимн “Боже, царя храни!”», после чего состоялись другие праздничные совместные мероприятия. Определявший разработку сценария празднования 50-летнего юбилея прекращения вооруженного противостояния «в горах Чечни и Дагестана», наместник его императорского величества граф И.И. Воронцов-Дашков, принимавший участие и в штурме Гуниба, предусмотрел в завершение торжеств совершение молебнов «по всем воинам», погибшим в сражениях [20]. Празднование 50-летия покорения Восточного Кавказа в 1909 г., таким образом, также являлось показателем достигнутого результата, имевшего изначальную направленность на интеграцию или российское «совместничество» по введенной в научный оборот терминологии В.Б. Виноградова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987. С. 373.
2. Цит. по: Там же.
3. Британская империя в Индии. Сочинение шведского генерал-лейтенанта графа Биорнштерна. Переведено по поручению П.В. Голубкова. М., 1847. С. 141.
4. Индия под английским владычеством. Сочинение барона Барту де Панозна / пер. с фр. Т. 1. Университетская типография. М., 1848. С. 35, 123–126, 450, 452, 455.
5. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 373.

6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же. С. 372.
11. Там же.
12. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 166, 167–168, 191.
13. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С. 267.
14. Матвеев В.А. Кавказская война: незамеченные итоги // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 1995. №4. С. 9.
15. Центральный государственный архив Республики Грузия (далее ЦГА РГ, бывший Центральный государственный исторический архив Грузинской Советской Социалистической Республики). Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3.
16. Кавказ. 1909. 23 авг. (3 сент.); 26 авг. (8 сент.); 27 авг. (9 сент.); 1 (14) сент.
17. ЦГА РГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7 об.
18. Кавказ. 1909. 1 (14) сент.
19. ЦГА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3.
20. ЦГА РГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7 об.

Л.Н. ХЛУДОВА

(г. Армавир)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА «РОССИЙСКОГО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА» (первая половина XIX века)¹

Предложенные к обсуждению на 19-м Кавказоведческом семинаре материалы д.и.н., проф. Н.Н. Великой и д.и.н., проф. Ю.Ю. Клычкова представляют собой анализ процесса формирования российского Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX в. с позиции государственно-идеологического и рационально-критического осмысления. Характеристика военно-политических событий этого периода позволяет сделать выводы о некоторых принципиальных факторах, определявших объективные условия формирования «южных окраин». К началу XIX в. Российская империя, обладала одной из самых мощных армий, богатейшим культурным потенциалом («золотой век» русской культуры), была заинтересована в стабилизации южных границ, и имела за спиной многовековой опыт социально-экономических и военно-политических контактов с народами Кавказа, опыт полиэтничного и многоконфессионального государства. К числу «слабых» мест империи, осложнявших интеграционные процессы, отнесем нараставшие кризисные явления феодально-крепостнической системы, мощный,

но неповоротливый и местами «косный» бюрократический аппарат, полное отсутствие политических свобод и абсолютистский принцип в решении внутри- и внешнеполитических задач, а также отсутствие четкого представления о специфике северокавказского региона, путях и способах его реальной интеграции. Отдельно отметим нараставшее сопротивление усилению присутствия России на Кавказе со стороны европейских держав.

Пока присутствие России на Северном Кавказе (военное, политическое, экономическое) было более номинальным, чем реальным, отношения между горцами и северным соседом ограничивались подписанием присяг, основным лейтмотивом которых являлись надежды империи на «спокойствие и безопасность», в ответ на обещания «служить верно и быть в послушании». Только если в центральной России тишина и покой были следствием установившейся жесткой системы контроля со стороны властей и дворянской верхушки за умонастроениями народа, изредка проявлявшего свой характер в виде русского бунта, «бессмысленного и беспощадного», то в обращении с горцами Россия традиционно использовала такие средства, как переговоры, посольства, подарки, присяги, посредничество, поручительство, заложники и др. [1]. Дагестанский историк М.Г. Магомедов, говоря о процессе принятия подданства в Дагестане, отмечал, что в 80-х гг. XVIII в. «население рассматривало это как приобретение союзника в лице могущественной державы, не отягощающей их ни налогом, ни новым законодательством и порядком, ни постоем войск». Интересны в этом контексте документы, найденные А.В. Бирюковым в архиве, которые помогают расширить взгляд на проблему принятия российского подданства населением Чечни. Автор пишет, что для водворения спокойствия в Чечне И. В. Гудович использовал подкуп местных старшин [2]. Чеченцы и ингуши хотели видеть в присягах о подданстве России как бы гарантийные акты о добрососедских отношениях с русскими, о мирном существовании с ними.

Таким образом, политике «ласканий», о которой неоднократно упоминается в тексте обсуждаемого раздела коллективной монографии «Российский Северный Кавказ», соответствовала политика «лабиринтов», к которой прибегали местные племена, используя в своих интересах «право на защиту», которое они получили, не связывая себя при

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках проекта 16-11-23006 «Северо-Западный Кавказ: новая окраина глазами российских и зарубежных художников (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.)».

этом обременительными зависимостями. Горцы получали выгоды в виде беспрепятственной торговли, прямых «жалований чинами, деньгами и иными отличиями», использовали российскую сторону для решения внутренних проблем и конфликтов, для защиты от внешней угрозы. Ни о каких повинностях, подушной подати, рекрутских наборах и пр. в присягах не было и речи. Н.Н. Великая отмечает, что присяги неоднократно давались и нарушались горцами в зависимости от меняющейся политической конъюнктуры и по другим причинам. И хотя с XVIII века формируются достаточно многочисленные и устойчивые династии адыгов, чеченцев и др., с оружием в руках отстаивавшие интересы России [3], возникает следующий вопрос: какую долю горской элиты составляли ориентированные на «верную службу» династии?

Именно фактами нарушения присяг и отсутствием у горцев такого важного мотива верности, как защита России как своего «отечества» объяснимо более или менее скрываемое недоверие российских властей к лояльности горцев в XIX в. До настоящего времени широко используя горцев на военной службе, российские власти то сужают им доступ в войска до минимума, то вовсе прекращают призыв. И хотя очевидна полезность привлечения к военной службе горской молодежи с точки зрения их ускоренной адаптации к российской культуре, русскому языку, воспитанию и укреплению в них общероссийской идентичности, гражданских чувств, но взгляды на войну и прохождение военной службы у них своеобразные, с трудом вписываются в концепцию организованной военной системы.

Новый виток северокавказского кризиса, связанный с деятельностью А.П. Ермолова означал, что политика прежних «ласканий» оказывалась явно неэффективной и недостаточной для реального обеспечения стабильности и порядка на южных рубежах, чего требовала вышедшая на новый уровень признания в международных отношениях, победившая Наполеона Российская империя. Но кавказские общества были не готовы к пересмотру привычной модели отношений в ущерб собственным интересам — для них ситуация в этом смысле не изменилась, разве что внутренние противоречия социально-экономического характера заставляли активизировать набеговую систему с целью захвата добычи. Возможен ли был другой, менее драматичный и бескровный вариант развития российско-северокавказских отношений нежели тот, о котором авторы справедливо говорят как о структурном кризисе отношений между продвигавшейся на юг в поисках надёжных рубежей империи, столкнувшейся с не менее целеустремлённой горской экспансией на равнины. Ответ вряд ли будет положительным.

В этих противоречивых и болезненных для обеих сторон процес-

сах трансформации российско-северокавказских отношений преодоление социокультурных противоречий было необходимым условием становления социокультурного феномена, который сегодня мы называем «российский Северный Кавказ». Вхождение к середине XIX века в состав Российского государства обширных кавказских территорий требовало изучения и налаживания не только политических или экономических связей с ними, но и культурных. Ведь не случайно спустя сотню лет С. Хантингтон предрекал, что конфликты будущего между цивилизациями произойдут на, своего рода, культурных границах, разделяющих эти цивилизации. Позволю себе высказать мнение, что и для оценки причин конфликтов прошлого это мнение актуально.

Следует признать, что в целом знания о кавказских горцах в российском обществе XIX века были скудными. Этот факт отмечают и составители известного «Сборника сведений о кавказских горцах»: «Между тем, нужно сознаться, что, несмотря на довольно продолжительное время соприкосновений наших с горцами, в русском обществе всё ещё господствуют весьма сбивчивые о них понятия. Главная причина этого, без сомнения, лежит в прошлом, преимущественно военном характере этих соприкосновений. Словом, положительных сведений о горцах в нашей научной литературе весьма немного...» [4]. Основной интерес ученых начала XIX в. в основном сосредотачивается на описании (а не анализе) социально-политических особенностей горской жизни, обосновании отсталости и неразвитости кавказских форм общественного устройства и необходимости в этой связи цивилизационной миссии Российской империи.

В условиях объективного исторического сближения, образ «России», который формировался на Кавказе, был не менее важен, чем образ «Кавказа». Встреча с «Другим» для обеих сторон этого диалога-противостояния была наполнена сознанием неизбежных перемен окружающей повседневности, осознанием новой реальности, и необходимостью изменений собственного, личного бытия.

Иносказательная природа искусства, формирование художественного образа Кавказа во многом сумела смягчить пугающую инаковость «Другого» для российской стороны. Сфера искусства предоставляет нам примеры вступления в процесс коммуникации различных миров, ценности которых не равны. Изначальная ценностная схожесть России и Кавказа сомнительна, однако поэтам, особенно русским классикам, а также художникам удалось в своих произведениях соединить два мира, различные системы ценностей этих миров. Гармонизация ценностной разности с помощью поэзии и живописи привела, в конечном итоге, к снятию «чужести» с образа Кавказа [5].

В XIX в. Кавказ для Европы и для России ассоциировался с Востоком, подтверждение этому мы видим в произведениях многих писателей и поэтов. Но российский ориентализм в России совершенно уникальное явление лишенное, по мнению исследователей, присущих этому направлению недостатков, таких как колониализм и эксплуататорский характер [6].

Первый, самый изначальный пласт образности Кавказа, можно соотнести с художественной фиксацией природы этого края. В многочисленных описаниях географии Кавказа обращает на себя внимание, прежде всего, восхищение русских классиков горными вершинами Кавказского хребта, первозданностью природы. Поэтические произведения русских классиков уже в начале XIX века были наполнены экзотическими, неизвестными, но чарующими русскую читающую публику образами традиций и обычаев горцев Кавказа. Русский романтизм замечает и конфессиональный контекст «Другого», представленного исламом. Обладая весьма ограниченной информацией о Кавказе, русское общество XIX века воспринимало его сквозь призму литературных произведений, и потому ракурс, в котором представляли в них Кавказ и ислам, был чрезвычайно важен. Исследователи считают, что опоэтизированный образ данной религии, далекий от приписываемых ей негативных характеристик, послужил сближению двух великих культурных миров — христианского и мусульманского. Художественно воплощая исторически актуальные особенности исламского вероучения, поэты стремились донести до читателя и притягательные стороны данной конфессии, во многом игнорируемые в научных исследованиях и позиции официальной власти [7].

С кавказской стороны подобной психологической потребности и заинтересованности в «Другом» не ощущалось. Психологический контекст интереса во многом замещается в данном случае политическим. Обобщенно-лирический, опоэтизированный, романтический образ России не сложился в произведениях кавказских поэтов. Кавказских поэтов восхищает и пленяет не первозданный, традиционный мир «другой» культуры, а «свой», некогда процветавший, вольный и естественный, коим он являлся вплоть до «знакомства» с «чужим» миром русской государственности. Но уже в разгар «Кавказской войны» результатом приобщения к российской культуре становятся труды горских просветителей Шоры Ногмова, Хан-Гирея, Казы-Гирея, Адьль Гирея, видевших в единстве с Россией условие для экономического и культурного процветания своих народов [8].

Если в 1820-е годы Кавказ представал в русской литературе в романтических «одеждах» и интерес к российской южной окраине возник во многом благодаря романтическому на него взгляду, то в 1830-е

же годы в русской литературе наблюдается явный кризис романтического способа описания Кавказа и «Кавказской войны». Причем художественная концепция «Кавказской войны» выстраивается вокруг двух проблем: каким образом трансформируется кавказская реальность при столкновении с русской культурой и как Кавказ влияет на Россию, что он меняет в самоощущении героя, столкнувшегося с новой для него реальностью [9]. И описание изменяющейся в ходе столкновения с Россией культуры горцев, и представление изменений, происходивших с российским обществом под влиянием «Кавказской войны», были теми основными моментами, которые наиболее отчетливо показывали культурно-психологические особенности русско-кавказской драмы.

В лермонтоведении справедливо отмечается, что большим художественным открытием является образ «настоящего кавказца», который поэт «выхватил» из самой гущи повседневной кавказской жизни, как своеобразный тип, рожденный реальными общественно-историческими обстоятельствами. Тип этот, в наиболее его характерных чертах, отчетливо просматривается в художественном и эпистолярном наследии таких разномастных и отнюдь не единомыслящих современников, как А.А. Бестужев-Марлинский, Е.П. Лачинова, Н.С. Мартынов, император Николай, Л.Н.Толстой и др. [10] Одна из возможных характеристик условий появления нового типа «кавказца» связана с трактовкой Северного Кавказа как территории **фронта — зоны межкультурного (межцивилизационного) взаимодействия вне четко установленных и признанных государственных границ**, границы различных идентичностей, на которой происходит их взаимодействие в форме конфликта или диалога. Перспективной представляется изучение проблемы формирования новой идентичности жителя Северного Кавказа, которая будет иметь многоуровневый характер. Эта идентичность в основе своей будет неким «культурным гибридом», рожденным ситуацией «культурного билингвизма».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С.21.
2. Максимчик А. Н. Полемика вокруг присоединения Северного Кавказа к России в современной историографии / Максимчик А. Н. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 / Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. Мн.: БГУ, 2010. С. 254.
3. См.: Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик: «Эль-Фа», 2006; Великая Н.Н. О формировании военных династий в Чечне в до-революционный период // Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. Армавир, 2015. С. 91–97.

4. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. М.: Адир, 1992. 387 с.
5. Казакова Е. А. Сравнительный анализ русских образов Кавказа и кавказских образов России первой половины XIX века [электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 80–87. // URL: www.gramota.net/editions/3.html (дата обращения: 14.01.2015)
6. Захаров В.А. Статьи о М.Ю.Лермонтове. М.: Центриздат, 2014. С. 12–14.
7. Казакова Е.А. Указ. соч. С. 87.
8. Захаров В.А. Указ. соч. С. 12.
9. Архиреев М.В. Кавказская война в русской литературе 1820–1830-х годов [электронный ресурс] // URL: <http://cheloveknauka.com/kavkazskaya-voyna-v-russkoj-literature-1820-1830-h-godov#ixzz3fBQDEUsM> (дата обращения: 14.01.2015)
10. Виноградов А.В. Лермонтовская Кубань (историко-литературоведческие этюды). Армавир, 1997. С.52.

II.

Вопросы историко-регионоведческой проблематики

Н.Н. ГАРУНОВА

(г. Махачкала)

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСЕТИНСКОЙ ДУХОВНОЙ КОМИССИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ (середина XVIII – первая половина XIX в.)

По мнению российских властей, христианство, обладая огромным гуманистическим потенциалом, и одновременно призыва к смирению, было способно «умиротворить» беспокойный Кавказский край, стать основой для органичного включения местных народов в состав империи. Все это объясняет большую активность российских властей на местах в вопросах миссионерской практики, что являлось немаловажным звеном кавказской политики России. Первоначально деятельность православных миссионеров распространялась на регион из Астраханской епархии. Однако отдаленность ее не позволяла эффективно вести проповеди среди жителей Кавказа.

Кизляр со дня своего основания был призван стать и религиозным центром России на Кавказе, продолжая традиции Терки. Первые шаги в отношении Осетии, Кабарды, Чечни, Ингушетии и Дагестана русское православие предприняло в 1742 году. Грузинский архиепископ

Иосиф и архимандрит московского Знаменского монастыря Николай обратились к императрице Елизавете Петровне с челобитной, в которой указывали, что они «усмотрели близ державы вашего императорского величия низового города, называемого Кизляра, в недалеком расстоянии, на рубеже Кизляре, затемненным святым крещением не просвещенный народ, зовомый осетинцами...» [1]. Одобряя цели русского правительства на Северном Кавказе, авторы челобитной всячески стремились представить этот край как важный, суливший большие выгоды район. Первоочередной мерой, которая способствовала бы распространению русского влияния в этом регионе Иосиф и Николай, считали развертывание миссионерской деятельности.

Получив необходимые сведения, Сенат в ноябре 1744 г. решил создать особую комиссию в составе 21 духовного лица. В задачи комиссии входило: распространение христианства, склонение горского населения к союзу с Россией и при благоприятных условиях, приведение в русское подданство. 17 декабря 1744 г. Синод еще раз предупредил, чтобы члены комиссии соблюдали секретность, не брали с собой о порученной им миссии письменных инструкций. Русское правительство опасалось, что данные мероприятия вызовут обострение отношений со стороны Турции и Ирана. В то время Осетия, по Белградскому договору России с Турцией, считалась зависимой от Кабарды, а прикаспийские земли — от Ирана. Посылка же православной миссии из грузинских духовных лиц, из свиты бежавшего в Россию от персидских полчищ царя Вахтанга, позволяли царскому правительству обойти эти стеснительные условия. Насколько русские правительственные учреждения проявляли осторожность, свидетельствует и то, что Синод отказался выдать членам комиссии богослужебные книги на русском языке. На вопрос же, как им духовным лицам, «в проповеди поступать», Синод пояснил: «о том преподать им словесное довольное наставление». С этой же целью члены комиссии должны были пройти специальную подготовку при Московской синодальной конторе. Связь предполагалось осуществлять через кизлярского коменданта. В феврале 1745 г. духовные лица выехали из Санкт — Петербурга.

Распространением христианства вместе с Осетинской духовной комиссией специально занимался Кизлярский Крестовоздвиженский мужской монастырь. Точной даты об открытии монастыря нет, но в «Сборнике сведений о Терской области» есть запись: «...в 1738 год в Кизляре Крестовоздвиженский монастырь, при котором 1748 году учреждена Осетинская комиссия для просвещения горских народов» [2]. По сведениям Кавказского календаря за 1847–1848 гг. монастырь основан раньше — в 1736 году, т. е. практически вместе с крепостью под защитой ее медных и чугунных пушек [3]. Этой же даты придерживается и краевед

Д.С. Васильев [4]. В «Очерках истории Астраханской епархии за 400 лет ее существования» записано: «с построением крепости Кизляре возник там, около 1740 года мужской Крестовоздвиженский монастырь старанием грузинского архимандрита Даниила, который долгое время был в нем бессменным настоятелем» [5]. Незначительное расхождение в датировках позволяет предположить, что монастырь был основан в конце 1739 – начале 1740 г., поскольку эти данные исходят от самой епархии.

Монастырь и Осетинская духовная комиссия имели свое подворье в Кизляре. По словам П.Г. Буткова, «с 1746 по 1764 г. из Осетинской комиссии показывали 2085 обоего пола, обращенных в православие. Но астраханский преосвященный тогда же доносил, что за нерадение тех духовных лиц и за неисправлением служб, едва ли сей новопросвещенный народ имеет какой понятие о христианском законе» [6]. Проповедь христианства среди горцев «худой успех имела от грузин духовных». Последнее «обращающиеся удостаивали Святым Крещением с чрезвычайной поспешностью, и чтобы склонить их к принятию сего таинства, употреблялись средства более мирские, нежели духовные, между тем, входили часто в разбирательство мирских дел, делали друг на друга доносы; а тем самым не исполняли в точности возложенного на них звания» [7].

Желая завоевать симпатии горцев и повысить у них интерес к принятию христианства, всем перешедшим в новую веру выдавали подарки и предоставляли разные льготы. Уезжавшие из Кизляра на свою родину крещенные знатные люди получали по 20 рублей, а простой люд — кормовые деньги и материю (холст) на платье. Кроме того, с привозимых этими лицами в Кизляр и Моздок товаров не взималась пошлина. Горцам, которые после принятия христианства перешли в русское подданство и поселились близ русских городов на Тереке, по указу Сената от 1762 года давалось единовременное пособие из кизлярских доходов: узденям по 109 рублей, простым горцам по 5 рублей, а женщинам сверх того зеркальце и ножницы [8]. Желание получить эти подарки было столь велико, что некоторые крестились по нескольку раз, меняя для этого имя и местожительство. Однако деятельность нельзя признать успешной, так как горцы неохотно принимали христианство. Но все же, если верить документам, Кизлярский монастырь в течении первых 30 лет своего существования обратил в христианство около двух тысяч горцев. Свидетельством этого служит тот факт, что в XVIII–XIX веках в Кизляре существовал отдельный квартал Новокрещенов — Кристи-аул (христианская деревня), заселенная разными кавказскими народами принявшими христианскую веру [9].

В 1785 г. было учреждено Кавказское наместничество, а вновь освоенная Кордонная линия проходила сплошной цепью военных укреплений от Терека до устья Дона. В 1793 году учреждается Моздоко-Мад-

жарская викарная епархия и ликвидируется просуществовавшая почти полвека Осетинская Духовная комиссия.

Несмотря на ряд крупных недочетов в ее миссионерской деятельности, современная историческая наука дает высокую оценку трудам этой комиссии [10]. Положительным моментом в деятельности кизлярского монастыря и Осетинской духовной комиссии было то, что они способствовали распространению среди горских народов русской культуры и содействовали освобождению из плена (выкупу) христиан из турецкого, крымского, иранского и горского плена [11]. При Кизлярском монастыре, а также при Осетинской духовной комиссии действовали школы в которых обучались грамоте началам христианской религии дети горцев. Это была первая русская школа для детей кавказских народностей. Еще в 1751 году возглавлявший Осетинскую духовную комиссию архиепископ Пахомий обратился к императрице Елизавете Петровне с предложением открыть в Осетии духовные школы. Эта инициатива нашла поддержку со стороны Синода. Подчинялась эта школа кизлярскому коменданту. В числе настоятелей Кизлярского монастыря в сане архимандрита в 70–80 годах XVIII века состоял Порфирий (в миру Павел Багратион — родной дядя знаменитого военачальника П.И. Багратиона) [12].

Существует мнение, что деятельность комиссии нельзя признать особо успешной, так как горцы неохотно принимали христианство, видя в этом покушение на их свободу. Были и другие причины, достаточно «скромных» успехов этой акции. Выполнение этой нелегкой миссии проповедовать христианство на Северном Кавказе легло на плечи грузинского духовенства, которое допускало серьезные просчеты в этом вопросе. Стремясь представить свою работу в выгодном свете, проповедники привлекали в лоно христианской церкви новообращенных с помощью примитивного подкупа, раздавая пожелавшим креститься куски материи и тому подобные незамысловатые подарки. Неудивительно, что, как мы уже отмечали выше, что многие «новокрещены» по несколько раз проходили этот обряд. В свое время против подобной практики высказывалась Екатерина II в своем рескрипте на имя астраханского губернатора Якоби, повелев, чтобы протопоп Осетинской комиссии «не считал исполненным звание и долг свой в торопливом сподоблении крещения, а старался бы внушить им и силу христианского учения и руководствоваться ко всякому благонравию, через чего и крещение, диким людям преподаваемое, едва ли не может быть названо злоупотреблением одного из величайших таинств веры христианской» [13].

Желая завоевать симпатии горцев и «приохотить» их к принятию христианства, кизлярская администрация выдавала всем перешедшим в православие подарки и предоставляла всякие льготы: уез-

жающим из Кизляра на родину давали деньги, с привозимых этими людьми товаров не брали пошлины, горцам, принявшим христианство и перешедшим в русское подданство (по указу сената от 1762 г., выдавалось единовременное пособие).

При монастыре существовала школа на русском языке. Непосредственно руководил ею начальник Осетинской духовной комиссий. Среди предметов, преподававшихся в школе, были грамота, пение, псалтирь, священная история. Сначала обучение велось на осетинском языке, затем, по мере того, как учащиеся овладевали русской речью, им начинали преподавать и на русском. Но при этом всячески подчеркивалась недопустимость того, чтобы дети изучали русский в ущерб родному языку.

Формирование Российского многонационального государства явилось длительным, противоречивым процессом, в основе которого была тенденция к равноправному историческому партнерству различных народов.

Наряду с другими факторами становление единого культурного поля обеспечивало целостность и незыблемость государства, способствовало возникновению единых ментальных установок для людей, относящихся к разным народам, но при этом проживающих в одном отечестве.

Распространение светского образования, усилия властей по просвещению местных народов благоприятно сказывались на ситуации в регионе. Шло формирование северокавказской интеллигенции, для которой край был Малой Родиной, и ее специфику они осознавали гораздо лучше чиновников, приехавших сюда из других мест. При этом лучшие из них обладали достаточно широким кругозором и являлись носителями общегосударственных идей, стремясь донести их до автономного населения.

Религиозный фактор играл важную роль в кавказской политике России, направленной на органичное обустройство новой южной окраины государства. С помощью миссионерской, миротворческой по своей сути, деятельности, власти пытались решить непростую для себя кавказскую проблему. Используя созидательный потенциал, содержащийся как в христианстве, так и в исламе, российская государственность создавала прочный фундамент для будущего Северного Кавказа в составе страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Муртазалиев С.И., Данилюк М.Ю. Православие в Кизляре: прошлое и настоящее // Кизляр в Кавказской политике России: история и современность. Сб. статей и докладов научно-практической конференции университетов Юга России, посвященной 270-летию города Кизляра. 22–25 сентября 2005 г. Кизляр, 2005. С. 134.

2. Сборник сведений о Терской области. Владикавказ. 1878. С. 67.
3. Кавказский календарь на 1848 г. Тифлис, 1847. С. 45.
4. Васильев Д. С. Очерки истории Низовий Терека. Махачкала, 1989. С. 92.
5. Очерки истории Астраханской епархии за 400 лет ее существования. В 2-х т. Т. 1. Очерки истории Астраханской епархии с 1602 по 1902 гг. Ростов н/Д., 2002. С. 203–254.
6. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1.
7. История Грузинской иерархии с присовокуплением обращения в христианство осетин и других горских народов по 1-е января 1825 г. М., 1853. С. 56–66.
8. См. подробно: Васильев Д. С. Указ. соч. С. 93.
9. Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912. Вып. 5. С. 41.
10. См.: Тотоева М.С. История зарождения Осетинской письменности в XVIII веке // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1957. Т. ХІХ. С. 135.
11. Гарунова Н.Н. Кизляр в 18 – 1-й половине 19 в.: проблемы политического, экономического и культурного развития. Махачкала, 1999. С. 45.
12. Тотоев М.С. Указ. соч. С. 146.
13. Государственный архив Астраханской области (ГАО). Ф. 599. Оп. 2. Д. 706. Л.3.

Н.М. ЕРЕМИН, О.Н. ШЕВЧЕНКО

(г. Губкин)

СВЕДЕНИЯ О ДЕЛАХ (ДОКУМЕНТАХ) АРХИВА, КОТОРОГО НЕТ

На запрос в Сети — Интернет об архиве Чеченской республики наши ответ, что на сегодняшний день «такого архива нет. Богатейший архив Северного Кавказа был уничтожен во время войны» [1].

В нашем личном архиве есть сведения-записи дел из Центрального государственного архива Чечено-Ингушской АССР, которые были сделаны в период с 13 февраля по 13 апреля 1990 года. Часть из них была опубликована в изданной брошюре «По Указу Петра» [2, с. 15–18] и других наших научных работах. Однако для истории представляют интерес малейшие крупинки сохранившихся сведений о прошлом. Поэтому в данной статье без правок приводим тексты сделанных выписок из упоминаемого архива с указанием фондов, описей, дел, единиц хранения и листов (страниц). В этих документах хранились сведения о левобережных терских станицах с конца XVIII в. до 1920 года. Ниже приводим сделанные записи.

«Материалы об межевании земель казачьего войска Кизлярского уезда. 12 сентября – 12 ноября 1816 года» Фонд 230. Оп. 1. Ед. хр. 13. 36 листов.

«Материалы об межевании земель Гребенского казачьего войска 15–24 июня 1827 года» содержали ордера, клятвенные обещания, полевые журналы хранились в Фонде 230. Оп. 1. Ед. хр. 37. 40 листов.

ЛИСТ 2. где в числе нанятых людей для межевания земель названы: «...селения Шелкозаводского крестьянин генерал-майорши Хастатовой Павел Чалов, Григорий Умыренков, Кирилл Чеснов, Федор Емельянов, селения Парбучева дворян Калустовых крестьянин Петр Сорокоумов, терского же Семейного войска Каргалинской станицы отставной казак Трофим Коломенский,... священник селения Шелкозаводского Гавриил Егоров».

На ЛИСТЕ 3 упоминается землемер Краснопольский. Идет описание межевое земель грузинской слободы, упоминается церковь, озеро, степь, дороги.

На ЛИСТАХ 5–6 есть сведения о слободке Новосолдатской на бывшем месте станицы Щедринской, переселившейся на новое место. Атаман станицы Абрамов.

ЛИСТ 10 содержал «Ордер помощнику коллежскому секретарю Краснопольскому» и далее следовало полное описание селения Шелкозаводского «По дачам 1-го селения Шелкозаводского владений грузин и армян и 2-й генерал-майорши Хастатовой...», которое «произвел 19 июня 1827 года старший землемер 8-го класса и кавалер Федоров».

С ЛИСТА 11 записано «...направо (по течению реки. — *Авт.*) река Терек, а налево дворы Генеральши Хастатовой и жителей селения Шелкозаводского...», «...ограда армянской церкви, неподалеку и грузинская церковь».

На ЛИСТЕ 12 нами было отмечено в описании «... сады и слободка заселенная крестьянами Генеральши Хастатовой... строения водочного завода ее же Хастатовой». Далее шло упоминание садов виноградных, тутовых, фруктовых от которых «налево кладбище, далее дорога из Шелкозаводского в Новогладковскую». Это старинное кладбище сохранилось и ныне, поэтому может быть ориентиром для изыскательных работ. Дешифровка надписей на каменных надгробиях сделано нами с участием Г.М. Григоряна в конце 80-х годов XX века [2, с. 20–21].

«...Ветряная мельница госпожи Хастатовой» (л. 13) стоит по дороге «...из бывшей крепости Ивановской (упразднена в 1825 году. — *Авт.*). Повествует запись на листе 14, «...от одного места влево до кладбища, где крестьянские сады означенной г. Хастатовой, виноградные и фруктовые сады жителей селения Шелкозаводского и крестьян генеральши Хастатовой и неподалеку слободка в две улицы крестьян Хастатовых». Далее шло описание местности от Терека до степи, упоминался лес строевой и дровяной, удобные и неудобные для хлебопашества земли.

ЛИСТ 16 указывал, что есть «...канавы из реки Терек в озеро Албек... где она впадает в озеро». По топографическому сопоставлению

это современное озеро в нынешней станице Шелковской. В XX веке сохранялась и использовалась для полива огородов и данная канава.

Следующие заметки касались сведений о хуторе Парабоч. С ЛИСТА 21 выписано: «1827 года июня 25 дня измерение дачи помещика Калустова в селении Парбучева». На обороте ЛИСТА 22 упоминаются «... господский дом,.. сады помещика Калустова и строения разного звания». На листе 24 отмечено, что неподалеку от кладбища есть «армянский молитвенный дом». В 1989 году 90-летний коренной житель хутора Паробоч Амиров уверенно показывал упомянутые места.

С ЛИСТА 28 шла «Выборка общему и подробному начислению делам 1-й части Гребенского войска селения Шелкозаводского, генерал-майорши Хастатовой и селения Парабочевского помещиков Калустовых...». Нами были отмечены площади земельных участков «под бывшей крепостью 60 x 60 = 3600 сажень» — ЛИСТ 33. История крепости описана нами и опубликована в ряде изданий [3]. На листе 40 наше внимание привлекли сведения о станице Щедринской и «вновь поселенной слободке Новосолдатской».

Приведенные выше данные в сопоставлении с другими документами позволяют достоверно называть места жительства и хозяйственную деятельность «авангардных» помещиков Левого фланга Кавказской линии [4].

Дополняет описание событий того времени фонд 115, опись 1, ед. хр. 41, где собраны бумаги «Щедринского станичного правления Кизлярского отдела Терской области за 1847–1907 гг.».

Дело 4 — «Предписание войскового правления о расследовании появившейся в станице новой секты поморцев. Именные списки лиц, принадлежащих к этой секте. Начато 1864 года 7 апреля. Окончено 1871 год сентябрь». На 106 листах содержались перипетии духовной жизни гребенского казачества. Данный вопрос изучала и опубликовала содержательные работы доктор исторических наук профессор АГПУ Н.Н. Великая [5], поэтому приведем только две выписки. Сторонники секты «... не приемлющие священства, отказываются от молитвенного дома. Сказывается влияние казаков станицы Калиновской. ...поморцы (женщины) арестованы, посажены на гауптвахту во Владикавказ, им запрещено свидание с одностаничниками». Лист 88.

Опасность сектантов-поморцев была в их заявлении, «...что они не веруют в Животворящий Крест, не признают над собой никаких властей, а потому не будут повиноваться начальству». ЛИСТ 94.

Представляет интерес дело 5 этого же 115 фонда «Предписание... об укреплении берегов реки Терек» за 1865–1886 гг. на 253 листах, где содержатся распоряжения и указания хозяйственного плана, но пре-

жде всего упоминаются конкретные люди. Нас интересовали фамилии помещиков Калустова и Хастатова. Так на ЛИСТАХ 32, 37 и 39 записано имя «Владельца деревни Парубоч Титулярного Советника Гавриила Павловича Калустова». ЛИСТ 88 содержал объяснение Калустова по поводу канавы, где «живут малороссияне и казанские татары», разбирающие самовольно воду для полива. На листе 99 Калустов жаловался на казаков, которые проводили с Терека канаву, которая «...подошла даже на несколько сажень к моей новой кирпичной усадьбе». ЛИСТ 110 оборот. 1866 год. Это письмо заканчивалось витиеватой росписью Калустова.

ЛИСТ 133 содержал заявление Калустова, написанное в Правлении Шелковской 27 апреля 1871 года.

На ЛИСТЕ 249 в атаманском распоряжении от 13 марта 1886 года отмечен новый владелец имения в Шелковской: «... всем частным владельцам, имеющим владения на речной полосе за исключением владельцев отставного подполковника Тита Синюхаева и имения Калустова и ШАН-ГИРЕЯ (Родственник Хастатова А.А. — *Авт.*), ...которым уже дали повестки». Все вышеперечисленные документы были связаны с родственниками поэта М.Ю. Лермонтова — «авангардными помещиками» Хастатовыми.

В деле 7 фонда 115 обозначенного как «Предписания Терского областного Правления, окружного начальника и полицейского управления об устройстве Щедринского водопровода» нами отмечено, что с 1864 года производителем работ Щедринского канала был есаул Вербицкий. В его распоряжение направлялись «3-я и 4-я роты 10-го Кавказского линейного батальона из укрепления Буртупей (скорее всего — Буртунай в Дагестане. — *Ред.*). В 3-ей роте 1 обер-офицер, 3 музыканта, 15 унтер-офицеров и 112 рядовых. В 4-ой роте 2 обер-офицера, 3 музыканта, 15 унтер-офицеров, 110 рядовых». ЛИСТ 27.

Конечно, к этим нелегким работам привлекалось и казачье население. Вот почему даже в конце XX века этот действующий канал назывался «Неволькой»!

Фонд 94, опись 1 был обозначен как «Дела Шелковского станичного правления с 1849 года 27 июля по 6 сентября 1858 года». С 4 ЛИСТА начинался «Именной список переселенцев станицы Шелковской, кои должны уплатить деньги за оружие».

«Денис Половинка
Андрей Смицкий
Семен Нестеренко
Моисей Гунтовой
Нестор Еремеев

Павел Коломащ
Влас Погребников
Григорий Бульба
Григорий Калмыков
Ферапон Колесников

Федот Мирошников	Василий Небывайлов
Иван Смицкий	Иван Шахранов
Самуила Мазваев	Харитон Буряк
Фелимон Суховеев	Павлик Соколов
Семен Шаповалов	Павлик Винограцкий
Сидор Семидоцкий	Степан Рядченко
Матвей Гутнев	Афиноген Калинин
Иван Суховеев	Саввей Величковский
Ефим Замир	Степа Толстый
Дорофей Смецкий	Иван Безымянный
Трофим Халашевский	Григорий Гурганов
Игнат Куринов	Трофим Павленко
Мартын Колесников	Никита Коровин
Савелий Лучининов	Ефим Труфанов
Ефим Труфанов	Сидор Овчаров
Терентий Пшеничный	Иван Бровка
Петр Ильгов	Лазарь Купеев
Андрей Еремиев	Лука Филимоненко
Иван Московской	Тихон Соломин
Данила Ляшев	Григорий Косый
Максим Лихонодов	Василий Бандура
Ефим Тарухата».	

Переселенные из центральной России на Кавказ русские и малороссы, что видно по написанию фамилий, пополнили ряды терского казачества.

Приводим этот перечень в полном объеме, так как считаем его важным документом для тех шелковчан, которые пожелают узнать свою родословную. Также подтверждаем, что в начале 90-х годов практически все вышеприводимые фамилии были представлены среди жителей станицы Шелковской.

Далее нами были выписано содержание следующих документов (орфография сохраняется): «Начальнику Шелкозаводской станицы господину хорунжему Рябову. Желая предупредить тех переселенцев, которым отпущено из казны ружья с штыками и новое оружие как-то: ружья, пашки с кинжалами, доставленные из города Тулы, чтобы от них, строгого ответственностью не смели никому продавать оное, я представляю Вашему благородию с получения сего строгого приказать переселенцам станицы Шелкозаводской отнюдь не сметь продавать оружие и о том, что если кто у них таковое купит, тот будет лишен денег и будет отобрано купленное оружие и по прежнему возвращено по при-

надлежности, но с виноватого как и с продавшего оное так и с покупателя будет строго взыскано.

Командир (Гребенского. — *Авт.*) полка,

Подполковник подпись

№ 5390 9 июля 1849 года станица Червленная». ЛИСТ 7.

На ЛИСТЕ 9 содержался «Список переселенцев старшим членам семейств Шелковской станицы Гребенского казачьего полка, имеющих получить оружие». Возраст определялся от 19 до 45 лет. На Листе 13 указывалось, что «привезено 12 ружей, 12 шашек, 12 кинжалов» 6 апреля 1850 года.

ЛИСТ 14 указывал «Именной список переселенцам станицы Шелковской Гребенского казачьего полка, которые не получили оружие». Среди них Карней Безымянный, Григорий Винограцкий, Ефим Эришев, Кондрат Лихонабов, Иван Суховоев, Павлик Соколов, Иван Труханов, Архип Гутной, (зачеркнута фамилия Трофима Халашевского), Евграф Шадруганов, Семен Шаповалов».

На ЛИСТАХ 17–25 сообщалось о повинностях переселенцев (несли охрану станицы на кордонах) и суммах денег, внесенных в полковую казну Дмитрием Гергиевым.

Важным было письмо (ЛИСТ 27–28) Терского атамана Круковского по поводу жалобы переселенцев на невыдачу денег и ответ Начальника станицы Шелкозаводской (Шелковской) хорунжего Дмитриева.

На ЛИСТ 32 было распоряжение полкового командира «... продолжить льготу от службы, кроме защиты станицы и общественных отбывок, т. е. не зачислять в полк». Май 1852 года.

ЛИСТ 42 указывал на еще одного Начальника станицы хорунжего Губернаторова.

Фамилии Гергиевых, Губернаторовых, Дмитриевых, Борисовых, Кариных, Отиновых, Музуровых, Петровых происходили от грузин, жителей Шелкозаводского селения, ставшими казаками по указу 1832 года.

С 1854 года все переселенцы, «...непривыкшие к военным и обстоятельствам», должны были готовы служить в полку.

Такие данные о жизни терской станицы сохранены и должны служить исторической правде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Как спасали архив Чеченской республики // <http://cenador.livejournal.com/186716.html> (дата обращения 5.01.2015)

2. Еремин Н.М. По указу Петра. Шелковская: изд-во Чечено-Ингуш. отд-ние ВООПИК, 1990. 32 с.
3. Еремин Н.М. Строительство российской крепости Шелкозаводской в системе кавказской укрепленной линии в конце XVIII-начале XIX веков // Ученые записки Курского государственного университета. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — Курск, 2011. <http://www.scientific-notes.ru/pdf/022-007.pdf>.
4. Еремин Н.М. Гребенской участок Кавказской линии в конце XVIII–XIX вв. Белгород: изд-во «Константа», 2014. 176 с.
5. Великая Н.Н. Казаки восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д.: изд-во Росс. акад. образования, 2001. 278 с.

Н.М. ЕРЕМИН

(г. Губкин)

КАЗАКИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Минувшим летом 2015 г., проведывая свою родню, я пересек Донскую землю от города Шахты через станицу Обливскую до берегов Волги, где впервые в заливе увидел цветение лотоса. Цветы растения были нежно розовые. Невольно вспомнилась памятная аллея бюстов «белых» героев Тихого Дона в кадетском казачьем корпусе имени Атамана Бакланова в городе шахтеров. И ведь были прославленные «красные» казаки, о которых нынче не очень-то пишут. Но они и «белые», и «красные» остались в истории все казаками. И у тех и других практически была одна цель — защита своего народа. Но понимали противники каждый по своему народную мечту о воле, а кровь проливали народную алую...

«Красные» казаки Подтелков и Кочубей были повешены, «белые» казаки в баржах утоплены в Черном море.

Приведу несколько малоизвестных страниц того времени.

В моем архиве есть документ, датированный октябрём 1986 года, который привожу впервые. «Свидетельство. Настоящее свидетельство составлено в присутствии руководителя историко-краеведческого кружка Еремина Н.М. и кружковцев Мамцовой Л.Г, Понамаревой Н.Ф, Коваленко И.В., Табацкова С., Ходарева С., Бойко С., Давлетова О., о том, что Каменчук Евдокия Яковлевна 1905 года рождения, проживающая в станице Шелковской по улице Кооперативной, дом 27; Отинова Елена Васильевна 1900 года рождения, проживающая в станице Шелковской по улице Комсомольской, дом 16; Дмитриев Ефим Степанович 1909 года рождения, проживающий в станице Шелковской по улице Партизанской, дом 20 являются очевидцами и свидетелями того, что в период Гражданской войны в ноябре 1918 — феврале 1919 года

в бывшем атаманском правлении станицы Шелковской Терской области (ныне там располагается Шелковской райОНО) был станичный революционный комитет, председателем которого был казак Лучининов Прокофий Савельевич. Во время вступления деникинских войск в феврале 1919 года в станицу Лучининов был убит белобандитами, как сторонник Советской власти».

В ту же ночь были убиты казак Шаповалов и солдат Косов. Их именами назвали впоследствии две улицы в станице, а вот Лучининов, как бывший царский офицер и участник Империалистической войны, воевавший то на стороне «белых», то «красных», такой чести не удостоился.... В архиве города Грозного мною в 1990 году было скопировано удостоверение Шелковского станичного правления от 21 июля 1918 года № 975 такого содержания: «Круг казаков ст. Шелковской находящихся в отряде Кизлярской линии уполномочил своих делегатов *Прокофия Лучининова* (курсив наш. — Авт.), Филиппа Москового, Илью Авчарова и Ивана Горлова для исходатайствования от общества сел. Шелкозаводской для Шелковской сотни одного пулемета» [1]. Документ подписали комиссар станицы Шелковской М. Соколов и секретарь Петров. Пулемет нужен был для борьбы против «красных»!

В станице Шелковской есть братское кладбище, где упокоились сотни безымянных жертв Гражданской войны.

Казачка Анна Волошина рассказывала мне, что кровь ручьем текла через порог станичной школы, потому что больных тифом и раненых красноармейцев через окно расстреливали белые, а потом крючьями вытащили из помещения и закопали на окраине Шелковской.

В восьмидесятые годы XX века при участии гребенского казака станицы Курдюковской Василия Лобова мне удалось записать воспоминания современников о «красном» комбриге казаке Иване Антоновиче Кочубее.

Родился Иван Кочубей в 1893 году на хуторе Роца Кубанской области. Во время первой Мировой войны проявил храбрость и удаль. Был награжден двумя Георгиевскими крестами. Когда его бывший командир есаул Андрей Шкуро создал отряд сторонников «белого движения», Иван Кочубей собирает «красных» партизан. Во главе этого соединения весной 1918 года освобождает от белых станицу Невинномысскую. За проявленную личную храбрость во время этой смелой и дерзкой операции Кочубей был произведен в комбриги. Боевая слава кочубеевцев широко разнеслась по всему Южному фронту и не было у них ни одного проигранного сражения.

Январь 1919 года. 11-я Красная армия отступала в направлении Астрахани через Моздок, Червленную и Кизляр. Терские станицы встре-

чали и провожали уходящих «красных» молчаливо. Не видели терцы досель такого людского потока, которому, казалось, не будет конца. Уходили с войсками беженцы городов и станиц Кубани и Терека, Тамани и Ставрополя.

13 января «белые» начали активное наступление по всему фронту. На бригаду Ивана Кочубея, прикрывавшую отход армии, были брошены лучшие полки белогвардейцев. Кочубеевцы с беспримерным мужеством отбивали атаки, контратакуя врага. Кочубей своим личным примером вдохновлял бойцов, появляясь на самых опасных участках обороны. Под Георгиевском разгромили офицерскую дивизию, приостановив наступление врага и дали возможность XI Красной армии продолжить отход на Кизляр. В районе станицы Мекенской был окружен Ленинский полк, пришедший на помощь из Астрахани. Благодаря своевременной помощи кочубеевцев полк вышел из окружения и после короткого и яростного боя противник был отброшен к поселку Алпатово.

О событиях того времени свидетельствует казачка станицы Курдюковской Евдокия Деонисиевна Кабылина. «Шел январь 1919 года. Зима еще была не холодная, малоснежная, какая часто бывает в наших местах.

Перед обедом выхожу по воду до колодца, а по улице скачет станичный сорвиголова Сидорка Кадасков и орет: «Красные идут, встречай Дуняша!» А у самого улыбка от радости до ушей. И уже издали прокричал: «Кочубей идет!». Набрала я воды и побыстрей иду домой, а навстречу верховые в бурках, кубанках под башлыками. Проскакали в центр станицы, а за ними обоз. Стою и смотрю из-за плетня. И страшно мне и любопытно, девчонкой еще была. Хотелось взглянуть на Кочубея, какой он. Ведь рассказывали о нем разное.

Тут подъехала к нашему двору тачанка. Распрягли коней, начали поить, сено давать. Послышалась перебранка. Испугалась я, бросилась в дом. Ну, думаю, может и эти грабить будут, как «кадеты» да «зеленые». И давай свой сундучок с приданным в угол потемней заталкивать. А тут вошли в дом двое. Один, что помоложе, с маузером в руках, у другого шашка на поясе. «Что прячешь?» — спрашивают. Обмерла я, но кричу: «Не дам, это мамка мне в приданное собрала!» Куда у меня страх делся! Заулыбались казаки, оружие спрятали и говорят мне: «Ну, вот что, девка, собери что поесть, да отнеси раненым в обоз». Я было реветь после их ухода собралась, да потом подумала: кто знает, может, вот так, мои братья где-нибудь маются. Один из них был у красных партизан, а о другом весточки уже много лет не было.

Отдала еду и иду назад в дом, а тот молодой казак, что с маузером был, сидит на подножке тачанки, опершись на шашку. Увидел ме-

ня и говорит: «Ну, что, дивчина спужалась? Не бойся, время сейчас такое. Скоро вот возвратимся, тогда и пугаться будет некого» А сам будто не со мной говорит, а куда-то вдаль смотрит. Тут его окликнули: «Батько, иди обедать». Подивилась я, парень-то молодой, а его батькой кличут. После обеда кавалеристы ушли, а мне сказали, что этот «батько» и был Иван Кочубей. Вот так свела меня судьба с знаменитым комбригом. Слышала я, что у Черного Рынка за Кизляром пленили его и склоняли к службе у белых. Не согласился он на уговоры. Отвечал так своим супротивникам: «У меня душа прямая. Знал, за что воевал, знаю за что умру. Смерти не страшусь. Встретил бы вас в бою — то посек бы не глядя!» Казнили белые Ивана Кочубея».

Потом о Кочубее в пятидесятые годы фильм у нас на Тереке снимали. Через Терек у станицы Червленной бой устраивали, в бурунах из казаков наших цепи ставили. Мой ученик, Российский подполковник Георгий Мазуров, чей дед был казачьим полковником 2-го Кизлярско-Гребенского полка в Великой войне, затаив дыхание смотрел советский фильм «Кочубей», где в эпизоде был заснят его отец.

И в станицах на Тереке Курдюковской и Каргалинской, Дубовской и Бороздиновской, Старощедринской и Старогладковской, Червленной и Николаевской стояли памятники «красным» казакам [2].

При въезде в современный областной город Белгород с северной стороны поставлен ныне православный крест на братской могиле «белых» казаков-деникинцев.

Нет победителей в Гражданской войне!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГА ЧИАССР. Ф. 65. Оп. 1. Л. 176.
2. Еремин Н.М. По указу Петра. Шелковская: изд-во Чечено-Ингуш. отд-ние ВООПИК, 1990. 32 с.

II. Критика и библиография

Н.Н. ГАРУНОВА

(г. Махачкала)

«МЫСЛИ ВСЛУХ...»

К обсуждению монографии В.А. Матвеева «Российская идентичность мусульман Северного Кавказа: исторические особенности формирования и проявления в кризисных условиях на рубеже XIX – начала XX в.» — Ростов н/Д., 2015. 158 с.

Тема, выбранная для исследования очень интересна, многогранна, и на сегодняшний день очень обсуждаема. Следует определить, что мы сегодня принимаем под многочисленными понятиями идентичности. Идентичность — сложный, многоуровневый и многосоставной феномен, результат формирования человеческого общества и человеческих отношений. П.Я. Чаадаев, основоположник российских идентификационных исследований писал, «народы ...не могут ни на шаг продвигнуться по пути прогресса без глубокого чувства своей индивидуальности, без сознания того, что они такое...», и еще он же указывал «мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, у нас нет традиций ни того, ни другого...». Одной из причин отставания он видел географический фактор (размер страны, величина расстояний). Хотя геополитическая логика самого протяженного государства определяла возможную геоэкономическую ренту (сверхприбыль) от использования огромного транспортно-коммуникационного ресурса на рубежах евразийских цивилизаций, вовлечение народов, проживающих на окраинах империи создавало сложности по их адаптации.

Наиболее удачны на наш взгляд выводы автора о том, что при вхождении в состав Российской империи различные иноэтнические сообщества нередко возлагали надежды не только на охрану интересов «прочным государственным порядком», но и на «религиозную свободу». Мусульманство наряду с другими конфессиями имело равноправный статус и на Северном Кавказе, а исповедовавшее его население признавалось официально верноподданным или субъектом «единого отечества». Проводившаяся политика на ее окраинах в отношении иных конфессий отличалась от зарубежных практик. Это был выбор из двух зол — меньшее. В отличие от других стран, Россия не несла религиозный гнет, не было давления со стороны государства. Об этом хорошо говорит Б.Н. Миронов «религиозная и языковая ассимиляция, а

также долгое время административно-правовая интеграция не входили в ее цели, «господствующий» народ не поглощал побежденных».

Крымско-татарский просветитель И. Гаспринский отмечал, что русские мусульмане по законам отечества пользуются равными правами с коренными русскими и даже в некоторых случаях, во уважение их общественного и религиозного быта, имеют кое-какие преимущества и льготы. Принцип религиозной свободы, таким образом, охранялся государством и предполагал неукоснительное соблюдение.

Сегодня принято называть мир «глобальной деревней», где люди различных цивилизаций ежедневно и ежечасно сталкиваются с продуктами другой ойкумены: техникой, культурой и с ее носителями. Если ранее с «другим» сталкивались только специально предназначенные для этого отдельные люди: руководители общин, послы, торговцы, завоеватели, миссионеры, то сегодня тяжесть взаимодействия распределяется куда шире. Такое постоянное сосуществование лицом к лицу с другими мирами, и вызывало ксенофобию, как естественную защитную реакцию.

В любой реакции присутствует обида и нежелание числиться в «отстающих», ощущение угрозы своей культурной самобытности и попытки взять реванш и отвоевать прежнее господствующее положение в мире. Цивилизационные скрепы России на протяжении всей истории — это совместные военные подвиги, потери и взаимопомощь в войнах и конфликтах, общие усилия по организации мирной жизни.

Объяснение отсутствию в России «озлобления против ислама» некоторые авторы видели в существовавшем в империи Чингисхана цивилизационном компромиссе. В период Кавказской войны не было антикавказских настроений. Во-первых потому, что самих кавказцев не было так много в России, во-вторых п.ч. национализм свойственен убогим и обездоленным людям, а на Кавказе проходили службу офицеры, которые такими не являлись.

Интересен, рассматриваемый В.А. Матвеевым в главе «Конфессиональные особенности окраины», вопрос о «Процессах исламизации».

В свое время С. В. Картунов задавался вопросом «могла ли Российская империя иметь национальные интересы»? Россия исторически складывалась как политический, хозяйственный и административный союз земель, этносов, культур, скрепляемый общегосударственными ценностями и интересами. Принятые в лоно России, они должны были быть не соперниками, а сотрудниками в деле исполнения ее предназначения, каналами духовной связи со всем миром. Никаких специальных «славянских», а тем более «русских» привилегий не существовало. Ни одна из составляющих государство национальностей не являлась ни

господствующей, ни подчиненной. Но русский народ нес основную тяжесть держателя империи и был основным материалом ее строительства, укрепления и расширения.

Обширные пространства страны, требующие значительных усилий для их освоения в сложных природных, географических и геополитических условиях, этническое многообразие, особенности национального характера — все это предопределяло в качестве национального интереса *всемерное укрепление государства как организующего начала, призванного обеспечить территориальную целостность и внешнюю безопасность* и выработать адекватные формы сосуществования различных национально-этнических, религиозных и культурных общностей. Вот почему исторически сложившиеся *национальные интересы России стали преимущественно интересами государственными*.

Ю.Ю. КЛЫЧНИКОВ

(г. Пятигорск)

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ:**

к оценке нового исследования В.А. Матвеева «Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: опыт осмысления и противодействия на рубеже XIX – начала XX в.» — Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. — 150 с.

Опубликованную нашим ростовским коллегой Владимиром Александровичем Матвеевым работу, посвящённую проблеме межэтнических конфликтов на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв., нельзя в полной мере отнести к числу научных новинок. Автор уже представлял значительную часть опубликованного в ней материала в своих предшествующих произведениях [1]. Вместе с тем, осуществив тематическую выжимку по конкретной проблеме, он сделал работу более наглядной и доступной для понимания, а потому она представляется вполне оправданной и полезной.

Первая глава посвящена набегам — теме, традиционно болезненной для восприятия и интерпретации в исторической науке и общественном сознании. Автор обосновывает ошибочность точки зрения, связывающей это явление исключительно с проблемой малоземелья. Неоднократно подчёркивается, что разбойничество было скорее «коммерческой организацией», использующей «рэкет» для обогащения, нежели чем в качестве способа отстаивания прав земледельцев. Определённая политизация их деятельности была связана с тем интересом, который она вызывала у наиболее радикально настроенных представителей российского революционного движения, в частности у анархистов. Они видели в нём практическое подтверждение своих теоретических рассуждений и хотели с помощью разбойников разрушить государство и создать на его обломках добровольную ассоциацию свободных граждан. Идеализация образа кавказских абреков была скорее данью пропаганды, нежели реальным отражением социальной сущности этого явления.

Разбойный «ренессанс» рубежа столетий автор связывает с проблемой сепаратизма, имевшей место среди части населения региона. При этом говорить о широкой поддержке таких настроений В.А. Матвеев считает неправильным. В немалой степени они появились под воздействием той ностальгии, которую стали испытывать бывшие сторонники имама Шамиля, вспоминая «дела давно минувших дней» и свою молодость. На их мифологизации прошлого выросло поколение, жаждущее не менее «героических» свершений. Автор вполне обоснованно указывает на тот факт, что наиболее заметно набеговый натиск стал проявляться в тех районах, где наблюдался интенсивный прирост населения.

Не сбрасывается со счетов и неблагоприятный внешнеполитический фактор, связанный с деятельностью иностранной (прежде всего турецкой) агентуры, которая с помощью религиозных лозунгов стремилась к закреплению в сознании у местных горских народов антирусских настроений.

В.А. Матвеев поднимает вопрос и о слабости управленческих кадров, которые не всегда соответствовали тем задачам, которые приходилось решать в регионе. Их просчёты нередко раздражали население, способствовали росту поддержки абреков, которые позиционировали себя мстителями за народные обиды.

Вторая глава даёт представление о причинах нарастания межэтнической напряжённости на Северном Кавказе. Автор показывает, как на фоне разраставшихся разбоев они начинали ассоциироваться с конкретными этносами (в частности, чеченцами и ингушами). Угроза происхо-

дившей конфронтации была адекватно оценена властями далеко не сразу, и упущенное время привело к роковым последствиям для региона. Вместе с тем нужно отдать должное царской администрации. Пусть и с запозданием, но она достаточно энергично взялась за исправление ситуации. Применяя, когда без этого невозможно было обойтись, силу, она сочетала её с концентрированным воздействием, стремясь воспитать из местных жителей лояльных сынов единого большого Отечества — России.

В борьбе с разбойничеством правительство нередко находило поддержку у населения, которое независимо от этнической принадлежности страдало от противоправных действий абреков. Обращает на себя внимание тот факт, что среди наиболее последовательных противников разбойников были их кровники, не понаслышке знавшие о преступлениях доморощенных «робингудов». Затруднял процесс искоренения этого зла фактор коррупции. Его носителями были не только русские чиновники, но и выходцы из самой горской среды, привлекаемые на службу. Между тем они ассоциировались с имперским порядком, дискредитировали его, подрывали нравственный авторитет России.

В.А. Матвеев справедливо отмечает роль субъективного фактора в активизации разбойнической деятельности. Энергичный и удачливый предводитель «популяризировал» эту деятельность, тогда как его ликвидация наносила серьёзный удар по привлекательности бандитского промысла.

Оригинальным и эвристически продуктивным видится вводимый автором термин «этническая Вандея». Она трактуется как «этническая сплочённость, когда тот или иной народ как бы единым монолитом поднимается против другого в пределах неоднородного по этническому составу государства, добиваясь чистоты «своей» территории и её сепаратистского обособления» (стр. 50). При соответствующем фактологическом наполнении подобная трактовка может иметь перспективу и, как представляется, способна «прижиться» в кавказоведении.

В качестве гипотезы предположим, что это была реакция горского населения на те модернизационные трансформации, которые были инициированы Россией и привели к болезненной ломке устоявшегося уклада. Здесь трудно разделить уверенность автора в том, что Россия не несла угрозы для самобытности местных народов. Как минимум об одном из её проявлений в вопросе, касающемся набеговой традиции, пишет и сам В.А. Матвеев. Революционное по своей сути разрушение мира локальности и изоляционизма не могло не иметь последствий для мира архаики [2].

Представляется оправданным размещение в качестве приложений и двух статей, которые тематически близки к обозначенной про-

блеме. В одной из них поднимается вопрос о критерии справедливости в т.н. «Кавказской войне». Вопреки упорно навязываемому утверждению об «агрессивных имперских устремлениях», характерному для немалой части как отечественного, так и зарубежного кавказоведения, автор стоит на позиции тех исследователей, которые видят в этом объективную необходимость противостоять набеговой традиции и работорговле, присущим «горскому миру», а также часть геополитического противостояния, которое вела Россия, отстаивая свой суверенитет. По мнению В.А. Матвеева, «элементы добровольности и силового принуждения закономерны для становления любого государства, можно говорить о том, что проводившиеся Россией завоевания выступали частью общего геополитического стабилизационного процесса, происходившего на протяжении многих веков в пределах Евразии» (с. 81).

Автор трактует имамат Шамиля как проявление этнического сепаратизма и признаёт за ним черты раннего государства. При этом отмечается, что его генезис не отличался устойчивостью, а достигнутые результаты так и не закрепились в горском сознании. Имамат оказался неконкурентоспособен и проиграл в противоборстве с российской моделью обустройства жизненного уклада местных народов.

Одновременно имперская альтернатива оказалась гораздо устойчивее, хотя и потребовала от горцев отказаться от части своей самости. Происходящие процессы т.н. «Кавказской войны» автор трактует как внутренний конфликт, отмечая, что Россия в нём должна была реагировать на происходящие процессы, «оказавшись в эпицентре этнополитических предпочтений» (с. 99). На примере выдающегося горского реформатора Шамиля в работе прослеживается мировоззренческое преобразование «горского мира», для которого Россия стала подлинным Отечеством. Формулируется итог этого противоречивого процесса — создание горской геокультурной общности, которая стала возможна благодаря российскому воздействию.

Финальный этюд даёт представление о незавершённости интеграционного процесса в регионе в рассматриваемый период. Хотя благодаря усилиям, предпринимаемым российской администрацией, были созданы условия по преодолению племенной обособленности, а также ускорился процесс этнической консолидации горских обществ, говорить об окончательном преодолении рецидивов сепаратизма не приходилось. Вызывает интерес попытка автора провести подсчёт населения, которое отличалось «антироссийским» настроением. Сразу отметим, что в работе автор не конкретизирует те методы, которые он использовал при проведении такого анализа. Наличие ссылки на источник представляется недостаточным. Вероятность получения подобной инфор-

мации вообще вызывает серьёзные сомнения. Но если выявить цифры «нелояльного» в определённой исторической ситуации населения вряд ли возможно, то факт наличия «консолидационной тенденции, свидетельствующий о сложившемся ещё до 1917 г. союзе народов» (с. 142), сомнений не вызывает. Таких примеров можно найти немало как в советский, так и постсоветский период нашего прошлого.

Не оспаривая базовые идеи автора-единомышленника, вместе с тем отметим ряд дискуссионных утверждений, которые, возможно, нуждаются в корректировке или дополнительной аргументации. Вряд ли столь категорично следует отвергать определение «набеговая система» и противопоставлять ему термин «набеговая традиция». Представляется, что обе формулировки синонимичны, т.к. в обоих случаях речь идёт о сложном явлении, которое объединило множество элементов (социокультурных, экономических, политических и т.п.), взаимосвязанных между собой. Характерная для *традиционности* анонимность и стихийность такой *системы* норм, определяющих различные стороны жизни общества, не является неизменной и может быть подвергнута трансформации в зависимости от обстоятельств. В нашем случае это активизация внешнеполитического фактора в лице российской политики в регионе.

Попытка ликвидации связанного с набегами института социализации горского юношества [3] вызвала болезненную реакцию в местных обществах, что вывело «наездничество» (ещё одно именование этого феномена) на качественно новый уровень. Имамат — это среди прочего и наивысшая форма набегового института. Здесь вполне оправданно говорить о неизбежности и предопределённости возникшего кризиса как переходного состояния, при котором горская архаика должна была по ряду позиций уступить модернизационному натиску империи. Что касается численности отрядов набегчиков, которую автор выделяет в качестве критерия, то заметим, что она колебалась в зависимости от поставленной задачи, и найти примеры, когда число «хищников» достигало нескольких тысяч человек, можно без труда. Другой момент, что крупный отряд был «экономически нерентабелен» в плане дележа добычи, а также уязвим при столкновении с регулярной армией. Отсюда и тактика малых групп, скрытность действий которых была залогом успехов и материальной выгоды¹.

Представляется, что и проблема горского сепаратизма требует определённого уточнения. Речь, видимо, должна идти не столько об от-

1

Гораздо больший вред, наносимый мелкими партиями горцев, по сравнению с крупными, отмечали и авторы середины XIX в. (К. Ф. Сталь). — Ред.

делении от России, сколько о получении особого положения в её составе. В рассматриваемый период местные общества получили достаточно представлений о тех преимуществах, которые давал им статус подданных империи. Вместе с тем, пользуясь различными правами и возможностями, они не горели желанием мириться с издержками, присущими их новому положению. Далёкая от совершенства судебно-административная система была далеко не единственным раздражающим фактором. Отсюда и двойственность восприятия в отношении разбойничества («поддержка — отрицание»), о котором говорит В.А. Матвеев.

Далеко не все российские новации воспринимались как благо. Разрушение привычного мировоззрения, доказавшего свою состоятельность в предшествующий период, трактовалось как «падение нравов» (а порой этим и являлось). Неудивительно, что включились конспиритивные механизмы защиты общества, в частности, появился комплиментарный исторический миф о «золотом веке», связанный с т.н. «Кавказской войной». Он был рассчитан на новое поколение горцев, которое только начинало занимать свою нишу в социуме. «Дела давно минувших дней, / Преданья старины глубокой» актуализировались в форме разбойничества, которое лучше всего напоминало воспеваемые «заветы предков» [4].

Думается, что представленное исследование найдёт своего читателя и вызовет немало плодотворных дискуссий как среди историков-кавказоведов, так и тех, кому не безразлична история формирования многонационального государства Российского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. напр.: Матвеев В.А. Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. (управленческие аспекты). Ростов н/Д.: Омега-Принт, 2010. 336 с.
2. Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI в.). исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015.
3. См.: Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Наука, 1996; *Он же*. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007; Марзей А.С. Черкесское наездничество «Зеклуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004.
4. Любопытно, что сейчас аналогичные процессы мы наблюдаем в Европе, которая столкнулась с массовой молодёжной миграцией с Ближнего Востока и Африки. Немецкий социолог и экономист Гуннар Хайнзон говорит о роли «молодёжного пузыря», который может иметь драматические последствия для быстро стареющего автохтонного населения континента. Отмечается, что если количество молодых людей от 15 до 29 лет превышает 30% от общей численности населения, это при-

водит к росту насилия. У этой части общества существует устойчивая потребность в идеологии, которая оправдывала бы агрессию, героизировала её, освобождала от ответственности. И здесь как нельзя кстати пришли идеи исламизма. (Сходные рассуждения на эту тему мы находим в одном из выпусков авторской передачи Н.С. Михалкова «Бесогон TV» от 28.11.2015). Учитывая, что горские общества Чечни и Дагестана, которые понесли в результате противостояния с Россией серьёзные демографические издержки, активно, в том числе благодаря созданным империей для них условиям жизни, принялись восполнять потери, то удивляться реинкарнации набеговой практики не приходится.

Б.В. ВИНОГРАДОВ

(г. Армавир)

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
И ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ:
К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОГО АНАЛИЗА**

(к изданию монографии В.А. Матвеева «Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: опыт осмысления и противодействия на рубеже XIX–XX вв.». — Ростов н/Д., 2015)

Проблемы межэтнических конфликтов, их причин, сущности и путей преодоления остаются, к сожалению, весьма актуальными в современной Российской Федерации. Заметим, правда, что для нынешних стран Евросоюза они стоят намного острее в контексте фактического краха так в свое время разрекламированного «мультикультурализма». Российский Северный Кавказ в последние десятилетия стал тем регионом, где поддерживаемые извне этносепаратистские и религиозно-экстремистские силы пытались осуществить сценарий развала РФ, используя при этом кривое зеркало интерпретации исторической памяти горских народов по части путей и методов их включения в состав российского государства и бытия в нем. Эта, не утратившая по сей день актуальности констатация, предполагает необходимость глубокого и всестороннего анализа широкого спектра вопросов российско-горского взаимодействия, в том числе — проблематики межэтнических конфликтов на Северном Кавказе, при том условии, что «подача» в массовое общественное сознание конфликтного фактора в данном взаимодействии ни в коем случае не должна затмить иные, интегративные, сюжеты, призванные служить не только исторической объективности, но и безопасности региона и нашей страны в целом.

В данном смысле монография В.А. Матвеева «Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: опыт осмысления и противодействия на

рубеже XIX–XX в.» представляется значительным и знаковым шагом в обобщении и анализе фактического материала и историографических трактовок по данной проблематике. Автор аргументировано, и, одновременно, чрезвычайно корректно, опровергает ряд устоявшихся в кавказоведческой историографии штампов в оценивании характера и сущности складывания российской северокавказской окраины, причин антироссийских выступлений горцев в широком хронологическом диапазоне. Так, при анализе феномена северокавказского «разбойничества», получившего распространение в конце XIX – начале XX в., В.А. Матвеев видит, вопреки суждениям на сей счет советской историографии и нынешних радетелей этно-комплиментарной истории, не «революционный социальный протест», и не борьбу с колониальными порядками (существование которых он убедительно опровергает и в данной, и в предыдущих своих монографиях), а восстановление набеговой традиции в специфических условиях передачи «исторических знаний» старшего поколения младшему при «отходе от реалистических оценок в восприятии прошлого, связанного с Кавказской войной и обстоятельствами включения региона в состав России» (с. 29). К сожалению, подобный «отход», уже не только на уровне перипетий функционирования «народной памяти», но и в разрезе историографических и публицистических трактовок, наблюдался и в недавнее время, и во многом явился причиной «чеченской революции» и последующих трагических событий.

Важно и то, что автор не связывает разбойничество интересами горского крестьянства (при наличии явной условности подобного именованья рядовых горцев в контексте местных долговременных социокультурных реалий), а видит в нем экстремистскую криминальную «коммерцию» с выраженной сепаратистской направленностью. Вовлеченность в разбой меньшинства населения и заинтересованность немалой части горцев в их прекращении, отмеченные В.А. Матвеевым, являются важной констатацией для дальнейшего анализа процесса интеграции Северного Кавказа в состав того «единого Отечества», которое сущностно отличалось от «колониальных практик» стран Запада.

Представляется, что подобный сепаратизм, равно как и предшествующее движение под знаменами мюридизма, не имел исторической перспективы. Это доказывается и примерами новейшей истории, когда «выдавливание» из суверенизирующейся Чечни славянского населения, очередное возрождение набеговой традиции и работорговли оказались не в состоянии генерировать жизнеспособные социально-государственные конструкции.

В отечественном и зарубежном кавказоведении нередко, к сожалению, присутствовала (а местами — и продолжает присутствовать) тен-

денция в тех или иных сюжетах «региональной конфликтности» искать правых и виноватых, а точнее — назначать их. Представляется, что подобный подход осовременивает конфликты прошлого, способствует этноконфессиональной ксенофобии и сепаратистским настроениям. В данном смысле автор монографии ничуть не обременен подобным «поиском». Подчеркивая неоднократно позитивные стороны деятельности российских властей на Северном Кавказе, он показывает и анализирует их же просчеты в конкретных этнополитических обстоятельствах исследуемого периода (с. 30, 36, 41, 44).

Весьма показательно, что В.А. Матвеев подчеркивает неоднозначность ситуации в регионе в связи с фактором Первой мировой войны, когда, с одной стороны, приносит некоторые плоды антироссийская агитация турецкой и германской агентуры, но с другой — наблюдается явный «российский» патриотический подъем в среде горских народов и ослабление разбойничества (с. 49). Важна и сделанная констатация, что разбойничество в целом не опиралось на поддержку мусульманского духовенства.

Как известно, межэтническая конфликтность и сепаратизм на Северном Кавказе всякий раз возрастали на фоне кризисов российской (и советской) государственности. И здесь есть над чем задуматься! Автор монографии, выделяя фактор разрастания межэтнического конфликта и сепаратизма на Северо-Восточном Кавказе в 1917–1918 гг., тем не менее, не абсолютизирует их проявления, выделяя сохранявшийся и тогда потенциал позитивного межэтнического взаимодействия (с. 50). Видимо, В.А. Матвеев во многом прав, когда утверждает, что призывы сепаратистов не получили массовой поддержки и сохранялась тенденция целостности России (с. 59). Тем не менее, были и нюансы, оставшиеся пока за кадром его исследовательского внимания. Так, сепаратизм, не имея преобладающей поддержки, всегда находил свои «зоны безопасности» в условиях местных традиций гостеприимства и нерушимости родственных связей. И вновь — все это чрезвычайно знакомо по событиям последующего времени. Затем — разрешение революционного кризиса в России покажет, что горцы Северного Кавказа в событиях гражданской войны окажутся в значительной мере невосприимчивы к идее «единой и неделимой России», и советская власть будет их привлекать на свою сторону, в том числе, и своеобразной эксплуатацией лозунга о праве наций на самоопределение. В данном смысле представляется, что выработывался специфический новый стандарт представления о государственном единстве, отмеченный всеми превратностями практики национально-государственного строительства советской власти. И, как покажут последующие два с лишним десятилетия, ряд

районов Северного Кавказа вновь окажется зоной этнополитической нестабильности при немалом повторении частью населения соответствующих «дезинтегративных практик», обусловленных, не в последнюю очередь, высоким «историческим темпом» вовлечения местных народов в реалии функционирования государственного организма.

Самостоятельный интерес в монографии В.А. Матвеева представляют приложения, которые вполне можно считать главами, дающими читателю как бы предысторию магистральной проблематики исследования. Здесь автор критически осмысливает историографию набеговой традиции горцев, анализирует сущностные черты имамата Шамиля и личностные характеристики его выдающегося предводителя. Справедливым видится типологизация мюридизма в качестве сепаратистского, а не национально-освободительного движения (с. 95). Ценным представляется авторский акцент на специфику формирования тех «туземных» обществ, которые являлись традиционным источником сепаратизма и пониженной восприимчивости к российским интеграционным импульсам (с. 109, 122). Следует в данной связи отметить, что и в событиях последующего времени проблема интегрированности населения горных районов и выходцев из них в государственную систему оставалась достаточно острой, и «детонировала» в случае ее кризиса. Недаром та же «чеченская революция» совершалась во многом с использованием потенциала и представлений населения горной части Чечни.

Монография В.А. Матвеева является заметным событием в развитии отечественного кавказоведения. Она продолжает, развивает, в ряде случаев обобщает соответствующие наработки других членов Кавказоведческой Школы, и свидетельствует о постоянном и непрерывном исследовательском росте ее автора.

О.С. ПЫЛКОВ

(г. Армавир)

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О РОССИЙСКОМ ОСВОЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

В исследовании интеграции Северного Кавказа в составе Российской империи и формирования полиэтничного населения региона, история возникновения и развития населенных пунктов Кабардино-Балкарской Республики занимает одно из важных мест. Среди массы книг, посвященных данной проблематике, далеко «не бесполезным вкладом», вызывающим большой интерес, представляется изданная

в 2015 г. работа Е.С. Тютюниной «Поселения Кабардино-Балкарии XVIII–XX вв.: документированные очерки».

Приводимые в монографии сведения, извлеченные автором из разных источников, а также публикация материалов, содержащихся в архивных фондах Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (далее ЦГА КБР) значительно расширяют представление о процессах формирования и функционирования российских фортификационных сооружений Центральной части Кавказа, а также различных аспектов повседневной жизни населения примыкающих к ним русских поселений (форштат, солдатская слобода, военное поселение, станица). На фоне слабой изученности истории укреплений Центра Кавказской линии, работа Е.С. Тютюниной приобретает особую ценность и значимость.

Как справедливо отмечает Евгения Сергеевна, в процессах вхождения в состав Российской империи Северного Кавказа в целом и Кабардино-Балкарии в частности, «немаловажную роль сыграла так называемая Кавказская укрепленная линия», включавшая ряд взаимосвязанных между собой крепостей, небольших укреплений (редутов) и постов [1]. Российские крепости, возводимые в регионе силами солдат и казаков, становились «главной опорой в освоении региона, в деле включения его в российскую имперскую государственную систему» [2].

Появление укрепленных линий в регионе приходится на вторую половину XVIII в. После подписания в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора большая часть Предкавказья вошла в состав Российской империи. Потребность хозяйственного освоения новых территорий и их заселения крестьянами вызвала необходимость укрепления южной границы. Результатом этого стало соединение в 1777–1778 гг. городов Моздок и Азов сплошной цепью укреплений из десяти крепостей (Павловской, Георгиевской, Ставропольской, Московской, Владимирской и др.), расположение которых были определены князем Г.А. Потемкиным. Земляные крепости линии имели точные, согласованные с требованиями военного искусства профили и размеры [3]. Оборону крепостей должны были обеспечить переселявшиеся туда казаки (черноморские, запорожские, донские, волжские). Снабжение гарнизонов крепостей продовольствием возлагалось на переселенных сюда же крестьян из центральных губерний и иностранных колонистов.

Строительство крепостей Азово-Моздокской линии, осуществлялось силами драгун и казаков, которые «работали без руковиц мозолистыми, израненными руками, оставляя следы крови», «долбили землю до скального грунта кувалдами, железными клиньями, ломami откалывали серые глыбы, долбили их и вытесывали топорами брусками»

[4], а также местного населения (туркмены, ногайцы и др.), сопровождалось основанием при фортах (Св. Екатерины, Св. Марии, Св. Георгия и др.) казачьих станиц принявших их названия (Екатериноградской, Марьянской, Георгиевской и др.), куда были переведены казаки с Волги, Дона и Днепра [5].

Создаваемые в регионе российские фортификационные сооружения с момента своего возникновения, служили не только военным целям, но и выполняли целый ряд мирных функций (административная, коммуникационная, торговая и др.), направленных на развитие региона. Так, одна из «фортеций» Азово-Моздокской линии (близ устья р. Малки), строительство которой, при участии солдат и волжских казаков из Дубовки, во главе с атаманом Василием Немировским (сосланные на Северный Кавказ за участие в восстании Емельяна Пугачева. — *Авт.*), было окончено 27 октября 1777 г., стала крепость Св. Екатерины или Екатерининская (названная так в честь императрицы Екатерины II. — *Авт.*). Хорошо защищенная со всех сторон и обладавшая сильным гарнизоном (батальон Кавказского мушкетерского полка, два батальона Кавказского пехотного полка, волжские казаки), она была призвана защитить гражданские селения по р. Малке и закрепить её левобережье за Россией [6].

Помимо военного (здесь располагались: штаб-квартира Кабардинского пехотного полка, провиантский магазин для артиллерии, назначенной в Грузию — 12 орудий, команда Кавказского мушкетерского полка), Екатериноградская крепость служила одним из пунктов «разрешенной меновой торговли с кабардинцами» [7], а также транзитным центром «Александрова пути» (начинавшейся в Моздоке дороги. — *Авт.*) или Тифлисского тракта, где начинался путь в Грузию (отправной точкой Военно-Грузинской дороги Екатериноград стал в 1820 г.) [8]. Об этом также свидетельствует воздвигнутая в 1785 г., на месте северных крепостных ворот, 12 метровая Триумфальная арка с надписью «Дорога в Грузию». При крепости в 1778 г. была поселена станица Волгского казачьего полка (казаки служилые и не служилые — 510 чел.) Екатериноградская. В округе было достаточно земли для занятия хлебопашеством и сенных покосов.

Значимость стратегического положения крепости и ее нахождение «в близости подгорных народов» [9], определили её преобразование, по предложению в 1783 г. командующего Кавказской линией графа Павла Сергеевича Потемкина (1743–1796), в административный центр — губернский город (статус с 1783–1790 гг.) Екатериноград [10].

Силами военных, составлявших основу населения этого города (гражданских лиц было немного, например, в 1786 г. 8 купцов 3-й

гильдии, 17 мещан, 3 цеховых), здесь, в короткие сроки, были возведены дома для воинских частей, губернских и уездных учреждений, школа для аманатов, жилые постройки (например, 2-х этажный дворец наместника), церковь [11], памятники культуры (например, построенная в 1785 г. 12 метровая триумфальная арка XVIII в.). Генерал-губернатор граф П.С. Потемкин, расположившийся в городе «с максимальной роскошью», 21 мая 1786 г. устроил пышный прием в честь дагестанского владетеля шамхала Тарковского Бамата и его свиты [12].

Связанные дорогами российские фортификационные сооружения (крепости, редуты, посты), выступавшие в регионе в качестве «гнезд русского влияния», способствовали концентрации вокруг них населения, занятого мирными формами хозяйствования [13]. Устройство крепостей Азово-Моздокской линии дало возможность начать в 1782 г. гражданскую колонизацию (переселение государственных, экономических, удельных крестьян, однодворцев и др.) Северного Кавказа. Преобладание в крае, в этот период, военной власти над гражданской, определяло порядок устройства и функционирования создаваемых поселений. Так, согласно сенатскому указу от 3 июня 1786 г., на р. Малке было образовано несколько сел (Прохладное, Приближное, Солдатское), отличавшихся правильной уличной планировкой и заселенных казенными крестьянами, однодворцами, отставными и пахотными солдатами [14]. При данных поселениях размещались и функционировали специальные учреждения и чиновники (например, в селе Прохладном с 1805 г. располагалась карантинная застава, с 1811 г. соляной магазин и меновый двор, а также ставка пристава Большой Кабарды, в селе Приближное находилась школа) [15].

Расположенные вдоль коммуникаций, укрепленные частоколом и валами селения обеспечивали «связь между городов» [16]. Их жители не только занимались сельскохозяйственными работами, но и участвовали в исправлении «канав и всей огорожи» казенных селений, предоставляли помещения квартирующим у них ротам (кроме самих обывателей, в каждой квартире располагалось от 5 до 7 военнослужащих), командам, рекрутским партиям и путешественникам, лошадей для перевозки орудий (во время тревоги на Линии. — *Авт.*) и корреспонденции. Из-за не высокой обороноспособности таких селений (оборонительные сооружения часто нуждались в починке, у поселян было мало оружия и боеприпасов. — *Авт.*) их охрана поручалась расположенным в них солдатам и казакам [17].

В первой четверти XIX в., в годы «кавказского проконсульства» генерала А.П. Ермолова, строительство укреплений (с 1822–1824 гг.) на пространстве между реками Кубанью и Малкою, приняло интенсив-

ный характер [18]. В 1822 г. началось строительство «передовой» Кабардинской линии, которую составили крепости (Баксан, Нальчик, Черек, Урух), укрепления (Каменноостокское, Чегем, Мечетское, Урвань, Лексен), а также несколько постов [19]. Несмотря на то, что к началу 1840-гг. некоторые из этих фортификационных сооружений, имевших малочисленные гарнизоны, не всегда удобное для обороны расположение и планировку (например, Мечетское укрепление. — *Авт.*), находились в «ветхом состоянии», это не мешало русским (служилым людям, ремесленникам и торговцам) и кабардинцам селиться вокруг них. Так, Мечетское укрепление было «окружено мирными кабардинскими аулами», а Баксанское соседствовало с ними (мирные аулы находились в одной версте от укрепления. — *Авт.*) [20].

«Население», проживавшее в укреплениях (военнослужащие и их семьи, казаки) и занятое не столько военной службой, сколько хозяйственной деятельностью (например, строительством, выпасом скота — преимущественно лошадей, заготовкой кормов, прокладкой дорог, транспортными перевозками и т.д.), отличалось «мобильностью и специфическим составом» (малочисленность женщин и детей). Однако, достаточно длительно (до нескольких десятилетий) нахождение подобных поселений со своей определенной инфраструктурой (например, имелись жилые дома (казармы, постоянные дворы), продовольственные (т.н. магазины) и вещевые склады, конюшни и загонны для скота, мастерские, торговые и питейные заведения (духаны), лазареты, кухни, бани и т.п.) на одних и тех же местах, делало некоторые из них «зародышами нынешних сел и городов» края [21]. Как отмечает Е.С. Тютюнина, появление таких населенных пунктов КБР как станица Екатериноградская, города Майский, Баксан и Нальчик, а также направление современной федеральной автомагистрали «Кавказ» (проходит через бывшие крепости и посты «передовой» укрепленной линии), стало «самым заметным наследием деятельности российской армии в регионе» [22].

К 1830 г. Кавказская линия приобрела четкую структуру (Правое крыло — по р. Кубань; Левое крыло — по р. Терек; Центр — левобережье р. Малки до места впадения в р. Терек). По мнению автора, отсутствие активных боевых действий в Центре Кавказской линии, за все время его существования, способствовало тому, что здесь могла «особенно наглядно проявиться созидательная миссия регулярной армии». Обустройства Центра Кавказской линии являлось зоной ответственности расположенных здесь воинских частей (например, сформированного еще 15 декабря 1726 г. Кабардинского пехотного полка, который с 1800 г. постоянно находился в регионе. — *Авт.*) [23].

Приводимые Е.С. Тютюниной документы наглядно показывают, что на этом участке Кавказской укрепленной линии, расположенные здесь воинские части (военнослужащие Кабардинского пехотного полка, Кавказских линейных № 4, 5, 6, 7 батальонов, 40 егерского полка, казаки Моздокского, Горского, Волгского и сборного Астраханского казачьих полков, 11-й и 12-й гарнизонной артиллерийской бригады Войска Донского подполковника Астахова полка, №35 Донского полковника Сербинова полка и др.), в силу состояния самих укреплений и их предместий, были обязаны участвовать во всевозможных работах [24]. Это обуславливалось и тем, что на Кавказе, в отличие от центральных губерний, войскам Отдельного Кавказского корпуса и Кавказской армии, часто приходилось размещаться (квартировать) не в домах обывателей (которых порой просто не было в округе. — *Авт.*), пользуясь постоянной повинностью, а строить «свои казармы (общежития) и дома для офицеров и семейных солдат». При этом размещенные в крае полки имели собственное хозяйство (сенокосы, поля, огороды, скот и птицу, пасеки, склады, лавки). Однако, помимо выдаваемого от военного министерства (мука и крупы), ряд продукции военнослужащие приобретали у местных жителей (поскольку одежда, обувь, оружие, конское снаряжение, повозки и т. п. предпочитались не те, что были положены по уставу, а местные, более удобные: папахи, куртки, черкески, бурки, башлыки, ноговицы) и у маркитантов (чай, сахар, табак, мыло, свечи, спички, а также «горячительные», т. е. спиртные напитки и т. п.). Автор работы отмечает, что «спрос на такого рода изделия в определенной степени стимулировал кустарное производство, усиливал торгово-экономическое взаимодействие» [25].

Важным обстоятельством, которое, по мнению Е.С. Тютюниной, стало следствием масштабного строительства укреплений, поселений и постов в Кабардино-Балкарии, явилось учреждение в 1840 г. «своеобразного финансового фонда», т.н. Кабардинской общественной суммы (формировался за счет платы за накошенное войсками сено, разрешение охоты в лесах, штрафов за нарушение правил пользования лесами и пастбищами, а также штрафов с кабардинцев «за воровство и другие шалости скотом и лошадьми») [26]. Средства из этого фонда шли на оплату труда (по 1 руб. ассигнациями с каждой арбы, вывозимой на Линию кабардинцами и по 50 коп. за деловой лес) «исполнителей-лесорубов и возчиков» из местного населения, а также собственникам лесов, где производилась заготовка древесины. Функционирование данного «фонда» способствовало развитию сотрудничества с местным населением, к которому приходило «осознание товарной ценности природных ресурсов и выработывался регламент их использования» [27].

Результатом деятельности военнослужащих в крае было не только возведение различных оборонительных сооружений, но и за их стенами форштатов (от нем. *Vorstadt* — предместье, т. е. слободки или поселения, находящиеся вне города или крепости и примыкающие к ним), где располагалась «основная селитебная зона», в которой происходило формирование будущего гражданского населения. Форштаты, зачастую укрепленные земляными валами, плетневыми и деревянными изгородями, рвами, имелись практически у всех региональных укреплений [28].

На их территории строились жилые дома, торговые заведения, заводились сады и огороды, проводились базары и т. п. Например, форштат образовался рядом с основанной в 1822 г. крепостью Нальчик, возведенной силами солдат Кабардинского пехотного полка. Для защиты он был обнесен «стеной из плетня, в которой были прорезаны бойницы для ружейной обороны» и небольшим рвом. Внутри крепости и на форштадте инженерным ведомством были выстроены казармы барачного типа для рядового состава и дома для офицеров гарнизона, полковой канцелярии, кордонного архива, штаб-лекаря полка, инженерной команды, певчих и портных, Кабардинского временного суда, аманатов, взятых царской администрацией в залог, а также баня, конюшня, пороховой погреб и кирпичный дом с мезонином и колоннами для начальника Центра Кавказской линии со штабом, деревянная церковь. В 1830-е гг. форштат при Нальчикской крепости, получил правильную улично-квартальную планировку, сохранившуюся до настоящего времени [29].

Подобные поселения в крае образовывались и у менее значительных российских крепостей. В 1827 г. Пришибское укрепление по Военно-Грузинской дороге так описывал проезжавший по этим местам путешественник: «Маленький квадратный четверугольник, с глубоким рвом и валом, среди которого врыты в земле казармы, а по углам из амбразур выглядывают орудия, составляет укрепление, ограничивающееся с одной стороны рекою Терекком, с другой (противоположной) форштадтом, а с прочих открытым полем. В форштадте, обнесенном земляною стеною аршина в два вышины, примкнутою к валу укрепления, построено солдатами несколько домиков и небольшая квартира для проезжающих» [30].

Основу населения подобных предместий часто составляли российские военнослужащие. Нередко форштаты именовались солдатскими слободами, из-за того, что здесь размещались не только отставные, но и служащие солдаты, имевшие семьи. Это способствовало росту восточнославянского населения на окраинных территориях, повышению оборонного потенциала северокавказских крепостей-городов и сокраще-

нию военных расходов. Так, в 1841 г. в Екатериноградском заречном укреплении (в 1827 г. сюда перенесено из Кизляра карантинное отделение — контора) была сформирована инвалидная команда, ведавшая карантинными заставами по всей Кавказской линии (карантин помещался на правой стороне р. Малки, через него проходили грузы и товары в Закавказье и обратном направлении). А в 1843 г., по царскому указу были сформированы инвалидные команды из трудоспособных солдат старших возрастов (т. е. ветеранов, имевших семьи и потомства. — *Авт.*) в Нальчикском и Баксанском форштате, основным населением которого являлись «нижние чины». В задачу команд входило несение сторожевой и конвойной службы, участие в строительных и ремонтных работах на Линии [31].

В форштадтах, находившихся под защитой российских гарнизонов, мирное население (русские отставные солдаты, казаки и другие поселенцы), а также купцы и путешественники чувствовали себя в безопасности. Следствием этого становилось сооружение здесь домов для чиновников, купцов, мещан, христианских храмов, появление базаров и гостиных дворов, наполненных разными товарами первой необходимости и лавок. Жители форштадтов занимались огородничеством, разведением домашних животных, ремеслом и торговлей, что благоприятно сказывалось на развитии экономического сотрудничества между народами, формировании общих интересов и потребностей.

Нормализация обстановки в крае способствовала снижению значения укреплений и постепенному их упразднению, переводу в разряд постов (например, в 1844 г. упразднены Чегемское и Мечетское укрепления, на их месте посты, а затем почтовые станции; в 1860 г. Урванское укрепление, на его месте возникли Кяшеский и Урванский милицейские посты; в 1863 г. упразднено Черекское укрепление) или преобразованию в слободу. Например, крепость Нальчик была реорганизована в слободу, а Баксанское укрепление в пост (у которого впоследствии появилось крестьянское (славянское) поселение, а затем и кабардинское селение Кучмазукино). Пришибское и Урухское укрепление были поглощены (в 1838 г.) одноименными станицами (Пришибская станица позднее включена в границы пос. Майского — ныне город, административный центр Майского муниципального района КБР). На образованных на месте укреплений постах, остававшихся в военном ведомстве, несли службу казачьи части [32].

Таким образом, работа Е.С. Тютюниной содержит обширные и интересные сведения о процессах интеграции территории Кабардино-Балкарии в состав Российской империи и образования ее полиэтнического состава населения. Автор, на основе уже известных, а также вновь

введенных в научный оборот источников, весьма квалифицированно и интересно освещает разнообразные стороны формирования облика современных населенных пунктов Кабардино-Балкарской Республики. Важное место в этом процессе отводилось российским военным (крепости, укрепления, посты) и гражданским (форштаты, слободы, станицы) поселениям XVIII – первой половины XIX в., которые способствовали поддержанию в крае безопасности, а также развитию социально-экономических и межнациональных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тютюнина Е.С. Поселения Кабардино-Балкарии XVIII–XX вв.: документированные очерки. Нальчик. 2015. С. 43.
2. Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северном-Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. С. 58.
3. Крепости Азово-Моздокской линии. Пятигорск, 2003. С. 13.
4. Кузнецов И.В. Тяжелые годы // История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVII–XIX вв. Ростов н/Д., 2004. С. 61–62.
5. Потто В.А. Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 111, 127–131; Тхамокова И.Х. К истории формирования линейного казачества. Горский казачий полк // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2000. С. 29–30.
6. Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 45.
7. Там же. С. 6.
8. История городов и сел Ставрополя: краткие очерки / науч. ред. проф. Д.В. Кочура и проф. А.А. Кудрявцев. Ставрополь, 2002. С. 19–21.
9. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Собрание (1649–1825). Т. 22. С. 389–391. №16194.
10. Потоцкий Я. Путешествие по астраханским степям и по Кавказу // Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996. С. 277.
11. Христианские святые Кабардино-Балкарии: Справочник-путеводитель / под ред. В.Н. Бобылева, Н.П. Голяндина. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. 2013. С. 93–94.
12. Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 9, 21.
13. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона / Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко, А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д., 2012. С. 16.
14. Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 15, 24–25.
15. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею (далее АКАК) Т. 3. Тифлис, 1869. С. 52; АКАК Т. 5. Тифлис, 1873. С. 847; Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 17, 24.
16. ПСЗРИ. Собрание (1649–1825). Т. 22. С. 606. № 16401.
17. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее ЦГА КБР) Ф.1. Оп. 1. Д. 2. Л. 99; ЦГА КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 3 Л. 99–99 об.; ЦГА КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 5 Л. 186–187.
18. Дебу И. О Кавказской линии. СПб., 1828. С. 40.
19. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Спб., 1880. В переиздании 2001. Нальчик, 2001. С. 498–501; Тютюнина Е.С. Указ. соч. С.48.

20. Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 70–72, 82, 98.
21. Там же. С. 48.
22. Там же. С. 114.
23. Там же. С. 100–101.
24. ЦГА КБР Ф.16 Оп. 1. Д. 6. Т. 2. Л. 65 об. – 66 об., 119–120а; Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 46, 48, 50, 57–58, 60–62.
25. Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 100.
26. ЦГА КБР Ф.16. Оп. 2. Д. 58. Л. 101–103
27. Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 101–102.
28. Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 565; Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 69–72, 75–78.
29. Котляровы М. и В., Шогенова Ж. Нальчик и его окрестности. Нальчик, 2005. С. 8–9. Российский государственный исторический архив (далее РГИА) Ф. 13454. Оп. 3. Д. 43. Л. 29–29 об. Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 94, 96–97.
30. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Эссенуки, 1999. С. 26.
31. ЦГА КБР Ф.16. Оп. 1. Д. 212. Л. 7, 9 об; Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 106–108.
32. Тютюнина Е.С. Образование славянских населенных пунктов в Нальчикском округе (1882–1896) // Грани региональной истории XIX–XX вв.: Многонациональная Кабардино-Балкария и ее соседи: Статьи, документы. Нальчик, 2008. С. 64–65; Она же. Поселения Кабардино-Балкарии XVIII–XX вв.: документированные очерки. Нальчик, 2015. С. 109–110, 112.

С.А. ГОЛОВАНОВА

(г. Армавир)

«...ОТ ЖИЗНИ РЯДОМ С РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ К ЖИЗНИ ВНУТРИ НЕГО»

В заголовок статьи мы вынесли цитату из монографии Е.В. Великой и Н.Н. Великой «Мирные формы интеграции Северо-Востоchnого Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.)», вышедшей в конце декабря 2015 г. [1]. Многообразие концептуальных подходов и острая дискуссионность военно-политического кризиса первой половины XIX в., получивших в исторической литературе название «Кавказской войны», свидетельствует о необходимости качественного скачка в изучении не только военного контекста российско-северокавказских отношений, но и мирные формы экономического, социально-политического и культурного взаимодействия народов Северного Кавказа и России. В идеале назрела необходимость соединения этих двух слабо перекликающихся в большинстве исторических работ научных векторов в монографическое исследование на единой методологической базе, таким образом попытаться приблизиться к целостному и адекватному осмыслению и пониманию событий первой половины XIX в.

Вместе с тем историографический анализ показывает, что исследований, освещающих обоюдывыгодные сферы взаимодействия в условиях военных действий еще недостаточно. В этом отношении, несомненный научный интерес представляет рецензируемая монография, в которой Е.В. Великая и Н.Н. Великая четко обозначили предметно-тематические рамки своего исследования: мирные (экономические, социально-политические, культурные) формы интеграции народов Северо-Восточного Кавказа с Россией, менявший облик региона [1, с. 5].

Авторы, на наш взгляд, удачно совместили конкретное историческое исследование со специальным общетеоретическим осмыслением методологических подходов в освещении вопросов истории Северного Кавказа первой половины XIX в.

В современной исторической науке произошел вполне закономерный отказ от методологической монополии формационного (марксистско-ленинского) подхода. При существующем сегодня концептуальном «плюрализме», как отметил А.С. Синявский, «в интеллектуальной среде довлеет ощущение концептуального «хаоса», подобного ряду кризисов в естествознании, когда накоплена масса эмпирического материала, весьма «правдоподобно» осмыслены многочисленные фрагменты реальности, но целостная картина мира отсутствует...» [2, с. 4]. Авторы монографии обратили внимание и еще на одну существующую проблему — соответствие выбранного методологического подхода и используемых базовых понятий/терминов. В частности, широко используемых терминов «царизм», «колониальный гнет», «эксплуатация», «антиколониальное» «национально-освободительное», «народно-освободительное» движение горцев, которые составляют терминологический аппарат формационно-классового подхода.

Критически осмыслен цивилизационный подход, базирующийся на таких понятиях, как «северокавказская (горская, кавказская) цивилизация», «культура», «религия». При этом, как отмечают авторы, упор делается на различиях, а не на сходстве двух миров. Следует обратить внимание на мнение Б.С. Ерасова, который, рассматривая принципы цивилизационной теории писал, что одна из идей, «ставшая источником поиска цивилизационных начал как на Западе, так и на Востоке, требовала уяснения принципов общественного единства, способного преодолеть силы разъединения и поддерживать длительное время стабильность и определенность, накопления того опыта, который и составляет историю» [3, с. 15].

В последние годы набирает популярность концепция модернизации, базирующаяся на северокавказском материале. Исходя из того, что основными понятиями данной теории являются «индустриализация», «урбанизация», «секуляризация» и т.д., авторы приходят к выводу, что в

рассматриваемый период перехода к индустриальному, урбанизированному обществу в регионе не происходило, а имели место только преобразования и реформы, которые вряд ли можно считать модернизацией.

Актуальными и востребованными являются попытки рассмотреть взаимодействие народов и культур северокавказского региона с точки зрения теории фронта. На наш взгляд, с этим согласны и авторы, права Э.А. Шеуджен, которая считает, что с момента вхождения Северного Кавказа в состав России фронт теряет смысл и может рассматриваться как искусственное построение.

Исследование Е.В. Великой и Н.Н. Великой базируется на концепции российскости, разрабатываемой Кавказоведческой Школой, основанной профессором В.Б. Виноградовым, с 90-х гг. XIX в. Для данного подхода ключевыми понятиями являются: «взаимодействие», «взаимовоздействие», «синтез», «интеграция». Как отмечают авторы, «в отличие от тех исторических подходов, которые в качестве действующих субъектов на Кавказе рассматривают только Россию или исключительно великие державы, «делившие» Кавказ, парадигма «российскости» обращает внимание на взаимное тяготение народов России и Северного Кавказа, на взаимодействие и взаимовоздействие» [1, с. 27]. Концептуально важным представляется предложение рассматривать российскость «и как важнейшую составную часть самосознания, приобретение и утверждение которого происходило на основе общей государственности, признания России своим отечеством, интеграционных процессов, выработки общих культурных черт и др.» [1, с. 27].

В монографии проделана серьезная работа критического осмысления ряда терминов, используемой в научных исследованиях историков кавказоведов. Авторы отстаивают введенный В.Б. Виноградовым для событий первой половины XIX в. понятие «кризис», вместо широко используемого, но дискуссионного термина «Кавказская война», поясняя, что он понимается как изменение, разрыв (традиций и тенденций), перелом, тяжелое переходное состояние, связанное с тем, что исчерпаны возможности функционирования прежних социальных институтов и отношений¹. На наш взгляд, данный термин наиболее адекватно отражает суть, происходивших на Северном Кавказе событий. Однако вряд ли северокавказское научное сообщество в скором времени примет его в свой научный арсенал.

В работе поднят целый ряд концептуальных проблем. В частности о «колониальном дискурсе» в историографии. Авторы считают продук-

1 Есть и иные толкования понятия «кризис», как «угроза», «возможность», и даже «Суд Божий» (Ред.) [Электронный ресурс] URL: Youtube//Neiromir TV (Дата обращения — 26.01.2016).

тивной мыслью о типологическом разделении империй на колониальные и континентальные, к последнему типу отнесена Россия. Впервые представленные и проанализированные в полном объеме Манифесты и Указы российских императоров (от Петра I до Николая I), подтверждают характеристику России как неколониальной державы, и раскрывают основные цели и мотивы деятельности России. Авторы приходят к выводу, что в документах «красной нитью проходят две главные идеи: подданные должны верно служить императору и государству, а императоры должны обеспечить мир, порядок, безопасность и торжество законов. При этом не делалось никаких различий между областями России, сильно отличавшимися друг от друга». Главной идеей «совместничества» является, прежде всего, мир, порядок и стабильность на южной окраине страны. Лояльность новых подданных для власти стояла на первом месте. Различия в социальной, политической, религиозной сферах такой роли не играли. Вместе с тем, событийный анализ, подкрепленный серьезной источниковой базой, приводит авторов к выводам, что российское правительство осознавало специфику Северного Кавказа по сравнению с другими регионами, а сам «процесс утверждения Российской империи на Северо-Восточном Кавказе не был прямолинейным. Российской администрацией допускались политические просчеты, сказывались накаленная социальная обстановка, распространение антироссийских настроений идеологами мюридизма, позиция местных верхов, не желавших отдавать свои прерогативы новым управленцам и др.» [1, с. 150].

Рецензируемую монографию можно разделить на две части: в первой рассматриваются основные методологии и категории исторической науки, используемые при исследовании событий первой половины XIX в. на Северном Кавказе. Во второй — конкретно-исторический материал, раскрывающий интеграционные процессы в экономике, сфере здравоохранения, образования и культуры, специфику социально-политического развития Северо-Восточного Кавказа в период утверждения здесь российской государственности. Мы не ставили перед собой цель подробно анализировать второй раздел работы. Отметим, широкий комплекс исторического материала, позволивший авторам обоснованно показать два уровня взаимодействия сторон: «правительственный» (правительство — население Северо-Восточного Кавказа) и «народный» (восточные славяне и другие этнические группы региона) [1, с. 219].

В целом монография Е.В. Великой и Н.Н. Великой, основанная на плодотворных научных изысканиях, убедительно доказывает, что «в регионе началось формирование нового политического, экономического и культурного пространства, стала создаваться та особая соци-

окультурная, ментальная и т.п. сфера (российскость), внутри которой происходило взаимодействие, взаимовоздействие и синтез различных этнокультурных элементов при интегрирующей роли русской государственности и цивилизационно-культурной составляющей» [1, с. 218].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Основные этапы всемирной истории. Учебное пособие / под ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. Армавир: Графа, 2009 С. 194–195; Великая Е.В., Великая Н.Н. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.): монография / Е.В. Великая, Н.Н. Великая; под ред. проф. С.А. Головановой. Армавир: РИО АГПУ, 2015. 252 с.
2. Сенявский А.С. Предисловие // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А.С. Сенявский. М.: Наука, 2002. С. 3–8.
3. Ерасов Б.С. О статусе и содержании теории цивилизаций // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А.С. Сенявский. М.: Наука, 2002. С. 9–21.

А.А. ЦЫБУЛЬНИКОВА

(г. Армавир)

ИСТОРИЯ НОГАЙЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, КРЫМА И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ «РОССИЙСКОСТИ»

В феврале 2016 г. в ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова» состоялась защита диссертации Джумагуловой Айгуль Темерхановны на тему «Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII — 60-х гг. XIX вв.» на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02 — Отечественная история) [1]. Диссертационная работа была выполнена в отделе истории ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН под научным руководством доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела этнологии данной организации И.Т. Марзоева.

Диссертационное исследование А.Т. Джумагуловой без сомнения является качественным, самостоятельным исследованием, в котором поставлена и решена важная научная задача по разностороннему ана-

лизу процесса интеграции ногайцев Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в состав Российской империи. Проблема носит выраженный актуальный характер в свете политической ангажированности вопроса включения тюркских народов данных территорий в состав России и эмиграции их в Османскую империю в середине XIX века. В работе имеются все необходимые для исследований такого уровня компоненты. Соискателем обоснована актуальность ее работы, четко определены объект и предмет исследования, не вызывают возражений хронологические и территориальные рамки, а также формулировка цели и задач диссертации. Развёрнутый историографический анализ проблемы свидетельствует о хорошем знании отечественной, в том числе и кавказоведческой, научной литературы, а также демонстрирует отсутствие комплексной работы по теме исследования. Источники, использованные диссертантом, разнообразны и в полной мере позволяют автору работы анализировать поставленные перед собой задачи и делать убедительные выводы. При написании работы А.Т. Джумагулова опирались на материалы архивов (РГВИА, РГАДА, ГАСК, ЦГА РСОА) и опубликованные источники (ПСЗРИ, АКАК, сборники документов, справочники, мемуары, эпистолярные свидетельства). Целый ряд архивных документов благодаря работе диссертанта будет впервые введен в научный оборот. Кроме того в работе используется целый ряд уникальных фольклорных источников. Методология исследования разнообразна, она грамотно обоснована автором. В целом работа отличается явной научной новизной, имеет теоретическую и практическую значимость для науки и образования современной России, что подтверждается соответствующей апробацией материалов диссертации.

Но особый интерес к исследованию А.Т. Джумагуловой вызывает то, что ей удалось проанализировать полуторавековую историю ногайского этноса через призму «российскости». Уже в самом начале своей работы, обосновывая ее актуальность, диссертант подчеркивает, что «опираясь на концепцию «российскости», которую разрабатывает Кавказоведческая Школа академика В.Б. Виноградова», она представила «собственное видение процесса вовлечения ногайцев в сферу влияния, а затем и власти империи. В его основе лежала тенденция к историческому партнёрству народов, осуществляемому Россией» [2].

В этом русле определены и фактологически обоснованы все основные выводы автора. Так, А.Т. Джумагулова констатирует, что вхождение ногайских обществ в состав Российской империи не являлось одномоментным актом. Этот процесс растянулся во времени, что было обусловлено целым комплексом внутри- и внешнеполитических факторов. Ногайские племена в XVIII в. оказались втянуты в процесс геопо-

литического соперничества, развернувшегося между Россией, Турцией и Крымским ханством. Это неминуемо должно было привести и привело к втягиванию кочевников в военно-политические события рассматриваемого периода. Переход части ногайцев под протекторат Крыма привёл к распространению на них вассальной зависимости от ханов и к участию в проводимых ими политических акциях. При этом автор отмечает, что в середине XVIII в. в результате резко обострившихся взаимоотношений ногайцев с крымцами усилилась их тяга к возвращению в Россию.

С 70-х гг. XVIII в. ногайцы начинают активно переходить в российское подданство, и начинается поиск оптимальной модели их административного обустройства в рамках империи. Проанализировав широкий круг источников А.Т. Джумагулова приходит к выводу, что инициаторами пророссийской ориентации выступили, прежде всего, представители ногайской феодальной знати, а само сближение имело военно-политическую мотивацию. Однако такого рода отношения при всем их позитивном багаже всё же не явились гарантией надежного и не поддающегося конъюнктурным колебаниям совместничества. Неминуемо накапливались взаимные претензии и обиды, на которых активно играла турецкая агентура, стремящаяся втянуть ногайцев в противоборство со своим российским соперником. При этом неспособность части ногайской элиты адекватно оценить новые геополитические реалии, их непримиримость по отношению к российской власти привело к их вооружённому противостоянию с империей и в немалой степени ослабило подчинявшиеся им племена.

В 1780-х годах назрела ситуация, которую условно можно охарактеризовать как кризис в отношениях между немалой частью ногайского общества и российской властью. В таких условиях даже возник план переселить ногайские общества в «тыловые» районы империи, в Уральские степи. Под влиянием неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры империя пошла на применение силовых акций против «немирных» ногайских обществ, что привело к вооружённым столкновениям и многочисленным человеческим жертвам. Но в этом контексте диссертант подчеркивает, что при всей неоднозначности происходивших событий общая тенденция на сближение между ногайцами и российской державой в этот период не только сохранялась, но и укреплялась, что было обусловлено общностью экономических, политических и культурных интересов участников наметившегося исторического диалога.

Диссертант констатирует, что в первой четверти XIX в. российскими властями был успешно произведен процесс седентеризации приазовских ногайцев, что позволило взять под контроль земельный вопрос в регионе. Правда вызывает сомнения обоснованность исполь-

зования автором в данном контексте термина «прямое колониальное управление» [3] в отношении вводимых российскими властями систем административного управления ногайскими обществами в процессе их седентеризации. Как известно, в классическом виде подобная административная практика действовала, например, во французских колониях и являлась порождением системы колониализма, характерного в определенный период для ряда европейских стран. Но Россия, как держава континентального типа, не создавала колоний, а вела колонизацию иноэтничных прилегающих территорий, включаемых в состав государства. Разделяемая автором концепция российскости четко определяет данную колонизацию как административно-экономическую интеграцию окраин в единое государственное поле, а не паразитирование на экономическом потенциале захваченных стран. Впрочем, мы допускаем, что автор вкладывал в озвученный термин иной смысл.

По мнению диссертанта, раздражающим фактором во взаимоотношениях ногайских племен с российской властью в процессе седентеризации был вопрос землевладения и землепользования. В работе подчеркивается, что российское правительство пыталось не ущемлять земельных прав кочевых народов, но сама военно-политическая и экономическая обстановка в регионе в рассматриваемый период нарушала эти планы. Местная администрация нередко была вынуждена проводить изъятие пастбищных ногайских земель для казачьих военных линий, крестьян-поселенцев, колонистов, для создания в их лице социального фундамента российскости на Кавказе.

В поисках наиболее оптимальной модели управления и обеспечения ногайских обществ правительство попробовало даже превратить часть номадов в казаков. Но Ногайское казацкое войско, созданное по инициативе начальника ногайских орд в Таврической губернии, оказалась несостоятельным вследствие неумелого управления Баязет-бея и его стремления создания личного «княжества». В результате наиболее эффективной формой административного диалога между российским государством и рядом ногайских обществ оказался институт приставства, который позволял невооруженными методами разрешать возникающие спорные ситуации. Диссертант подчеркивает, что институт приставства стал эффективным инструментом управления новыми подданными империи и смог в рамках своих полномочий внедрить принципы российской государственности, гражданственности и лояльности самодержавным устоям. Более полувека институт приставства являлся связывающим звеном между имперской властью и ногайскими обществами, заложив основы для их интеграции в состав Российского государства.

Отвечая политическим запросам современности А.Т. Джумагулова не обходит стороной и болезненный вопрос мухаджирства. Исследовав обширный круг источников, автор делает аргументированный вывод о том, что мухаджирство ногайцев в 1857–1860 гг. не являлось следствием военно-политического поражения, а было обусловлено изменениями в социально-экономической жизни кочевников, наличием определенных религиозных предрассудков, архаичных родоплеменных связей и проводимой турецкими эмигрантами антирусской пропаганды. Хотя, по нашему мнению, вывод автора о том, что «отличительной особенностью ногайского мухаджирства от мухаджирства горского являлось то, что у кочевников оно не было следствием военно-политического поражения» [4] является несколько обобщенным. Как показывают факты, военно-политическое поражение стало прямой причиной для эмиграции в Турцию только для той части кочевников, которые в процессе вытеснения их из мест традиционного проживания сразу выходили к местам отправки. Но, например, значительная часть будущих эмигрантов решилась на этот шаг только после многолетнего проживания на равнинных территориях, выделенных им правительством для заселения. И комплекс причин, повлиявших на их мухаджирские устремления, идентичен тому, который диссертант перечислил для ногайцев. Главной причиной эмиграции, как верно отметил автор в своих выводах, был земельный вопрос, и он был болезненным в рассматриваемый период для всех групп населения региона — как тюркского, так и кавказского, и даже славянского. Жаль, что объем диссертационного исследования не позволил автору провести детальные сравнительные параллели причин и механизмов мухаджирства ногайцев и северокавказских кочевников (в первую очередь с территории Северо-Западного Кавказа) — на наш взгляд, в данных процессах было больше общего, чем отличного.

В целом в работе качественно анализируется процесс поиска российской администрацией наиболее эффективных способов управления и хозяйственного обеспечения ногайских обществ. По мнению автора, найденные правительством формы сосуществования ногайцев с окружающими их этноконфессиональными группами отличались явной компромиссностью, учетом хозяйственных и культурных традиций, менталитета. А.Т. Джумагулова особо подчеркивает, что в период интеграции к ногайским обществам российским правительством был проявлен принцип «государственного либерализма», что позволило сохранить за ними права, преимущества, вольности и уставы. Российские власти в исследуемый период избегали конфронтаций с традиционными обычаями иноземцев, пытаясь осуществить созидательное сосуществование в рамках единого государства. Таким образом, сохраняя традиционный образ

жизни, предоставляя населению защиту, правительство более гуманным способом решало поставленные задачи и добивалось успехов. Присоединение ногайцев к России обеспечило преодоление их замкнутости, политической раздробленности, обусловило включение в общероссийскую экономику и многонациональное культурное поле.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова» по адресу: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46. Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, режим доступа www.vak.ed.gov.ru, и на сайте ФГБОУ ВПО «СОГУ им. К.Л. Хетагурова», режим доступа www.nos.ru, 28 декабря 2015 г. Здесь и далее по тексту статьи нами используются цитаты из автореферата.
2. Указ. автореферат. С. 3.
3. Указ. автореферат. С. 24.
4. Указ. автореферат. С. 25.

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Г.Н. ВОЛЬНАЯ

(г. Владикавказ)

ПРЕДМЕТЫ ЗООМОРФНОГО ИСКУССТВА ИЗ ПАМЯТНИКОВ I ТЫС. ДО Н.Э. ТУАЛЬСКОГО УЩЕЛЬЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Археологические раскопки и разведки на территории Туалгома (Туальского ущелья), выявляют здесь памятники, датирующиеся начиная с эпохи энеолита. В I тыс. до н.э. население горных районов Северной Осетии, как так и много позже, занималось в основном отгонным скотоводством, охотой, рыболовством, террасным земледелием, керамическим и металлургическим производством. Раскопки Адайдонского могильника показывают, что в этот период на территории Туальского ущелья жили представители кобанской культуры. Начало I тыс. до н.э. характеризуется появлением здесь первых железных предметов и наступлением железного века, а в прикладном искусстве появлением новых образов животных и новых художественных приёмов.

Скульптурные изображения животных и предметы, декорированные их изображениями появились ещё в эпоху бронзы, однако расцвет зооморфного искусства происходит в эпоху раннего железа. В погребениях I тыс. до н.э. Адайдонского могильника, расположенного в Туальском ущелье, были найдены бронзовые предметы, украшенные изображением животных: топор с гравированным изображением змеи (рис. 2, 1); кинжал со скульптурными изображениями пары всадников на конях (рис. 1, 4–4а); псалии со скульптурными окончаниями в виде головы хищника (рис. 1, 5); фибула с изображением фигурки хищника (рис. 2, 4–4а); две кружки с зооморфными ручками в виде протома хищника (рис. 2, 2-3); навершие посоха в виде протома быка (рис. 1, 1); когтевидная привеска (рис. 2, 3) [1]. В с. Лисри этого же ущелья была найдена скульптурная привеска в виде фигурки тура (рис. 1, 2) [2].

Предметы зооморфного искусства Туальского ущелья отличаются общие художественно-стилистические особенности, свидетельствующие об их принадлежности к центральному варианту кобанской культуры.

Для изображений хищников, как в плоскостных изображениях, так и на объёмных, характерны открытая пасть, расширение носа,

длинная выгнутая шея, выпуклые надбровные дуги, торчащие листовидные уши, небольшие круглые глаза. В контуре туловища хищников прослеживается S-видная линия или её зеркальное отображение. В плоскостных изображениях тело хищников покрыто рядами пуансона или ёлочного орнамента.

Судя по вытянутой морде хищных животных на предметах из Адайдонского могильника (рис. 1, 5; 2, 2–4, 4а), там изображены хищники семейства псовых: волк или собака. Однако хвост изображён длинным тонким, конец которого направлен вверх, как у кошачьих хищников. Скорее всего, это обобщённый образ хищника.

Фигурка хищника на фибуле (рис. 2, 4а) с повёрнутой назад мордой аналогична изображениям хищников на топорах из погр. 432, 362, 374, 462 Тлийского мог. IX–VIII вв. до н.э. [3], погр. 432 с железным кинжалом VII в. до н.э. [4] и Кобанского могильника [5], а также на фибулах из Тлийского могильника из погр. 345, 358 [6], которые датируются В.И. Козенковой периодом Кобан III – классический (началом второй половины X – началом VII в. до н.э.) [7]. Б.В. Техов датирует фибулы с такими изображениями VIII–VI вв. до н.э. и отмечает, что они встречаются в мужских погребениях [8].

Другим предметом являются кружки из бронзового листа из Адайдонского могильника с литой ручкой в виде протомы хищника (рис. 2, 2–3). Зооморфное оформление ручек не только бронзовых, но и керамических сосудов было широко распространено на территории Северного и Центрального Кавказа. Аналогии таким предметам встречаются в могильниках Верхняя Рутха [9], Кобанский, Тлийский, Терезе [10], Жемталинском кладе, в погребальных комплексах Садзегури, Канчаети и Казбеге. Е.И. Крупнов датировал аналогичные сосуды Жемталинского клада VIII в. до н.э. [11]. Аналогичные бронзовые кружки Тлийского могильника происходят из комплексов VII–VI вв. до н.э. Такие бронзовые кружки с зооморфными ручками сосредоточены в горах Центрального Кавказа по обе стороны от Главного Кавказского хребта [12], в качестве кавказского импорта они попадают и на территорию скифских памятников степной зоны России и Украины.

Изображения голов хищников на концах псалив из гробницы 37 с воинским захоронением Адайдонского могильника (рис. 1, 5) [13] находят аналогии среди предметов центрального варианта кобанской культуры. Аналогично им оформлена морда хищного животного на деревянной фигурке с крышки шкатулки могильника Гастон Уота IV в. до н.э. [14], на бронзовых навершиях жезлов из Тлийского могильника [15], на бронзовых пряжках из Кобанского и Тлийского могильников [16], на бронзовых булавках из Тлийского могильника [17].

Что касается S-видной формы псалиев, то известно, что с конца VI–V вв. до н.э. распространился новый тип псалиев — двухдырчатые, — связанные с иной системой крепления с удилами и, вероятно с иным типом узды. Одними из наиболее распространенных псалиев в V–IV вв. до н.э. были S-видно изогнутые псалии [18].

Аналогичные фрагменты биметаллических S-видных псалиев с бронзовыми окончаниями в виде головок хищника известны из Гюэноса в Абхазии (уздечные наборы лошадей 1977 г. и 1984 г., лошадь 2) [19].

Образ хищника в Адайдонском могильнике представлен также когтевидными привесками. Аналогичные привески были найдены в Кобанском могильнике [20], в гробнице 2 могильника Терезе [21]. Такие предметы известны в кавказской коллекции Казанского университета, которую передала музею П.С. Уварова (АКУ №57) [22], в северокавказской коллекции из Национального музея истории Украины из (№ 52538). В.И. Козенкова датирует такие предметы периодом Кобан III – классический (начало второй половины X – началом VII в. до н.э.).

Хищники изображены на предметах, связанных с воинско-всаднической атрибутикой (псалиях), а также на предметах быта (бронзовых кружках), элементах костюма (фибулах). Возможно, изображения хищников на этих предметах служили апотропеями.

Для изображений копытных животных: фигурки тура, голова барана (рис. 1, 1–2, 4а) из памятников Туалгома этого периода присуща коническая морда, утрированно крупные рога, листовидные уши по бокам, шерсть животных в виде ёлочки.

Для изображения фигурки тура (рис. 1, 2) характерно изображение шерсти в виде косичек [23]. Две фигурки барана также с шерстью из косичек найдены в Дзарцемском могильнике VII–VI вв. до н.э. в Южной Осетии [24]. Три таких фигурки были найдены в Кобанском могильнике и входили в собрание А.С. Уварова [25], Государственного исторического музея [26], Государственного Эрмитажа (ГЭ) [27] и коллекцию К.И. Ольшевского проданного им Археологической Комиссии [28].

Копытные животные (козлы, олени, быки) и из изображения играли важную роль в культовых церемониях представителей кобанской культуры. Их изображения использовали на навершиях ритуальных посохов. Посох в виде полуфигурки быка из Адайдонского могильника (рис. 1, 1) имеет три наиболее близкие аналогии из погр. 231, 385 Тлийского могильника [29], из с. Рутха-Тиг (Берлинский музей) [30], из могильника Гастон Уота [31]. Аналогично оформлены навершия посохов в виде полуфигурок оленя из Камунты и со ст. Казбек [32]. Такие навершия по аналогиям датируются серединой I тыс. до н.э.

Копытные из Туалгома представлены скульптурными привесками с петельками или отверстиями и навершиями жезлов. На предметах иного функционального назначения кроме привесок и посохов они не встречаются. Бронзовые фигурки животных в рассматриваемый период встречаются не только в погребениях, но и в различных святилищах в Дагестане (Дидо, Ретло), в Северной Осетии (св. Реком) и др. Возможно, их использовали для имитации реальных животных в обряде жертвоприношения при этом, рогам и шерсти животных придавалось особое значение в изображении,

На лезвиях топора из Адайдонского могильника помещено изображение змей (рис. 2, 1). Туловище змей изображено извивающимся, покрыто пуансоном, голова треугольная с двумя круглыми глазами средних размеров, хвост в конце утончается. Топоры с аналогичными изображениями найдены в Кобанском могильнике [33], пог. 385 Тлийского могильника [34]. Рамки, повторяющие контур топора и двойные зигзаги позволяют датировать этот топор четвёртым хронологическим периодом по А.Ю. Скакову [35], В.И. Козенкова относят топоры с такими изображениями к периоду Кобан III — классический, который датируется началом второй половины X — началом VII в. до н.э. [36].

Адайдонский кинжал изображает двух конных всадников, расположенных рядом (рис. 1, 4–4а) известны на обухе бронзового топора из с. Сулори (VIII–VII вв. до н.э.), на бронзовом навершии из с. Кубачи (V в. до н.э.), на бронзовой «эгретке» из Бомборской поляны (V–IV вв. до н.э.), на бронзовом навершии с колокольчиком со ст. Казбек, где кони с всадниками повёрнуты в противоположные стороны (V в. до н.э.). Известны аналогичные изображения на бронзовых эгретках, одна из них хранится в Национальном музее истории Украины [37], другая найдена одна на Бомборской поляне. Изображения аналогичных всадников встречается на золотых привесках из Вани, могильник Сазонкин бугор в Нижнем Поволжье. Скульптурные изображения парных всадников характерны для античного времени для Западного Закавказья. Привеска из могильника Сазонкин бугор схожа с привеской из Вани и, несомненно, является колхидским импортом [38].

Предметы с изображением двух всадников, расположенных параллельно друг другу, в основном связаны с территорией древней Колхиды, откуда происходит 5 предметов, кроме того, здесь известно 2 предмета с изображением парных фигурок лошадей без всадников на бронзовом топоре из Гудауты (VIII–VI вв. до н.э.) [39] и золотой подвеске из Ахалгори (IV–III вв. до н.э.) [40] и окрестностей Гудауты. С территории Северного Кавказа известно лишь 3 предмета с пар-

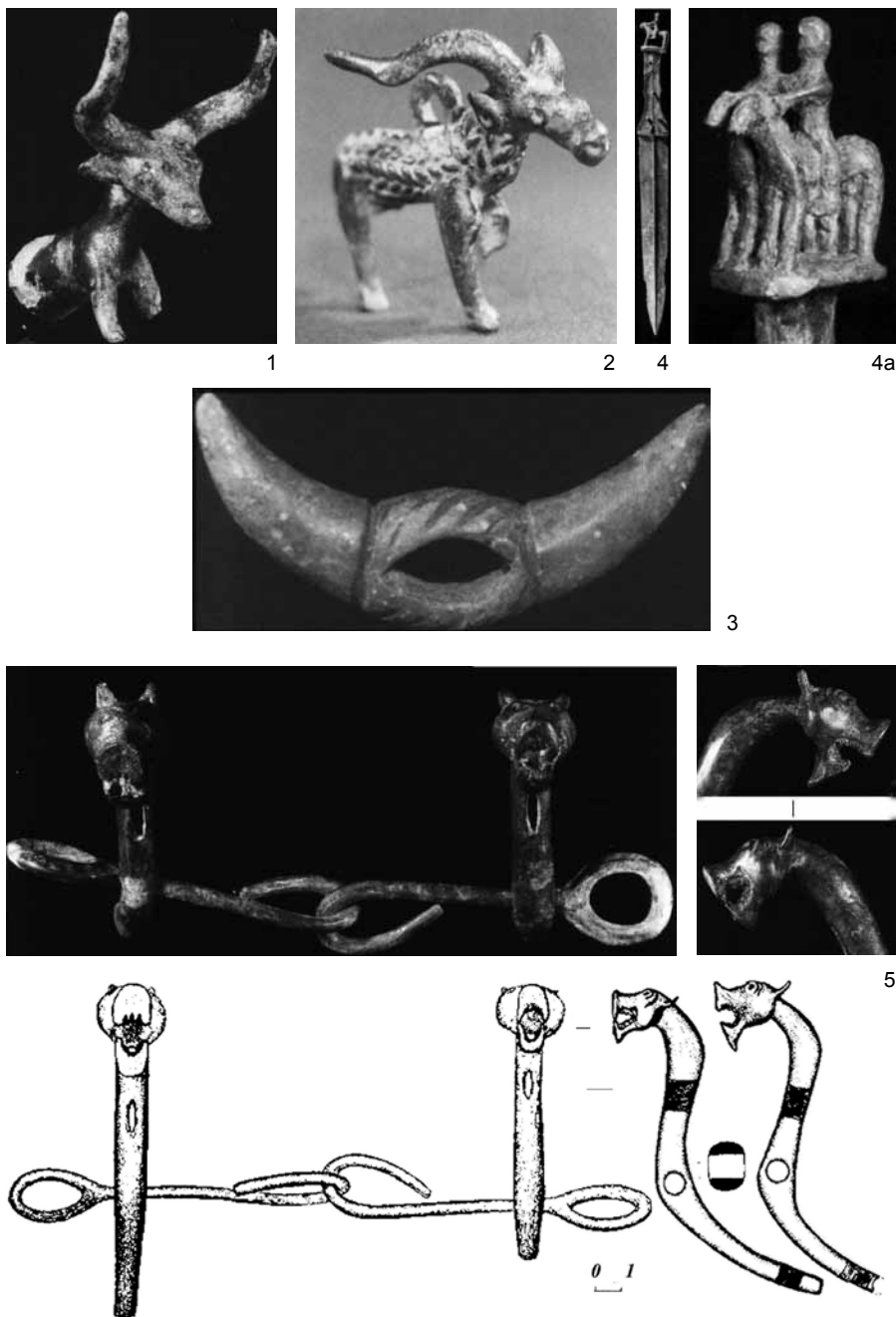

Рис. 1.

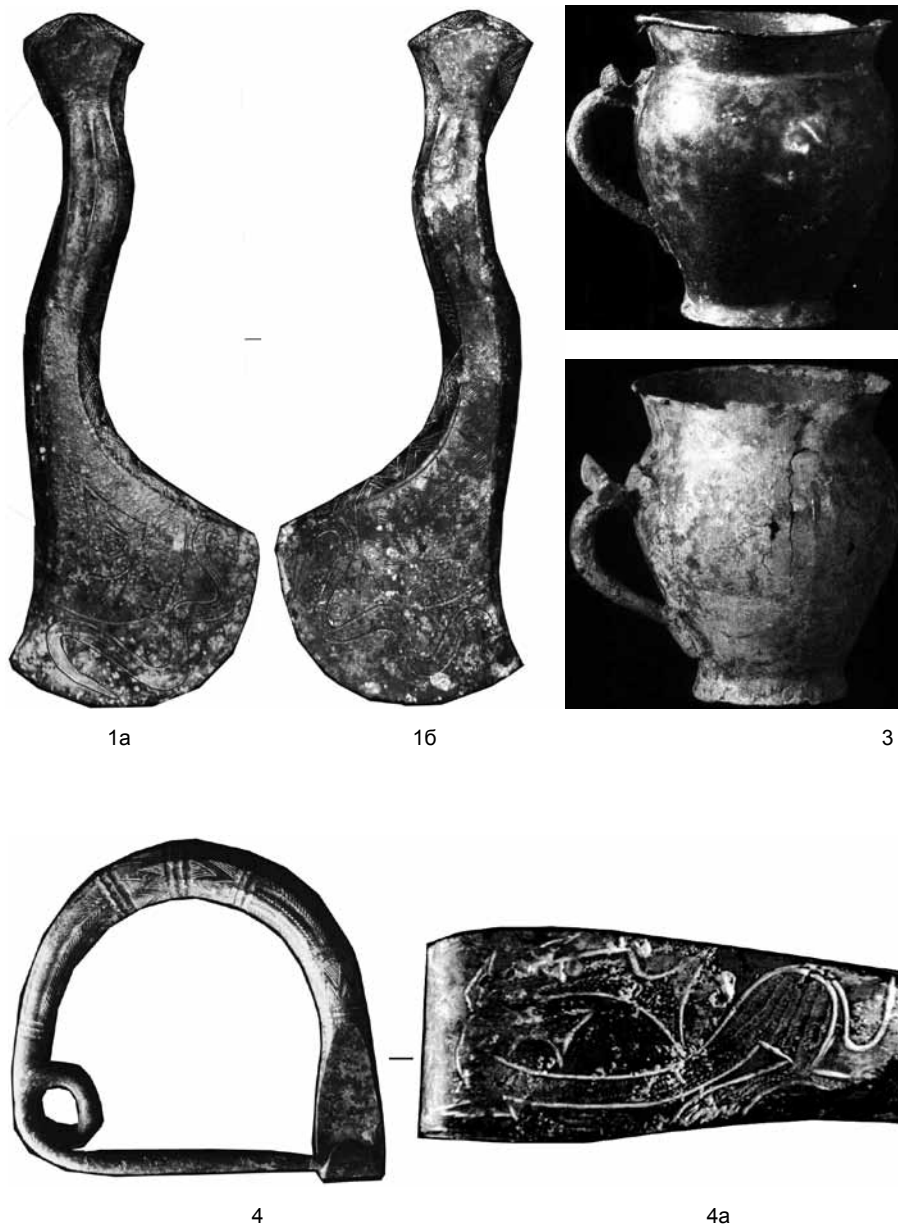

Рис. 2.

ным изображением всадников на конях (могильник Адай, ст. Казбек, с. Кубачи)¹.

Композиция, изображающая двух всадников на конях расположенных параллельно, известна также на бронзовых луристанских псалях VIII в. до н.э.

Изображение двух конных всадников на топоре можно связать с отражением близнечных культов и может осмысляться через призму мифологии местного населения. В нартовском эпосе осетин встречаются братья-близнецы Ахсар (Хсар) и Ахсартаг (Хсартаг) [41].

Рассмотренные выше предметы характерны для центрального варианта кобанской культуры. Зооморфные предметы свидетельствуют о хозяйственных занятиях связанных со скотоводством, охотой, рыболовством, они являются социальным индикатором древнего общества.

Аналогии предметам из Адайдонского могильника Туалгома обнаружены по обе стороны Главного Кавказского хребта. Это свидетельствует о том, что в I тыс. до н.э. территория Туалгома находилась на путях, которые соединяли территорию Северного Кавказа и Закавказья. Наиболее близкий путь, соединявший центры кобанской культуры (с. Кобан и с. Тли) проходил через территорию Туалгома, при этом наиболее удобными перевальными путями могли быть Збийский и Рокский перевал. Жителям Наро-Мамисонской котловины для перемещения на Южный склон Главного Кавказского хребта удобно было также использовать перевалы Бахфандаг, Дзедо, Зекарский, Кударский, Козский, Мамисонский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сокровища Алании. М., 2011. Ил. 42, 43, 57, 63, 78,82 а,б, 83, 86, 87.
2. Кобанская бронза. Каталог музея. Орджоникидзе, 1984. С. 4. Фото 3.
3. Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 32, 1; 104; 127, 6; 50, 1; Табл. 50 а.
4. Там же. Таб. 104, 1, 104 а.
5. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. № 8. М., 1900. Таб. V, 3.
6. Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 12, 8; 28, 7; 152, 3; 131, 7; 133, 6; 134, 6.
7. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке: (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. Рис. 36, 58.
8. Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. С. 249–250.
9. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. № 8. М., 1900. С.196.

1 Парное изображение всадников было опубликовано в свое время Е.Е. Кузьминой (Кузьминой Е.Е. Навершие со всадниками их Дагестана // СА. 1973. № 2. С. 178–190. – Ред.).

10. Козенкова В.И. Могильник Терезе. Конца XII–VIII вв. до н.э. М., 2004. Рис. 83, 1.
11. Крупнов Е.И. Жемталинский клад. М., 1952. С. 28. Табл. II, 2, 3, 5–7, Табл. IV, VI. Рис. 1.
12. Там же. С. 32; 12. С. 73–76; 10. С. 33–34.
13. Чшиев Х.Т. Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифского-раннескифского времени Северной Осетии // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный – Москва, 2011. Рис. 3, 1–3.
14. Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII–VI вв. до н.э. М., 2006. Рис. 40, 1; По музеям университета. Казань, 2002. С. 49.
15. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977. Рис. 106, 14; 16. Рис. 53.
16. Техов Б.В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006. Рис. 46, 1, 8.
17. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977. С. 12–13.
18. Полидович Ю.Б. Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Археологический альманах, № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004. С. 153.
19. Эрлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии // Вестник древней истории. 2004. № 1. Рис. 1, 2–3; 2, 4.
20. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке: (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. Рис. 36, 21.
21. Козенкова В.И. Могильник Терезе. Конца XII–VIII вв. до н.э. М., 2004. Табл. XII, 8–9.
22. По музеям университета. Казань, 2002. С. 49.
23. Кобанская бронза. Орджоникидзе, 1984. С. 3.
24. Сланов А.Х. Железный век на территории Южной Осетии. Цхинвал, 1989. Сокровища Алании. М., 2011. XV, Рис. 1, 10–11.
25. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. № 8. М., 1900. Табл. XXXV, 9.
26. Там же. Табл. XXXVII, 8.
27. Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984. Ил. 104; 1. С. 22.
28. Фотоархив Института истории материальной культуры (ИИМК). Дело Q503.4. № 197.
29. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977. Рис. 108, 1–2; Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 60, 4;
30. Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska. Der Digorische formenkreis Der Kaukasischen bronzezeit. Berlin: Museum für Vor-und Frühgeschichte, 1996. Abb. 3.
31. Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII–VI вв. до н.э. М., 2006. Рис. 38, 4.
32. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. № 8. М., 1900. Табл. CXXII, 4.
33. Там же. Табл. III, 2.
34. Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 385.
35. Скаков А.Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 27–128.
36. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке: (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. Рис. 36, 6–7.
37. Gold aus Kiew. Wien, 1993. Taf. XX.
38. Трейстер М.Ю. Колхидские ювелирные изделия V–IV вв. до н.э. за пределами Колхиды // Древности Боспора. Т. 12. II. М., 2008. С. 513, 516.
39. Лукин А.Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л., 1941. С. 49–50.
40. Lordkipanidze O. Archäologie in Georgien. Weinheim, 1991. Taf. 34, 1–2, 1a.
41. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Владикавказ, 1994. С. 33.

С.Н. САВЕНКО

(г. Пятигорск)

К ВОПРОСУ О ЖЕНСКОМ СКИФСКОМ ИЗВАЯНИИ В СОБРАНИИ ПЯТИГОРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

С 2010 года в вестибюле Пятигорского краеведческого музея оформился особый экспозиционный комплекс, включающий ряд крупногабаритных каменных экспонатов археолого-этнографического характера. Среди них, в частности, выделяется высокое каменное изваяние, представляющее собой скульптуру с женскими признаками пола. Она располагается слева от бетонной лестницы на площадку, ведущую на второй этаж. Это одна из каменных баб, имеющая длительную и интересную судьбу.

В музей этот экспонат поступил 27 февраля 1932 года, о чем свидетельствует запись, сделанная Н.М. Егоровым во второй ранней книге поступлений [1]. Каменная баба стояла в ст. Боргустанской в 5 квартале у силосной ямы. Перевезена в музей в декабре 1931 г. жителем станицы В.П. Николаевым. В записи указаны материал (желто-серый песчаник), размеры: высота 2 м 85 см, ширина — 45 см. Отмечалось также, что изваяние примитивно. На его шее имеет украшение в виде ожерелья, руки сложены на животе. В описании приводилась и легенда, связанная со скульптурой, записанная тогдашним директором Пятигорского музея Л. Якуценей.

Со слов 65-летнего сына местного атамана Нелипы, скульптура была привезена в станицу 90 лет тому назад, его отцом. Таким образом, он хотел отомстить неприятелю, от которого потерпел поражение. До этого изваяние находилось в 20–25 км от Боргустанской станицы в районе аула Кумско-Лоовского. Когда баба была установлена на станичной земле, казаки, уходившие на сражение, собирались возле нее и устраивали пирушки, угощали при этом и изваяние, выливая на него ведро водки. После революции у бабы собиралась молодежь. Когда стацию увозили в музей, многие старухи станицы жалели об этом и расставались с ней со словами: «Прощай, каменная баба».

Рассматриваемую каменную бабу описал и В.М. Сысоев во время археолого-краеведческих разведок в Верхнем Прикубанье летом 1895 года. Он указал, что «...В станице Боргустанской... на углу одной из улиц стоит каменная баба высотой около 1 сажени из песчаника толщиной $\frac{1}{2}$ – $\frac{3}{4}$ аршина. Отделана только передняя сторона и голова со

слабо выделенным кругом ее толстым ожерельем... Передняя сторона имеет овальное лицо (очень избито), ожерелье, груди, руки, сложенные на животе, причем левая рука выше правой, ниже рук идет какой-то поясок, далее слабо отмечены ноги. В руках, по-видимому, нет ничего. Баба эта, как говорят, найдена в 1870 году близ Лоовско Кумского аула» [2].

Когда музей в 1930-е гг. находился в здании Верхних Пушкинских ванн, статуя была установлена возле входа, о чем свидетельствует фотография с делегатами краевого музейного съезда этого периода (рис. 1-А). Затем статуя несколько была перемещена вдоль здания ванн, где и простояла до начала 1960-х годов (рис. 1-Б). В 1961 г. ПКМ занял нынешнее помещение на ул. Бернардацци, куда после демонтажа была перевезена и «пушкинская» каменная баба.

Краткие сведения о статуе приводила Т.М. Минаева в работе о половцах и каменных бабах половецкого времени на Ставрополье [3]. Это обстоятельство указывает, что исследовательница относила изваяние к половецкому времени, что вряд ли оправдано. В своде С.А. Плетневой, в котором приводятся данные о половецких изваяниях из Пятигорска и Пятигорского краеведческого музея, рассматриваемая статуя не учитывается [4].

Следует привести некоторые дополнительные данные об экспонате и внести уточнения. Материал статуи — серый — светло-серый плотный известковый камень. Высота фигуры — 215 см, ширина в плечах — 45 см. Размеры подпрямоугольного в сечении бруса скульптуры на уровне бедер — 50 × 36 см, постамент — 55 × 33 см. Голова крупная, высотой 50 см, шириной 35 и толщиной — 30 см. Плоское овальное лицо — 40 × 30 см. Признаки пола подчеркнуты (рис. 2). Изваяние обладает чертами скифских изваяний. Особенно характерным элементом является рельефная овальная в сечении гривна на шее (рис. 1-В). Подобный элемент присутствует на образцах скифского времени, в том числе и найденных на Кавминводах кисловодских изваяниях 1 и 2 [5]. Близки к скифским изваяниям и общее структурное решение представляемой статуи, и трактовка головы, и изображение рук.

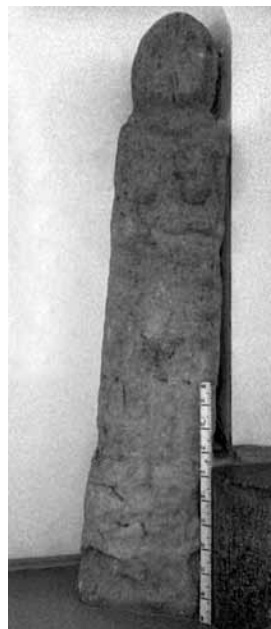
Женские фигуры и изображения в скифский период были исключительно редкими. Так, в сводах и обобщающих статьях о скульптуре скифского времени Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа, подготовленных и опубликованных В.С. Ольховским, или с его участием, женские образы фактически не выделяются [6 и др.]. Возможно, в дальнейшем данные о них появятся, но пока экспонат Пятигорского музея может заслуженно относиться к числу раритетов собрания.

А

Б

В

- А.** Изваяние у входа в верхние Пушкинские ванны в Пятигорске. Фрагмент фото середины 1930-х годов.
- Б.** Изваяние возле стены Пушкинских ванн. Фото конца 1950-х годов.
- В.** Изваяние в вестибюле Пятигорского краеведческого музея. Фото 2015 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Книга поступлений 1931–1942 гг. №6444 / Пятигорский краеведческий музей. Оф. 34562.
2. Сысоев В.М. Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. // МАК. Выпуск VII. М., 1898. С.131.
3. Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Выпуск 11. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1964. — С.182–183.
4. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. САИ, В. 4–2. — М.: Наука, 1984. С.102.
5. Ольховский В.С. К изучению скифской скульптуры Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. Вып. 4. М.; Армавир. 1998. С. 29–36.
6. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.: ИА РАН, ИА АНУ, 1994.

С.Л. ДУДАРЕВ
(г. Армавир)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АТРИБУЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО АРТЕФАКТА

(о скифском женском изваянии из Пятигорского музея)

Выступить с комментариями по поводу публикации С.Н. Савенко скифского каменного изваяния нас побудила не редкость этого артефакта, как памятника эпохи раннего железа, подобных которому, как справедливо сообщает автор, не известно в авторитетных сводах и обобщающих исследованиях специалистов [1]. Сугубо археологические аспекты изучения этого интересного памятника монументальной скульптуры еще впереди. Привлекло, бесспорно, то, что он, спустя многие века после своего появления в результате деятельности древних мастеров, продолжал выполнять роль некоего ритуального атрибута у населения, которое не имело никакой прямой преемственности с теми людьми, которые его изготовили и воздвигли. По словам В.М. Сысоева, научно зафиксировавшего изваяние в 1895 г. в станице Боргустанской (оно, как водится, получило у местного населения наименование «каменная баба») этот памятник был найден в 1870 г. близ Кумско-Лоовского аула. Ничего о том, почему он оказался перевезенным оттуда в станицу (подобными транспортировками занимались и занимаются, как правило, научные, музейные работники, но никак не сельское население) не сообщалось. Ключевой информацией, проливающей свет на незаурядную судьбу памятника являются следующие сведения, сообщаемые издателем стелы (см. выше его статью). Приведем их специально: «Со слов 65-летнего сына местного атамана Нелипы, скульптура была привезена в станицу 90 лет тому назад, его отцом. Таким образом, он хотел отомстить неприятелю, от которого потерпел поражение. До этого изваяние находилось в 20–25 км от Боргустанской станицы в районе аула Кумско-Лоовского». С какого момента следует отсчитывать указанные 90 лет? Стела была, согласно С.Н. Савенко, перевезена в музей в декабре 1931 г. жителем станицы В.П. Николаевым. Таким образом, похищение статуи казаками у жителей аула произошло в начале 1840-х гг., т.е. в период разгара т.н. Кавказской войны, когда между противоборствующими сторонами, в данном случае казаками и горцами, происходили военные столкновения. В результате одного из них казаки из ст. Боргустанской потерпели неудачу от жителей Кумско-Лоовского аула. Станичный атаман, в качестве мести за проигрыш в бою, инициировал... похищение древнего изваяния, стоявшего у аула.

Причем, сама операция по изъятию местного раритета была, видимо, не так проста, как кому-то может показаться. Каменный «столп» высотой почти 3 метра и немаленького веса нужно было выкопать из земли, погрузить на телегу и быстро увезти в безопасное место. «Детективная» история, очень похожая на байку, забавный вымысел. Зачем казакам понадобилась какая-то «каменная баба», стоявшая на земле противника? Но так ли все нелепо и курьезно? Вот что сообщает С.Н. Савенко далее: «Когда баба была установлена на станичной земле, казаки, уходившие на сражение, собирались возле нее и устраивали пирушки, угощали при этом и изваяние, выливая на него ведро водки. После революции у бабы собиралась молодежь. Когда статую увозили в музей, многие старухи станицы жалели об этом и расставались с ней со словами: «Прощай, каменная баба». Другими словами, «баба» стала неким центром общественной жизни у станичников — сначала являясь атрибутом воинских ритуалов казаков, а затем, после прекращения военных действий и «демилитаризации» жизни — местом собраний молодежи.

Логично предположить, что некую аналогичную роль изваяние играло и у жителей Кумско-Лоовского аула, абазин. Сам по себе этот факт, при всей его явной экзотичности, говорит, тем не менее, о многом. Дело в том, что наличие антропоморфных изваяний различных времен — от древности до средневековья — было характерно для историко-культурного ландшафта различных географических зон Центрального Предкавказья. В этом смысле, очень характерными являются соседние с Пятигорьем районы Верхнего Прикубанья и Кабардино-Балкарии [2; 3]. Подобные изваяния, как отмечают авторы, сильно пострадали в период исламизации края, а также в годы «Кавказской войны» [3]. Учитывая указанные факторы, сохранность скифской статуи из Кумско-Лоовского аула, которая не стала жертвой ревнителей ислама (антропоморфные и любые другие изображения живых существ, в принципе, противоречили культовой практике ислама тех времен, хотя история знает и целый ряд исключений в этой сфере) [4], указывает на сохранение жителями аула некоторых черт прежних, доисламских верований и культовых предпочтений. О переживании таковых у горских народов не только в XIX в., но и вплоть до настоящего времени, свидетельствуют данные археологии и этнографии [5]. Вполне вероятно, что древнее антропоморфное изваяние могло ассоциироваться у местных жителей с культом предков, являвшихся одним из самых основных у автохтонного населения. Изображенный персонаж мог быть воплощением идеи полубожественного первопредка, солярного героя и т. п. Его космическое измерение вполне объяснимо. Такие мифологические персонажи, олицетворенные в конкретном изваянии, являлись посредниками между социумом и вы-

спими силами, были связаны с моделью мира своей культуры, являясь одновременно и структурирующей точкой окружающего пространства [6]. Одновременно, статуи, имеющие фаллический изоморфизм, как и в случае с рассматриваемой статуей, побуждают вспомнить о том, что среди горцев в древности и средневековье было распространено почитание фаллообразных памятников, связанных с культурами плодородия, [7]. Эти культы существовали среди горского населения вплоть до XX в. (один из подобных памятников стоял возле ингушского селения Кок до конца 1920-х гг.). Возможно, что изваяние Кумско-Лоовского аула могло напоминать горцам-мусульманам об элементах старинных верований, представления о которых стойко держались в специфической местной среде, с присущим для нее синкретизмом идеологических представлений («этнизированный» ислам). Н. Н. Великая отмечает, что «несмотря на то, что мусульманское духовенство вело активную борьбу с пережитками более ранних религиозных верований, у карачаевцев стойко сохранялось почитание деревьев, *камней* (выделено нами. — *Авт.*) и пр., вера в духов-покровителей определенных мест» и т. д. [8]. Возможно, что отголоски древних культов плодородия, камней, память о героизированных предках способствовали сохранению данного и подобных изваяний местным населением. Изваяния, в том числе, кумско-лоовское, в отдельных случаях могли быть эпицентрами местных ритуальных действий, которые сохранялись вплоть до XIX в. Но если отношение кавказцев к статуе, которая могла ассоциироваться у них (несмотря на мощное влияние исламских практик) с миром почитаемых предков, можно понять, то почему такой незаурядный интерес, подвигнувший казаков на рискованное, да и хлопотное, предприятие, возник в этнической среде, не имевшей, как будто, генетических связей с миром Кавказа?

Новейшие исследования компетентных историков-кавказедов убедительно показывают глубокие этно-генетические и культурные связи терского казачества с горцами [9], военизированная культура которого оказала на казаков неизгладимое воздействие. Но культ предков, который отразился в погребальной обрядности казачества, не требовал, в принципе, использования атрибутов, вроде рассматриваемой статуи. Причины похищения статуи могут заключаться, на наш взгляд, в следующем. Она могла рассматриваться жителями Кумско-Лоовского аула как некий оберег для всего коллектива, священный символ, связывающий с предками-хранителями. Казаки, похищая статую, решили лишить горцев их освященного временем и традициями символа «благополучия» и стабильности. Подобная практика «увоза» священных изображений, в том числе, статуй богов, характерна для доиндустриальных обществ (казаки по своей ментальности все еще принадлежали именно к

таким социумам). Так, например, в 689 и 646 г. до н.э. ассирийцы при разгроме соответственно Вавилона и Суз, увезли с собой все статуи богов. Так же поступило эламское войско, унеся статуи богов из храма в г. Сипшаре (675 г.) [10]. Но затем, после доставки статуи в станицу Боргустанскую, изваяние, изменив локализацию, не «изменило», по-видимому, своих функций. Оно, возможно, стало для казаков тем же, чем было у горцев, т.е. «оберегом» (фетишем), которого нужно было «умилостивить» (иначе, зачем было выливать на статую ведро водки?), и приобрела роль атрибута в казачьих воинских ритуалах («посылавшего» удачу в сражениях?), которые, насколько нам известно, также прежде не требовали таких необычных аксессуаров. По-видимому, мы сталкиваемся с культурной инновацией, которая возникла у боргустанского казачьего сообщества в результате соперничества с соседями-горцами. При этом православная принадлежность казаков нисколько не противоречила такой экзотичной практике. Автору этих строк доводилось в 2008 г. видеть в хут. Глубоком (округа г. Армавира) на православных похоронах черты ритуала, восходившие к древнейшим практикам магизма [11]. Они ярко характеризуют собой феномен «бытового православия», который оказалась не в состоянии победить даже эпоха постмодернизма. Окончательная оценка высказанной нами версии будет зависеть как от оценок специалистов-этнографов, так и новых научных данных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например.: Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. Ин-т археологии РАН. М.: Наука, 2005. 299 с.: 156 ил.
2. Головлев А. А., Дударев С. Л. Средневековый памятник на туристской тропе // Шестнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). Армавир: АГПА; Графа, 2011. С. 27–30; Атабиев Б.Х. Изваяния ранних кочевников из Кабардино-Балкарии // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С.181–196.
3. Атабиев Б.Х. Указ. соч. С.181.
4. Подробнее на эту тему см.: Лекции по истории средневекового Востока / под ред. С.Л. Дударева. Армавир: Дизайн-студия Б, 2015. С. 58–59.
5. Великая Н.Н., Дударев С. Л., Ктиторов С.Н., Цыбульникова А.А. Этноконфессиональная ситуация на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России (конец XVIII – начало XXI века): монография. Армавир: Дизайн-студия Б, 2015. С. 11–140.
6. Головлев А. А., Дударев С. Л. Указ. соч. С. 28–29.
7. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 47; Шапиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М.: Мол. Гвардия, 2003. С. 347; Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975. С. 149–150.
8. Великая Н. Н. Исламизация Северного Кавказа (VII–XIX вв.). М.: РИЖ, 2009. С. 92.
9. Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период. Ставрополь: Ставролит, 2012. 300 с.;

- Великая Н.Н., Белецкая Е.М. Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в до-революционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). Армавир: АГПА, 2014. 232 с.
10. История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй / под ред. А.В. Седова. М.: Вост. лит., 2004. С. 367, 385, 391.
 11. Великая Н.Н., Дударев С.Л., Ктиторов С.Н., Цыбулькинова А.А. Указ. соч. С. 133. Прим. 468; Дударев С.Л. К вопросу о пережитках дополиитеистических верований на Северном Кавказе в XX – начале XXI в. // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы 17 Всероссийской межвузовской конференции. Армавир, 2010. С. 7–8.

С.Л. ДУДАРЕВ

(г. Армавир)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ АДЫГЕЙ

Древности «Долины яблонь».

Каталог выставки. — М.: ГМВ, 2014. — 144 с.; ил.

Настоящее издание представляет собой каталог выставки «Древности «Долины яблонь», проведенной в Северо-Кавказском филиале Государственного музея Востока Российской Федерации в г. Майкопе (Адыгея) с 5 ноября 2014 г. по 10 января 2015 г.

Он начинается краткой историей археологических исследований в окрестностях г. Майкопа, в которой выделяется несколько периодов, охватывающих вторую половину XIX в. – начало XXI в. Материалы, представленные на выставке, относятся к последнему, четвертому периоду (2011–2013) и получены в результате раскопок археологов Севе-

рокавказской экспедиции Государственного музея Востока (г. Москва) и ООО «Культурное наследие».

Эпоха бронзы представлена на выставке находками новосвободненской стадии майкопской культуры (или особой новосвободненской культуры) IV тыс. до н.э и северокавказской культуры (культурно-исторической общности) (III тыс. до н.э.) из курганов 1 и 2 могильника Синюха, а также кургана 1 археологического комплекса Псенафа. Второй курган могильника Синюха примечателен интересными деталями погребального обряда обеих основных погребений (восемь молодых бычков на деревянном перекрытии могильной ямы; форма могильной ямы с галечной обкладкой в виде «ванночки»). В насыпи этого кургана обнаружено погребение с «флажковидным» наконечником стрелы, характерным для майкопской культуры, и указывающим на параллельное существование двух указанных культур на определенном этапе. В одном из мужских погребений комплекса Псенафа найдена уникальная для этого региона каменная шаровидная булава и серебряное височное кольцо в один оборот, что указывает на статус покойного как вождя или военачальника. В других погребениях того же комплекса найдены разнообразные украшения из серебра, бронзы и костей рыб. Самые поздние экспонаты эпохи поздней бронзы происходят с поселения Деметра (конец II – начало I тыс. до н.э.). Это крупные сосуды типа чана и корчаги, ценны тем, что характеризуют культуру, на основе которой формировался культурный комплекс протомеотов Кубани раннежелезного века.

Меотская археологическая культура представлена в каталоге материалами поселения Псенафа. Оно интересно элементами своей инфраструктуры (дренажная траншея, выполнявшая роль ливневой канализации; колодец-цистерна). Находки артефактов (керамические грузила ткацких станков, пряслица, железные ножи, шило, точильные камни), а также остеологический материал (кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней, рога и кости оленя) указывают на хозяйственные занятия и промыслы древних жителей. Обломки амфорной тары позволяют определить время поселения IV в. до н.э. – II в. н.э. Упомянутый выше курган 1 комплекса Псенафа продолжал использоваться в меотское время. В верхней части его насыпи было обнаружено более 250 жертвенных комплексов. В них входили останки животных — боевых коней в сопровождении уздечных принадлежностей (удил, псалиев) и быков; специально разбитые сосуды для ритуальных возлияний, преднамеренно испорченное оружие: наконечники копий, дротиков, мечи и кинжалы, детали доспеха (шлем); зеркала, пряслица, бусы и подвески. Вершина кургана была свободна от приношений и являлась, вероятно, сакральным центром поселения Псенафа. Начало функционирования указанно-

го святилища датируется IV в. до н. э., конец – I в. н. э. На периферии курганной насыпи исследован могильник меотской эпохи. Умершие имели преимущественно южную ориентировку и вытянутое положение, сопровождалась захоронениями лошадей. В инвентарях могил: местная лепная меотская керамика, привозные сосуды — амфора и утвари для благовоний, стеклянные скифосы малоазийского производства, бронзовая посуда: тазы, фрагменты котла и итальянской сковородки с ручкой, оканчивающейся головой барана; предметы вооружения — наконечники копий и дротиков (более 100), мечи и кинжалы, бронзовый шлем, бронзовые и железные удила и псалии, бронзовые зеркала различных типов, украшения из золота, серебра, бронзы (гривны, браслеты, налобный венчик, серьги, височные подвески, фибулы-броши и т. п.). Среди них особенно выделим проволочную фибулу латенского происхождения, золотые серьги с головками львов, восходящие к эллинистическим серьгам *Löwenkopforhrringe*, птолемеевский бронзовый перстень с изображением Арсиной III. В могильнике найдена обширная коллекция бус, подвесок, амулетов и пр. из стекла, сердолика, гагата, янтаря, горного хрусталя, египетского фаянса и золота.

В могильнике Деметра II найдены объекты как погребального, так и ритуального характера. Материалы свидетельствуют о сарматизации местного населения (широтная ориентировка погребенных, отсутствие характерных меотских типов сероглиняной керамики, наличие привозных сарматских сосудов). Наиболее ранняя хронологическая грань могильника — вторая половина IV в. до н. э., наиболее поздняя — конец III – начало IV в. н.э.

Был также исследован могильник «Молдаванка», относящийся к белореченской культуре XIV–XV вв., идентифицируемой как адыгская. Он относится к рядовому населению, хоронившему покойных в неглубоких ямах. Найден фрагмент надгробья — плиты с изображением креста — указывающий на фиксируемые западными письменными источниками того времени (И. де Галонифонтибус, И. Шильтбергер, Д. Интериано) [1] элементы христианских воззрений адыгов (черкесов). В могилах найдены железные кресала, ножницы для стрижки овец, ножи, наконечники стрел, мужские поясные наборы, женские украшения (сердоликовая бузина и бронзовые позолоченные серьги со сканью).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 14, 16, 25.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Басов Игорь Иванович — кандидат исторических наук, доцент, и.о. завкафедрой всеобщей и отечественной истории, директор Центра археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир). E-mail: basov.i@mail.ru

Басов Виталий Иванович — специалист Центра археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир).

Великая Наталья Николаевна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир), академик Международной академии наук. E-mail: velikaya55@mail.ru

Виноградов Борис Витальевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир), академик Международной академии наук. E-mail: vinogradov.b@mail.ru

Вольная Галина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и археологии РСО – Алания (Владикавказ). E-mail: gal.volnaya@yandex.ru

Гарунова Нина Нурмагомедовна — доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России XX–XXI вв. ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» (г. Махачкала). Отличник образования Республики Дагестан. E-mail: garunovanina@mail.ru

Голованова Светлана Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир), академик Международной академии наук. E-mail: golovanova-ca@mail.ru

Дударев Сергей Леонидович — доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир), заслуженный деятель науки Кубани, академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа. E-mail: dudarev51@mail.ru

Еремин Николай Михайлович — педагог-организатор, Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Дворец детского юношеского творчества «Юный губкинец», г. Губкин Белгородской области, E-mail: ereminn.m@mail.ru

Клычников Юрий Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», академик Международной академии наук. E-mail: klichnikov@mail.ru

Матвеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Приймак Юрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор всеобщей и отечественной истории, декан исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир). E-mail: prijmak1975@mail.ru

Пылков Олег Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель филологического факультета, кафедры философии, права и социально-гуманитарных дисциплин Армавирской государственной педагогической академии. E-mail: pylkoleg@mail.ru

Савенко Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, директор ГБУК Ставропольского края «Пятигорский краеведческий музей», заслуженный работник культуры РФ (г. Пятигорск). E-mail: sovos57@mail.ru

Хлудова Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир). E-mail: lusi-nik@list.ru

Цыбульникова Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир). E-mail: ana555000@yandex.ru

Шевченко Ольга Николаевна — учитель истории, Муниципальное автономное образовательное учреждение «СОШ № 17», г. Губкин Белгородской области.

INTERNATIONAL ACADEMY OF INFORMATIZATION
CIVIC ACADEMY OF SCIENCES, CULTURE AND EDUCATION
OF THE CAUCASUS
ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
V.B.VINOGRADOV'S KAVKAZOVEDCHESKAYA
EDUCATIONAL RESEARCH SCHOOL

19th SEMINAR MATERIALS
V.B. VINOGRADOV KAVKAZOVEDCHESKAYA SCHOOL

**RUSSIA'S NORTH CAUCASUS:
PROBLEMS OF FORMATION, MATERIALS FOR HISTORICAL
AND ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE REGION**

Scientific publication

Executive editor S.L. Dudarev

Summary

Russia's North Caucasus: problems of formation, materials for historical and archaeological study of the region. — Armavir; Stavropol: Design Studio B, 2016. — P. 124

In this digest the new materials of the 19th Seminar of professor V.B. Vinogradov Kavkazovedcheskaya School are published. The reports and statements made at the seminar considered various topics. Attention was given to the long-term tasks of the school team, especially to the writing of collective monograph "Millennium of Russia's North Caucasus: historical and ethnographic essays (IX–XIX century)." Its structure, content sections, approaches to writing materials, etc. were discussed. Special attention was paid to the individual sections of the monograph which have fundamental importance for the understanding of the overall direction of Russian policy in the North Caucasus in XVIII century and in the next century. The members of the seminar presented their research results regarding protection and study of the monuments of history and culture of the North Caucasus region. At the seminar reports were made on the assessment of the newly published literature on regional studies of the North Caucasus. The collection contains works by members of Kavkazovedcheskaya School representing Russian universities, museums, educational institutions from Armavir, Rostov-on-Don, Makhachkala, Pyatigorsk and Vladikavkaz, Gubkin (Belgorod region).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ	
С.Л. Дударев. О перспективах деятельности Каказоведческой Школы	5
В.И. Басов, И.И. Басов, Ю.В. Приймак. О деятельности центра археологических исследований АГПУ в 2015 году	9
ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ	
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	
I. Обсуждение хода выполнения коллективной монографии «ТЫСЯЧЕЛИТИЕ РОССИЙСКОГО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ (IX–XIX ВЕКА)»	
1. Общие вопросы написания монографии	
Ю.Ю. Клычников. Некоторые итоги написания коллективной монографии о российском Северном Кавказе	11
С.Л. Дударев. О некоторых подходах к написанию обобщающей работы по региональной истории	14
2. Российская политика на Северном Кавказе — к определению концептуальных подходов (в связи с обсуждением раздела Н.Н. Великой)	
Н.Н. Великая. Об особенностях политического взаимодействия Российского государства с горцами Северного Кавказа в XVIII веке	22
3. Дискуссия по разделу	
С.Л. Дударев. Российская политика на Северном Кавказе — мироустройство или мессианство? (в общегосударственном контексте)	31
Н.Н. Гарунова. «Пометки между строк...»	43
В.А. Матвеев. Российская альтернатива Кавказской войны и эпохи после ее завершения (концептуальные аспекты)	45
Л.Н. Хлудова. К вопросу о формировании художественного образа «Российского Северного Кавказа» (первая половина XIX века)	50
II. Вопросы историко-регионоведческой проблематики	
Н.Н. Гарунова. К вопросу о деятельности Осетинской духовной комиссии в контексте российской конфессиональной политики в Северокавказском регионе (середина XVIII – первая половина XIX в.).	56

Н.М. Еремин, О.Н. Шевченко. Сведения о делах (документах) архива, которого нет	61
Н.М. Еремин. Казаки в Гражданской войне	67

III. Критика и библиография

Н.Н. Гарунова. «Мысли вслух...» К обсуждению монографии В.А. Матвеева «Российская идентичность мусульман Северного Кавказа: исторические особенности формирования и проявления в кризисных условиях на рубеже XIX – начала XX в.» — Ростов-на-Дону, 2015	71
Ю.Ю. Клычников. Актуализация проблемы межэтнических конфликтов на Северном Кавказе в исторической ретроспективе: к оценке нового исследования В.А. Матвеева «Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: опыт осмысления и противодействия на рубеже XIX – начала XX в.» — Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. — 150 с.	73
Б.В. Виноградов. Межэтнические конфликты и опыт интеграции: к проблеме современного анализа (к изданию монографии В.А. Матвеева «Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: опыт осмысления и противодействия на рубеже XIX–XX вв.» — Ростов н/Д., 2015)	79
О.С. Пылков. Новое исследование о российском освоении Центрального Предкавказья	82
С.А. Голованова. «...От жизни рядом с Российским государством к жизни внутри него»	91
А.А. Цыбулькинова. История ногайцев Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья через призму концепции «российскости»	95

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Г.Н. Вольная. Предметы зооморфного искусства из памятников I тыс. до н.э. Туальского ущелья Северной Осетии	101
С.Н. Савенко. К вопросу о женском скифском изваянии в собрании Пятигорского краеведческого музея	109
С.Л. Дударев. Некоторые аспекты атрибуции археологического артефакта (о скифском женском изваянии из Пятигорского музея)	112
С.Л. Дударев. Новые материалы по археологическому изучению Адыгеи. «Древности «Долины яблонь». Каталог выставки. — М.: ГМБ, 2014. — 144 с.; ил.	116

SUMMARY	121
--------------------------	-----

Научное издание

Материалы 19 семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова

РОССИЙСКИЙ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, МАТЕРИАЛЫ
К ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ
РЕГИОНА

Ответственный редактор С.Л. Дударев

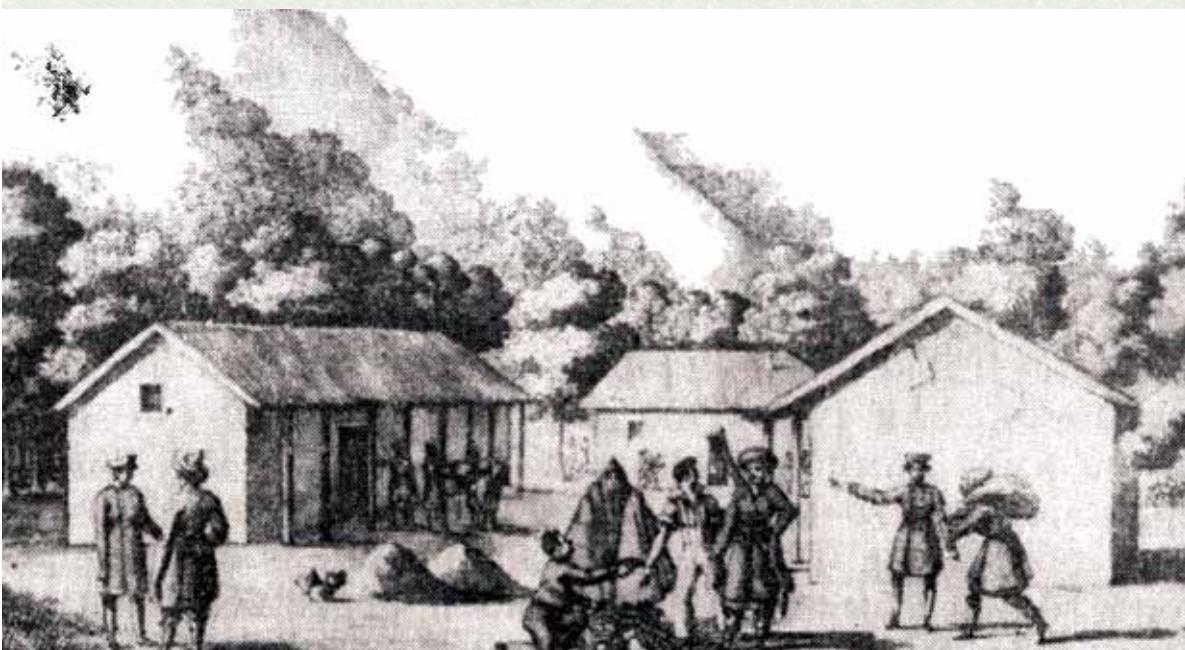

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «ТоварищЪ»,

Издательство «Дизайн-студия Б»,
г. Ставрополь, ул. Маршала Жукова, 46.

Подписано в печать 20.02.2016. Формат 65 x 95 1/32.
Гарнитура Georgia. Бумага 70 г. Усл. печ. л. 8,84. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Дизайн-студия Б».
Ставрополь, Маршала Жукова, 46. Тел. 75-06-09.

Доклады и сообщения
19 семинара
Кавказоведческой Школы
В.Б. Виноградова